

В.А.ОБРУЧЕВ

ЗОЛОТОИСКАТЕЛИ В ПУСТЫНЕ

ГОСГЕОЛИЗДАТ

В.А. ОБРУЧЕВ ЗОЛОТОИСКАТЕЛИ В ПУСТЫНЕ

В.А.ОБРУЧЕВ

ЗОЛОТОИСКАТЕЛИ В ПУСТЫНЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА — 1950

АННОТАЦИЯ

Автор в популярной форме описывает быт и нравы китайских горнорабочих в прошлом столетии и тяжелые условия их труда.

Книга знакомит читателя с природой Джунгарии (климат, рельеф, животный и растительный мир), геологическими условиями образования золота, с существовавшими в то время способами добычи руды из кварцевых жил и переработки ее для получения золота.

Книга выпускается вторичным исправленным и дополненным изданием. Рассчитана на широкий круг читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сорок лет тому назад я изучал страну Джунгарию — часть Китая, прилегающую с юго-востока к границам Восточного Казахстана. В этой местности соприкасаются горные системы Алтая и Тянь-Шаня, и моей задачей было выяснить границу между ними, ее геологию и географию.

Я провел три лета в этой стране и пересек ее в разных направлениях; изучал горные цепи, летовки¹ кочевников, широкие долины с оазисами по речкам и у источников воды и площадями настоящей, полной пустыни, ровной или холмистой, местами похожей по своему рельефу на развалины большого города.

В одной из горных цепей я встретил в нескольких местах развалины селений с заброшенными шахтами, рудными отвалами и остатками промысловых устройств, которые показали, что в этих горах, теперь населенных только кочевниками, когда-то жили оседлые люди, добывая золото. Я осмотрел несколько таких поселков, выяснил условия жизни и работы в этой пустынной местности, где теперь бродят только антилопы, а в прежних шахтах обитают лисицы и волки.

¹ Летовками называются горные пастбища, куда кочевники переселяются на лето со своими юртами и скотом.

Из истории Китая я узнал, что в этой стране добывали золото в первой половине прошлого столетия и что добыча прекратилась в связи с гражданской войной, охватившей запад Китая 70—80 лет тому назад, когда были разрушены многие селения и города, а население истреблено или разбежалось.

Обработывая материалы и наблюдения своего путешествия по Джунгарии, я подумал, что было бы интересно описать для широкого круга читателей жизнь и работу этих искателей золота, загнанных нуждою в пустыню китайских рудокопов, извлекавших крупинки золота из твердых жил кварца в глубоких примитивных, ничем не укрепленных шахтах, дробивших кварц в каменных чашах и промывавших его водой из тех же шахт. Она употреблялась и для питья, так как в большинстве поселков другой воды не было. Описание суровой жизни рудокопов хотелось дополнить рассказом об их приключениях в горах и долинах Джунгарии в начале гражданской войны (середина XIX века), вызванной восстанием дунган (китайских мусульман). Это давало возможность более подробно познакомить читателя с природой страны.

Книжку такого содержания я написал 20 лет тому назад. Она была издана небольшим тиражом, почему и осталась мало известной. Между тем Джунгария — пограничная с нашим Союзом страна и ее природу нам необходимо знать. Государственное издательство геологической литературы нашло полезным переиздать книжку и украсить ее рисунками. Текст нового издания исправлен и дополнен пятью главами.

В. Обручев.

В КИТАЙСКОЙ ШАХТЕ

Около полудня Лю Пи вылез из своей шахты и после многочасового пребывания в подземной сырости и прохладе с наслаждением глубоко вдохнул знойный летний воздух. Он взглянул прищуренными глазами на солнце, сиявшее на безоблачном небе, потом посмотрел на цепь голых скалистых гор Кату, заграждавшую вид на север, подобно гигантской пиле, обращенной зубьями вверх, еще раз взглянул на солнце, перевел взор на запад и, почмокав губами, пробормотал:

— Большой ветер будет к ночи, большой ветер, черная буря. Хорошо, если Ван Ли успеет доехать до заимок Чаапчи.

Лю Пи оглянулся на черную дыру шахты, из которой вылез и на дне которой проводил изо дня в день более половины суток. Из темноты послышался шорох и кряхтенье — еще кто-то лез наверх.

— Торопись, Мафу, обед остынет! — крикнул Лю Пи с явной насмешкой в голосе и зашагал, слегка сгорбившись, к дверям низкой фанзы, находившейся в нескольких шагах от шахты.

— Лю Пи, приятель, не начинай есть без меня! — послышался умоляющий голос из глубины черной дыры. — Я не могу лазить так скоро, как ты, по нашим проклятым лестницам. Подожди меня, слышишь?

Но Лю Пи не обратил никакого внимания на просьбы своего товарища и вошел в фанзу, низко согнувшись, чтобы не стукнуться головой о прилолку. В фанзе было довольно темно, так как она освещалась небольшим оконцем, не более четверти квадратного метра, затянутым вместо стекла побуревшей от пыли бумагой. Низкий и широкий кан (лежанка) занимал почти всю заднюю половину комнаты. На нем лежали камышевые циновки, свернутые матрасики и одеяла, валики-подушки, тряпье. Перед оконцем стоял кривоногий грубый низенький стол с посудой. В углу темнел высокий, почти в метр, массивный глиняный сосуд, в котором китайцы хранят зерно и муку. Рядом на стене висели на колышках какие-то мешки, связки лука, чеснока и красного перца, пучки засушенной горной полыни и других трав. Слева от двери были свалены инструменты рудокопа — заступы, кирки, молоты и клинья, рядом с рванными мешками и узкими, высокими корзинами из ивовых прутьев.

— Еда готова? — обратился Лю Пи к двум полуголым мальчикам, сидевшим на корточках возле устья широкой топки кана, в которой горел огонек и в чугунном котле на треноге что-то бурлило, испуская клубы пара.

— Давно готова. Давно пора есть! — воскликнул один из мальчиков, вскакивая на ноги, тогда как другой всыпал какую-то зелень в котел и стал мешать в нем длинной разливательной ложкой.

— Готово, так будем есть! приказал Лю Пи, забрал со стола четыре фаянсовые чашки, похожие на полоскательные, перенес их на кан, затем снял с кола один из мешков, насыпал из него горку мелких сухарей на кусок ржавого листового железа, заменявший поднос, и также поставил на кан рядом с чашками. В это время полуголые маль-

чики соединенными усилиями вытащили треногу с котлом из топки и подняли котел на кан.

— Вот и Мафу идет! — заметил Лю Пи, вскакивая на кан и располагаясь на циновке, поджавши ноги. — Не говорите ему, что мы не ели. Слышите!

Мальчики в ответ захихикали и опять присели на корточки возле печки, обратив запачканные сажей смеющиеся мордочки к дверям фанзы, за которыми слышался тяжелый топот и фыркание, словно к ним подошла усталая лошадь. Дверь распахнулась и в нее, согнувшись, протиснулся боком человек богатырского телосложения, крайне редкого среди китайцев. Он бросил в угол кайлу, громко звякнувшую о другие инструменты, и проворчал:

— Опять сломалась, проклятая! Наша жила — чистый кремень, инструмент съедает, а золота дает мало-мало. А вы уже покушали, я вижу, — прибавил он, заметив, что его сожители словно отдыхают после еды.

— Мы уже покушали, Мафу, — сказал Лю Пи и в доказательство громко икнул. — Не знаю, осталось ли что-нибудь для тебя. Ты очень долго не шел, а мы были голодны, как крысы.

— Ужасно голодны, — подтвердил один из мальчиков. — А похлебка была такая вкусная, с чесноком и луком.

— У-у, обжоры! — взвизгнул Мафу и, схватив полуголых мальчуганов за головы, пригнул их к самой земле.

Мальчики визжали и барахтались в могучих руках Мафу, Лю Пи хохотал во все горло.

— Ну, довольно, Мафу, — сказал он, натешившись. — Ты загляни в котел, может быть, и тебе хватит пообедать.

— Что же ты не сказал раньше, черепаха, — буркнул Мафу, выпустил пленников, толкнув их в разные стороны, и подошел к котлу, закрытому тряпкой. Он приподнял тряпку, заглянул в котел и, увидав, что он полон, громко засмеялся.

— Опять обманули меня, бездельники!

Мафу забрался на кан и сел рядом с Лю Пи, а мальчики поместились на краю по обе стороны котла. Лю Пи пододвинул чашки и, вооружась разливательной ложкой, наполнил их горячей жидкой похлебкой из пшена с мелко нарезанным зеленым луком и чесноком, сказав:

— Кушайте на здоровье, не взыщите.

Каждый из сотрапезников взял свою чашку, горсть сухарей и стал с шумом втягивать горячую жидкость, фыркая, вздыхая и по временам подбрасывая в нее несколько сухариков. После первой чашки съели по второй, по третьей и по четвертой. Затем мальчики скромно отошли к топке, предоставив взрослым кончать котел, в котором нашлось еще по две чашки на каждого.

— Чай! — послышался приказ Лю Пи.

Один из мальчиков вытащил из глубины топки небольшой закопченный чайник и поставил его на кан. Лю Пи налил немного чаю в свою чашку, сполоснул ее от остатков супа, выплеснул на пол и затем налил себе до краев светлого зеленоватого чаю, который стал пить маленькими глотками. Мальчики сняли котел с кана и поставили в угол фанзы, убрали свои чашки на стол, а чайник — обратно в топку, затем поклонились старшим до пояса и выбежали на двор. В фанзе некоторое время опять слышались журчанье втягиваемой жидкости и вздохи.

Опорожнив по одной чашке, Лю Пи и Мафу развернули свои узкие и тонкие ватные матрасики на циновках теплого кана, положили в изголовье короткие валики, заменяющие у китайцев подушки, и улеглись спать. Через несколько минут слышалось уже легкое посапывание Лю Пи, чередовавшееся с громким храпом его сожителя.

Прошло около часа. Лю Пи проснулся, протяжно вздохнул и присел на своей циновке. Почесав спину, бока и грудь, он толкнул Мафу в бок и прервал его храп, затем слез с кана, вытащил из топки горячий еще чайник и, присев на корточки,

налил себе чашку. Утолив первую жажду, он достал из-за пояса своей синей рубашки кисет и трубку с металлической чашечкой и халцедоновым мундштуком, набил табаку, выкопал из золы уголек и закурил. Дым табака и приторно-сладкий запах подмешанного к нему опиума распространились по фанзе и окончательно разбудили Мафу.

— Пора на работу, — сказал Лю Пи, выколавывая золу из трубки и снова наполняя ее свежим табаком. — Поторопись, толстый!

— Работа не блоха, из рук не выскочит, — ответил Мафу, сползая с кана. Он налил себе чашку чая, набил свою трубку, более толстую и длинную, чем у Лю Пи, поднял с земли брошенный последним уголек и жадно стал курить, глубоко заглатывая дым.

— Как думаешь, кончим мы сегодня подсечку жилы? — спросил Лю Пи.

— Ни за что! — ответил Мафу. — Жила — чистый кремень стала; бьешь, бьешь, а толку мало. Придется нам бросить эту сторону!

— А где же мы будем работать? — сердито возразил Лю Пи. — Глубже не уйдешь — вода, наверху все взято уже. Только эта твердая сторона и осталась.

— Ну, этой твердой стороны нам надолго хватит, — усмехнулся Мафу, покончив с курением и принимаясь за чай. — Кирки изломаем, руки обломаем, будем зубами выгрызать руду. А зубы ломаем — тогда что?

Он быстро допил чашку, встал, потянулся так, что затрещали кости, и произнес лениво:

— Пойдем, что ли!

Лю Пи поднялся, вытряхнул трубку, засунул ее и кисет за пояс и направился к двери. Мафу, выбрав из кучи в углу исправную кирку, последовал за ним. Они прошли через дворик к зиявшей в противоположном углу черной яме.

Лю Пи опять пристально посмотрел на запад, куда уже немного склонилось солнце, и на зубчатые вершины Катэ.

— Непременно к ночи большой ветер будет, — прибавил он, качая головой, — Смотри-ка, солнце уже потускнело, а Катю затянуло словно дымом.

Шахта, в которую стали спускаться наши рудокопы, повергла бы инженера в ужас. Это был ров, тянувшийся вдоль всей стены дворика, противоположной фанзе, пятнадцать метров в длину и метр в ширину. Вглубь он уходил очень круто, под углом около 60°. Один из боков висел над пустотой, ничем не закрепленный и не поддерживаемый, вот-вот, казалось, готовый рухнуть. Отдельные глыбы камня — зелено-серого, грубослоистого сланца — выдавались вперед, совсем нависая над бездной. В противоположном боку были высечены узкие ступеньки. Нужно было обладать ловкостью обезьяны или многолетней привычкой, чтобы подниматься и, в особенности, спускаться по этой крутой и опасной лестнице без перил, уходившей на глубину тридцати метров. А каково было подниматься с тяжелой корзиной руды за плечами!

«Шахта» эта представляла собой просто выработку вдоль золотоносной кварцевой жилы. Рудокопы начинали добывать оруденелый кварц с самой поверхности, оставляя на месте пустую породу обоих обоков жилы, и постепенно уходили все глубже, пока подземная вода, для борьбы с которой у них не было ни средств, ни познаний, не ставила предела их погоне за золотом. Тогда «шахту» бросали и начинали рыть новую на другой жиле. Вынимали, впрочем, не весь кварц; местами жила становилась очень бедной, и эти части ее оставляли в виде перемычек, тянувшихся вдоль или поперек рва, от одного бока до другого, и служивших подпорками для нависшего бока, который иначе неминуемо в конце концов обрушился бы, придавив первобытных рудокопов.

Мафу спускался первым, а Лю Пи следовал за ним на некотором расстоянии. До глубины двадцати метров они спускались при постепенно убывавшем дневном свете, проникавшем сверху. Но дальше становилось уже слишком темно. Они вы-

секли огонь при помощи трута и огнива и засветили свои рудничные лампочки — небольшие глиняные сосуды, похожие на чайники, наполненные маслом. Фитиль из бумажной тряпки, вставленный в носик сосуда, давал слабый свет. Посредством короткой цепочки и крючка лампочка подвешивалась к поясу, оставляя свободными руки.

Еще десять метров вниз — и рудокопы добрались до дна шахты и повернули влево. Теперь золотоносная жила была у них под ногами. Они бесцеремонно топтали драгоценный кварц, уходивший еще глубже, но для них недоступный, потому что на этом уровне работе уже мешала вода, капавшая также с нависшего бока и стоявшая лужами в углублениях дна.

Шагов через тридцать Мафу и Лю Пи подошли к месту своей работы, где остался еще участок жилы выше уровня подземной воды. Кварц залегал грязно-белой ветвистой полосой почти в метр ширины, переслаиваясь с твердым сланцем и пуская отростки в висячий и лежащий бока жилы, состоявшие из того же сланца. Мафу остался на дне шахты, а Лю Пи полез по жиле метра на два вверх, где был его уступ. Рудокопы подвесили лампочки к выступам камня и принялись за свою трудную работу. Киркой они выковыривали кварц кусочек за кусочком, а если кирка не брала — загоняли ударами молота железные клинья в тонкие трещины жилы или окаймлявших ее сланцев. Но здесь кварц был очень твердый и мало трещиноватый; кроме того, отсутствовала каемка охристой глины, отделявшая в других местах кварц от боковых сланцев и облегчавшая работу, так как глина легко выковыривалась киркой, а в оставшееся пустое пространство удобно было вставлять клинья и отделять ими более крупные куски породы.

Добытый кварц ссыпался на цыновку, разостланную у подножья забоя, откуда его время от времени сгребали мальчики, спускавшиеся в шахту с корзинами на спине, в которых и выносили наверх золотоносную руду. Так как по крутому и

длинному подъему с его первобытными ступеньками они не могли унести более 15—20 килограммов за один прием, то им приходилось спускаться и подниматься раз двадцать-тридцать в день. Мальчики настолько хорошо изучили дорогу, что обходились без освещения даже на дне шахты; они знали, где нужно нагнуться, чтобы не задеть головой о камень, где повернуть, чтобы обойти яму с водой.

РУДОНОСЫ

Прошло более часа с тех пор, как рудокопы вернулись в шахту. Все это время они неустанно долбили жилу кирками. Лю Пи колотил методически, короткими и резкими ударами. Мафу бил с размаху, изо всех сил, и чаще прибегал к клинью и тяжелому молоту, который весело плясал в его руках, звонко ударяя по железу. Разогревшись, оба рудокопа сбросили рубашки из синей дабы и остались в одних шароварах. Их смуглые торсы блестели от пота, косички¹ были обернуты вокруг головы и спрятаны под войлочные шапочки, покрытые таким толстым слоем пыли и копоти, что по цвету не отличались от темного сланца.

— Ну, и жила, будь она проклята! — воскликнул Мафу, бившийся уже минут десять над одним особенно твердым местом. — И, наверно, золота мало, ни крошки охры нет!

— Что ж, отдохнем, покурим, — отозвался Лю Пи, который был арендатором шахты, недавно взял Мафу себе в компаньоны и потому распоряжался работой.

Он спустился со своего уступа и присел на корточках возле кучки кварца, набитого его товарищем.

При тусклом свете лампочки Лю Пи стал перебирать куски белой породы; иные отбрасывал сразу, другие внимательно разглядывал.

¹ В Китае прежде мужчины носили косы.

— Напрасно бранишь жилу, золото мало-мало есть, — сказал он, окончив осмотр и принимаясь за свою трубку. Мафу уже курил, прислонившись к забою.

— Мало-мало — это мало, — ответил он. — Пожалуй, на еду и на инструмент не заработаешь.

— Не надо бранить жилу, — шопотом произнес Лю Пи, словно жила могла подслушать разговор. — Не знаешь разве: будешь хаять — золото совсем скроется. Подземные демоны не любят, когда люди недовольны их сокровищами. Или золота не станет, или с тобой что-нибудь приключится — камень на голову свалится, ногу ломает. Мы здесь в их полной власти.

— А ты видел когда-нибудь подземного демона? — спросил Мафу, недавно сделавшийся рудокопом и относившийся скептически к их суевериям. Раньше он был погонщиком в обозе, потом табунщиком при китайской кавалерии¹. Свое настоящее имя он скрывал, так как ему пришлось бежать из Китая после нечаянного убийства во время драки.

Лю Пи беспокойно оглянулся вправо и влево.

— В фанзе расскажу, что видел, а здесь нельзя, нехорошо будет, — прошептал он. — Близко был, слышал нас, — прибавил он немного спустя.

Наступило молчание; слышно было только слабое потрескивание лампочки, висевшей на неровной каменной стене, и шипенье табака в трубках. На глубину тридцати метров с поверхности не доносилось никаких звуков; там могла неистовствовать буря, греметь гром, лить дождь — здесь царила мертвая тишина подземного царства, изредка нарушаемая стуком от падения сорвавшегося камня на дно шахты или всплеском, если он угодил в воду.

Но вот послышался легкий шум и глухо звучащие голоса, постепенно приближавшиеся.

— Мальчики идут, — сказал Лю Пи. — У нас, пожалуй, и на две корзины не наберется руды.

¹ Мафу — конюх, погонщик.

Он взглянул на кучку кварца, набитого Мафу, и прикинул, что у него на уступе едва ли будет больше.

— Хватит! — буркнул Мафу и, приподнявшись, вырвал из жилы большой кусок подбитого уже кварца, который и бросил на свою кучу.

Шаги слышны были уже близко, и из темноты вынырнули фигуры мальчиков с корзинами на спине. Подойдя к рудокопам, они присели на корточки рядом с Лю Пи. Пламя лампочки отразилось светлыми точками в их темных, косо прорезанных глазах, устремленных на огонь.

— Где, щенята, пропадали так долго? — ласково спросил Лю Пи.

— Бегали в горы, собирали дрова и аргал¹, — ответил младший, по имени Пао, племянник Лю Пи.

— И видели хуан-янгов², — прибавил второй, Хун, подскакивая от волнения: — пять больших и двух маленьких.

— Мы хотели поймать хоть одного. Созсем уж близко были, — затараторил Пао, — да они нас почуяли и ускакали, как ветер.

— А вы не знаете как поймать хуан-янга, не имея ружья? — сказал Лю Пи с лукавой усмешкой.

— Арканом разве за рога или из самострела подстрелить? — предложил Хун.

— Не нужно ни аркана, ни самострела, а только горсть соли насыпать хуан-янгу на хвост — и ты его поймаешь непременно! — серьезно заметил Лю Пи.

— На хвост?! — воскликнул Хун, разевая рот от удивления. — Да как же так? Он убежит раньше, не подпустит.

— И хвост у него очень маленький, — прибавил Пао в недоумении.

Лю Пи и Мафу расхохотались. Мальчики сообразили, что над ними шутят, и сами рассмеялись.

¹ Аргал — сухой помет диких и домашних животных, служащий главным топливом в Монголии.

² Хуан-янг — «желтая коза»; так называют китайцы антилоп, которые водятся в изобилии в степях Центральной Азии.

*На глубину тридцати метров с поверхности не доносилось
никаких звуков*

— Не время разговоры разговаривать,— заявил Лю Пи. — Работа не ждет. Нагружайтесь и полезайте наверх, а когда вернетесь — принесите мне другую кайлу, моя иступилась.

Хун опустился на колени возле кучи кварца, повернувшись к нему спиной, а Мафу взял лопату и стал насыпать руду в корзину. Когда она почти наполнилась, он помог Хуну встать, и мальчик, согнувшись, зашагал в глубь темной шахты, к лестнице. Как и рудокопы, он был без рубашки, в одних бязевых панталонах. Но у старших шаровары доходили до щиколотки, и ноги были обуты в широкие носки и туфли с толстой подошвой, а у мальчиков панталоны были только по колено, и ноги оставались голыми. Впрочем, их ступни давно уже огрубели и не боялись острых камней, а подниматься и спускаться по ступенькам шахты было гораздо удобнее босиком, чем в обуви.

Вскоре с уступа осторожно спустился и Пао с наполненной корзиной и прошел мимо Мафу. Рудокоп спросил:

— А что, буря уже началась?

— Нет еще, — ответил Пао. — Верно, будет к ночи, солнце стало совсем красное и душно.

На дне шахты опять раздался однообразный стук стали по кварцу, иногда прерываемый вздохами Лю Пи и сердитыми восклицаниями Мафу. Мальчики пробирались к началу подъема, куда еле-еле проникал слабый дневной свет. Но после полной темноты на дне шахты и этого сумеречного света было достаточно, чтобы различать ступеньки. Мальчики поднимались медленно со своей тяжелой ношей, нагнувшись вперед, и в трудных местах, где ступеньки были слишком узки или далеко отстояли одна от другой, ползли на четвереньках, хватаясь за выступы камня. Они знали, что поскользнуться означало верную гибель, потому что удержаться с полной корзиной на крутом скате невозможно, и пришлось бы катиться до самого дна. На спуске, с пустыми корзинами, они были менее осторожны, и обоим уже пришлось испытать на своих боках

жесткость выступов сланца, пока они не изучили все скользкие и ненадежные места.

Чем выше, тем становилось светлее и теплее, а когда мальчики выбрались наверх, им показалось, что они попали в жарко натопленную печь. Солнце, совершенно красное и без лучей, зловеще светило на посеревшем небе. Вершины Кату еле виднелись сквозь завесу мглы. Воздух был неподвижен и удушлив. Накалявшиеся с утра голые скалы Кату, щебнистые склоны ближайших холмов и каменная почва долины отдавали свой жар воздуху, и даже в тени не было прохлады.

Мальчики подошли к большой куче кварца, высившейся у двери фанзы, опорожнили свои корзины и присели отдохнуть. Их смуглые тела блестели от пота, струйками стекавшего вниз и сывавшего сланцевую пыль.

— Мы почти все вынесли, что было. Доставай трубку и табак, — распорядился Пао, растянувшись на земле.

Хун проворно вскочил, подошел к глинобитной стенке дворика и извлек из трещины запрятанную туда коротенькую трубочку без мундштука и тряпочку с табаком. Мальчики давно уже украдкой от старших покуривали. У них в углу дворика, под кучкой камня, был устроен курительный прибор в виде маленького вулкана из глины. Курильщик клал в кратер щепотку табака и уголек, ложился плашмя на землю и тянул дым через боковой канал холмика, сообщавшийся с жерлом. Но глина высыхала и трескалась, и прибор требовал ремонта чуть ли не каждый день. Иногда мальчикам удавалось воспользоваться трубкой Лю Пи или Мафу во время их послеобеденного сна. Но это было связано с большим риском. Поэтому они были очень счастливы, когда нашли на дороге старую трубку.

Мальчики тщательно прятали свое сокровище и гордились им. Табак они ухитрялись таскать понемногу у старших, иногда же покупали в лавочке, если им удавалось найти крупинку золота в каком-нибудь куске кварца. Такие крупинки были в ходу

среди золотоискателей, и лавочники имели особые миниатюрные весы для их взвешивания.

Хун принес трубку и табак, а затем сбегал в фанзу и выкопал из золы под каном горячий уголек. Мальчики легли рядком и поочередно затягивались из трубки, с важным видом обсуждая качества разных сортов табака и достоинства трубок.

— Когда я буду взрослым, — мечтал Пао, — я заведу себе предлинную трубку, как у сычуанца лое,¹ но только мундштук будет у нее из камня, белого, как свиное сало,² а чашечка из чистого золота.

— Такая трубка очень тяжела и неудобна, — заметил Хун. — Куда ты спрячешь ее? Ни в чулок, ни в кисет ее не засунешь.

— Нет, я буду богатым человеком, — фантазировал Пао. — Мне не придется работать самому, у меня будут шахты с золотом. Я буду сидеть на кане, курить золотую трубку, есть жареное мясо и рис и пить цветочный чай.

— А я, — мечтал Хун, — куплю себе ружье и стану охотником. Буду стрелять хуан-янгов, диких лошадей и верблюдов, даже тигров.

— А ты видел когда-нибудь живого тигра?

— Нет, живого не видел. Но когда жил с отцом в Ши-Хо, калмыки привезли в ямынь³ мертвого тигра, которого убили в камышах на Куйтине. Ах, какой это красивый и страшный зверь: весь желтый, с черными полосами, а зубы и когти огромные, вот такие! — Хун показал свой большой палец. — Он растерзал двух лошадей и калмыка, прежде чем его закололи.

— О, о! — протянул Пао. — Какой злой! Что же с ним сделали в ямыне?

— Начальник взял шкуру себе, а мясо отдал солдатам. Знаешь, чтобы быть храбрым, нужно

¹ Лое — по-китайски господин.

² Нефрит — очень твердый камень, употребляемый в Китае для разных изделий.

³ Ямынь — канцелярия правительственного учреждения.

поесть мясо тигра. Все солдаты в Ши-Хо тогда поели этого мяса. И мне дали кусочек. С тех пор я и хочу стать охотником.

— Нужно бы и мне съесть кусочек тигрового мяса. Только вот сюда никогда не привозят тигров.

Выкурив две трубки, мальчики спрятали свои сокровища и пошли в шахту, захватив кувшин для воды и кирку для Лю Пи. Вблизи поселка не было ни речки, ни ключей, и рудокопы пользовались водой из своих шахт.

ЗОЛОТОНОСНАЯ ПУСТЫНЯ

На многие тысячи километров, от синих волн Тихого океана до сурового высокого Памира, «крыши мира», протянулась русско-китайская граница. Зубчатой стеной, воздвигнутой подземными силами, тянутся вдоль нее, сменяя друг друга, высокие горные цепи: Малый Хинган, Ильхури-Алинь, Кентей, Хангай, Саян, Русский и Монгольский Алтай, Саур, Тарбагатай, Варлык, многочисленные гряды Тянь-Шаня, Алая и Памира.

Сама природа создала эту величайшую стену, в сравнении с которой Великая стена, отделяющая Китай от степей и пустынь, населенных подвластными ему кочевниками, является детской игрушкой. Эта стена отгородила обширную Поднебесную империю¹ от остальной Азии и охраняла ее до недавнего времени от влияния западной культуры. Она не только высока, но и очень широка и трудно проходима.

Но есть в этой ограде китайских владений настоящие природные ворота. Они находятся там, где русско-китайская граница переламывается и высокие цепи Алтая уступают место еще более высоким цепям Тянь-Шаня. В этом месте сравнительно небольшие горы отделены друг от друга широкими долинами, по которым не только проходят

¹ Китай стал республикой только в 1912 г.

караваны, но могли бы пройти железные дороги. Через эти ворота в средние века кочевые народы Монголии, поднятые Чингиз-ханом, хлынули разрушительным потоком на запад Азии и восток Европы.

Один из горных хребтов среди этих ворот называется на западе Майли, на востоке Джаир. Майли-Джаир состоит из нескольких уступов неодинаковой высоты и различного характера.

В восточной половине Джаира особенно бесплоден средний, самый низкий уступ; горы превращаются здесь в низкие холмы, усыпанные щебнем, совершенно черным от покрывающего его «загара пустыни».

Здесь нет ни воды, ни жизни, даже ящерицу или жука увидишь редко, и только антилопы прячутся в лабиринте холмов, довольствуясь их скудной растительностью. С утра до вечера солнце жжет щебневые склоны, накаляя черные камни, и на свободе гуляет знойный ветер. Но зато пустынный восточный Джаир богат золотом, которое люди добывали еще во времена независимых ханов Джунгарии (до начала XIX века). Китайцы продолжали разработку. Золотой промысел на этой далекой окраине был свободен; каждый мог им заниматься, уплачивая только часть добытого золота в китайскую казну.

Постепенно дикий Джаир оживился; вместо двух-трех рудников, работавших при ханах, возникли десятки их в разных местах. Золотоискатели построили целые поселки возле рудников, в соседних долинах рек Эмиля, Манаса и Кобука возникли фермы китайских земледельцев, которые снабжали рудокопов хлебом. Золото оживило эту страну, в которой раньше жили только кочевники-киргизы и монголы-калмыки. В Джаире есть и россыпное и рудное золото; но золотоносные пески, добытые в россыпи, нужно промывать, чтобы отделить песок и гальку от драгоценного металла, а вода встречается редко. Поэтому разработка россыпей развивалась слабо, и главное свое внимание золотоискатели обратили на жилы.

Каждому давалось право разрабатывать 30—35 метров золотоносной жилы по ее длине, а в глубину — сколько пожелает. Получив участок, золотоискатель огораживал его глинобитным забором, строил на нем из камня и глины фанзу для жилья и тут же во дворе начинал разрабатывать жилу, уходя по ней постепенно все глубже и глубже, пока подземная вода не останавливалась его работы в глубине и пока он не встречался со своими соседями справа и слева. Тогда ему приходилось брать новый «отвод» на той же жиле в другом месте по ее длине, или на соседней, или даже в другой местности.

Так постепенно выросли поселки золотоискателей по жилам Джанра отдельными рядами, продольными и поперечными, то гуще, то реже. В этих рядах на одних участках кипела работа, на других уже замирала, а были и такие, где она прекратилась, где ограды и фанзы полуразрушились.

Не все жилы и не на всем протяжении богаты золотом. Тот, кому улыбалось счастье, уходил из Джанра с некоторым состоянием. Другие зарабатывали только на пропитание и уносили разве небольшие излишки. Третьи голодали и, пробившись некоторое время на своем отводе в надежде на лучшее, наконец, бросали его и брали новый отвод.

Добытый из жилы золотоносный кварц для извлечения рассеянного в нем мелкими крупинками золота приходилось дробить, молотить в мелкий порошок и промывать. Необходимые для этого приспособления были не по средствам отдельному золотоискателю, да ими и не стоило обзаводиться, так как всю руду, добытую за неделю, можно было перемолоть и промыть в полдня.

Поэтому в каждом поселке работали казенные мельницы, на которых руда перемалывалась тяжелыми жерновами и затем промывалась. Рудокоп доставлял на мельницу свою добычу в назначенный день и час. Руда при нем мололась, а заведывавший мельницей китайский чиновник из полученного золота тут же брал натурой известную долю

в пользу казны за перемол и в счет платы за отвод, причем неизбежно обсчитывал простоватых рудокопов. Место надзирателя на руднике считалось очень выгодным и покупалось, как и другие должности в Китае, за хорошие деньги и на короткий срок.

В таком поселке, одном из трех, расположенных в долине Чий Чу, у подножья гор Катун жили наши знакомцы — Лю Пи со своим компаньоном Мафу и мальчиками-рудоносами Хуном и Пао. Поселок тянулся тремя рядами двориков по трем несколько расходящимся жилам больше чем на 600 метров наискось через долину, всхолмленную плоскими пригорками.

Рудокопы скота не держали: его нечем было кормить в этой пустыне с совершенно голой почвой, на которой лишь кое-где торчали кустики. Для ослов казенной мельницы, вертевших жернова, фураж привозили издалека.

Не было в поселке ни женщин, ни маленьких детей. Рудокопы в большинстве своем являлись голытьбой, пришедшей издалека. Их привлекали слухи о богатом золоте Джайра. У многих и на родине не было семьи. Другие же приходили сюда на известное время года из более близких мест, расположенных у подножия Тянь-Шаня — из округов Ши-Хо, Манас, Урумчи, Гучен, — в поисках дополнительного заработка; их семьи оставались дома на родном поле, у могил предков.

Лю Пи был родом из густо населенной провинции Хонань в низовьях Желтой реки. Его отец переселился на далекий запад, на границу государства, по вызову правительства, и получил землю в новых поселках по реке Манас. Многомесячное путешествие внушило мальчику любовь к передвижениям и новым впечатлениям. Подросши, он нанялся в ямщики, так как старшие братья его сами управлялись с обработкой полей. Побродив по свету, он женился, но не жил подолгу с семьями братьев, а уходил на многие месяцы на заработки в разные места.

Попав в Джаир, Лю Пи пристрастился к погоне за золотом и стал приходить сюда каждый год в надежде разбогатеть и под старость открыть лавку или постоянный двор в Чугучаке или Кульдже. Однообразная жизнь землепашца ему претила; он привык за годы скитаний постоянно встречать новых людей. Пограничные с русскими владениями города, куда приходили караваны с востока и запада и где сталкивались все народности Азии, казались ему наиболее подходящим местом для оседлой жизни на старости лет. В последний приезд в Джаир он взял с собою племянника Пао в рудносы, так как его собственные сыновья были еще слишком малы для этой работы. Селения на Манасе начинались всего в сорока километрах от южного подножия Джаира и в девяносто от рудника Чий Чу, так что Лю Пи работал недалеко от своего дома.

ХЫЙ-ФЫН

Солнце уже закатилось за плоские вершины высокого Джаира, когда Лю Пи и Мафу вылезли из шахты, закончив свой трудовой день. Впрочем, сумерки на этот раз наступили раньше заката, потому что солнце скрылось над вершинами гор в серую пелену, висевшую над горизонтом.

— Эге, уже совсем темно! А я думал, что мы увидим еще последний луч солнца на вершинах Кату... — сказал Мафу, и чуть не растянулся на дворике во всю длину. Он полагал, что ему осталось еще подниматься несколько ступеней, и высоко поднял ногу.

— Фу ты, косолапый! — вскрикнул Лю Пи, получивший тумака от пошатнувшегося товарища. — Уж больно ты спешишь! Видно, боишься остаться без ужина.

Мафу любил больше всего поесть и всегда боялся, что ему мало оставят, если он не поспеет вовремя к обеду или ужину.

— А что сегодня на ужин? — спросил он, помогая Лю Пи подбирать упавшую от толчка руду, которая еле белела на дворике при наступившей раньше времени темноте.

— На ужин? Мой рассказ о подземных демонах.

— Этим сыт не будешь после работы в шахте! Если мальчики ничего вкусного не приготовили, я не стану слушать, а завалюсь спать, и даже твои демоны мне не помешают всхрапнуть.

— Шш! — испуганно зашипел Лю Пи. — Слушай, демоны воздуха уже завывли!

Накаленный воздух темной ночи был еще странно неподвижен, когда рудокопы вылезли из шахты; серая мгла, надвигавшаяся с запада, уже окутала небо и скрыла звезды. Зловещая тишина царила вокруг. Но, прекратив беседу, рудокопы ясно слышали глухой шум, шедший с запада, и резкий свист и вой, доносившиеся из ущелий Кату.

— Идем в фанзу, сейчас и у нас начнется бесовское веселье! — вскрикнул Лю Пи, подхватывая холстину с рудой.

Резкий порыв ветра пронесся над поселком, и устья многочисленных шахт приветствовали его глухим вздохом. Что-то зашуршало поблизости. Из другого конца поселка донесся хриплый и протяжный крик осла, закончившийся фырканием, звучащим как насмешка, и опять все стихло. Рудокопы направились к фанзе, бумажное окно которой еле светилось в темноте.

— Готов ли ужин? Что сварили? — спросил Мафу, едва ввалившись в дверь.

— Не совсем готов. Огонь плохо горит сегодня, — ответил голос Хуна, скорчившегося у устья топки.

На кане в осколке разбитой чашки горел в масле фитиль. Пао вытирал посуду тряпкой, которая при этом скудном освещении казалась совершенно черной.

— У-у, нахалы! За хуан-янгами опять бегали, оттого и огонь не горит. — проворчал Мафу.

Лю Пи положил в угол холстину с рудой; под вечер ему удалось наткнуться на место в жиле с видимым золотом, и он осторожно выковырял из него весь кварц и принес с собой, чтобы утром, при дневном свете, измельчить его в ступке, промыть в чашке с водой и таким способом утаить полученное золото от надзирателя, присвоив себе и казенную долю. Так поступали все рудокопы, когда им попадалось видимое золото; надзиратель обвешивал их в свою пользу, они отыгрывались иным способом, и в результате страдала китайская казна. Но предупредить утайку не было никакой возможности; нельзя же было приставить к каждому рудокопу надзирателя.

Сложив мешок, Лю Пи подошел к топке кана, присел на корточки, достал трубку и табак и, закуривая от огня, пылавшего под клокотавшим котлом, спросил:

— Что ты настряпал, Хун?

— Гуамянь¹ с салом. Сейчас поспеет.

— Гуамянь с салом! Ай, ай, как хорошо! — воскликнул Мафу, присаживаясь на корточки возле Лю Пи и собираясь закурить.

В это время вся фанза затряслась, словно от подземного удара; по камышевой крыше, сверху покрытой слоем глины, застучали мелкие камни; из топки выбросило язык пламени; бумажное окно вздулось пузырем, угрожая лопнуть; утлая дверь широко распахнулась, и в нее глянула черная ночь и ворвались свист, гул и вой налетевшей бури вместе с тучей песка и пыли. Хун проворно, как кошка, метнулся к двери, запер ее и подпер изнутри киркой. Лю Пи взял из угла две кирки и поставил их накрест в окно, чтобы прижать бумагу.

— Еще лопнет. Засыплет нас пылью, — проворчал он, возвращаясь к кану и тревожно поглядывая на крышу: буря могла легко снести ее.

Пламя под котлом замирало, и дым проникал в фанзу — буря не давала ему выходить из низкой трубы на крыше.

¹ Гуамянь — гороховая вермишель.

Хун старался раздуть огонь под котлом, но горело плохо и дымило.

— Брось, мальчик, — недовольно проворчал Мафу, глотнувший горького полынного дыма. — Гореть все равно не будет, а глаза ест.

Мальчики вытащили из топки полусгоревший хворост, который Мафу затоптал своими медвежьими лапами, потом добыли и поставили котел, подали посуду и стали есть не совсем уварившуюся гуамянь, похожую на полупрозрачных тонких червей, плававших в горячей воде вместе с кусочками поджаренного бараньего сала. За неимением ложек гуамянь вылавливали губами и запивали ее солевой водой.

Буря продолжала свирепствовать. Порывы ее налетали один за другим, потрясая фанзу и осыпая крышу градом мелких камешков; потрескивание колебавшейся в окне бумаги сливалось с гулом ветра, сквозь который слышались словно тяжелые вздохи, стоны, порой пронзительный свист и как бы протяжный вой волков.

— Пожалуй, и впрямь волки подошли к поселку? — предположил Мафу в промежутке между двумя чашками.

— В такую бурю никакой зверь не выйдет из норы, — ответил Лю Пи, обсасывая губы.

— Не говори! Когда я пас казенный табун в песках под Гученом, в бурные ночи волки часто подходили совсем близко, пользуясь шумом и тем, что собаки прятались, носы у них песком засыпало и чутье ослабевало. Приходилось самим за собак быть.

— А разве здесь есть волки? — поинтересовался Пао.

— Как не быть! Где хуан-янг, там и волк! — сказал Лю Пи.

— Как бы не съели сегодня ишачка с мельницы надзирателя, — заметил Мафу. — Он что-то раскричался перед бурей.

— Если съедят, завтра нам не придется молоть нашу руду, — сказал Пао.

Покончили с ужином, убрали котел, заменив его чайником. Вечером и мальчики участвовали в чаепитии, проворно вылизав свои чашки после сальной воды. Старшие закурили, младшие поглядывали на них с завистью.

ПОДЗЕМНЫЕ ДУХИ

Лю Пи выколотил горячий пепел на ладонь, положил новую порцию табаку, раскурил тем же пеплом и, выпустив клуб дыма, начал почти шопотом обещанный рассказ о демонах.

— Случилось это в Дагуне лет восемь тому назад. Это — рудокопный поселок к востоку от нас, в конце Джаира. Там богатое золото, но воды на тридцать ли¹ кругом нет. Дикое место — скалы, щебень, даже полыни мало, так что с топливом худо. И жилы своенравные, как женщины. То вильнет вправо, то влево, то раздвоится; пойдешь по одной ветви — становится все тоньше и пропадет; вернешься на другую — то же самое. Ну, думаешь, пропала твоя шахта. Но вот, где-нибудь сбоку, если поискать зорко, найдется прожилок с хорошим золотом. Доверишься ему — и он вознаградит, раздуется опять в настоящую жилу. Но работа там трудная, не то, что у нас.

— Ну, и здесь не сладко, — проворчал Мафу.

— Нет, здесь жилы правильные и золото хорошее, нечего роптать на судьбу, — продолжал Лю Пи. — Так вот, имел я в Дагуне отвод в компании с одним рудокопом из Хами. Звали его Фу Пян. Он был длинный и тощий, сгорбленный, как кочерга, но хороший работник, и золото в жиле умел находить отлично. «Оно, — говаривал он, — свой запах имеет, я его чувствую».

Ну, так вот, однажды мы с ним ковыряли кварц в нашей шахте, недалеко друг от друга, искали жилу по боковым веточкам, потому что главная

¹ Ли — китайская мера длины, почти полкилометра.

потерялась. В глубину нельзя было уже идти — под ногами вода, шахта старая, три раза перед нами ее уже бросали. Оставалось еще недоработанных пять размахов¹ по длине в одном боку и два размаха в высоту. А нам досадно. Ну, ковыряли, ковыряли — все напрасно, нет золота.

Вот Фу Пян и рассердился. Бросил кирку прочь и крикнул: «Чтоб дракон проглотил тебя, проклятая жила». Совсем забыл он в гневе, что в шахте нельзя так говорить. И чуть он сказал эти нехорошие слова, как над ним загремело, зашумело, и большой камень, больше нашего котла, прямо ему на ногу скатился.

Лю Пи замолк. Помолчали слушатели, потом Мафу спросил с легкой насмешкой в голосе:

— Это подземный демон в него камнем швырнул, полагаешь ты?

— А то кто же!

— Просто камень скатился. А у нас бывало это не раз.

Лю Пи презрительно пожал плечами и продолжал:

— Он сильно поплатился: ему раздробило всю ступню, так что мы его на веревках вытаскивали наверх. Долго болел и остался хромой, больше в шахты не лазил, у надзирателя на мельнице ишаков погонял, да через два года и умер.

— Но самого демона, который камень бросил, ты ведь не видел, — настаивал Мафу.

— Они скрываются от человеческого глаза. Говорят, что только тот рудокоп, которому суждено погибнуть в шахте, перед самой смертью видит демона. Но мне все-таки случилось видеть одного, и именно в тот час, когда мне грозила смертельная опасность.

Лю Пи замолк, словно вспоминая минувшее или прислушиваясь к звукам, доносившимся в фанзу. Хый-фын бушевал попрежнему, потрясая стены, бросая по крыше камешки, вздувая бумагу между

¹ Размах — мера длины, равная расстоянию между концами пальцев широко раскинутых рук человека.

прижимавшими ее кирками. Дверь по временам вздрагивала и потрескивала от напора ветра, а в остывшей трубе пронзительно гудело. Маленькое пламя масляной лампы колебалось, так как струйки воздуха с пылью прорывались то в щель двери, то из-под крыши, являвшейся одновременно и потолком. Рудокопы сидели, скрестив ноги, друг возле друга, вокруг лампочки, старшие с одной стороны, мальчишки с другой. Их смуглые лица, выпачканные рудничной пылью и копотью, а у мальчишек сажей, еле освещались колеблющимся огоньком.

Лю Пи набил, закурил трубку и начал полупотом, как и прежде:

— Случилось это в рудниках Ван-Чжу-Ван-цзе, что на берегу Дарбуты-речки. Я был еще молод и нанялся в рудоносы, потому что сам не умел ковырять жилу. Наш отвод был высоко на горе и шахта очень глубокая, размахов пятьдесят, а воды в ней еще не было. Мой хозяин работал ее уже пятый год, все вглубь по хорошему золоту. Руду приходилось носить по шахте вверх, а потом по горе вниз, к речке, возле которой стоял поселок. Там фанзу не всегда ставят на самом отводе, как в других местах, потому что у речки лучше: и вода тут же, и мельница, и жить приятнее. Но там я выбивался из сил при носке руды, потому что мне пришлось носить ее вверх и далеко вниз, а потом опять лезть на гору, и так все время вверх — вниз, вверх — вниз. Я был один рудонос, а работали в шахте двое, и я еле успевал унести то, что они наковыряют. Отдыхать почти не приходилось, как ишаку на мельнице.

Носил я руду уже два месяца, дорогу знал — хоть ночью иди, не собьешься. А случился такой грех: задумался я, что ли, или воздушные демоны сбили меня с дороги, — хый-фын дул тогда сильный и глаза песком заносило, — но, идя в гору с пустой корзиной, я свернул со своей тропы и попал к чужой шахте. А шахты там, как везде, родные сестры: одна, как другая, только присмотревшись отличишь свою. Я же не думал, что сбился, и полез

себе в шахту. Лезу, лезу, удивляюсь только, что ступеньки как будто не на месте, не там, где нога привыкла их находить. «Это от усталости, — я думаю, — ноги ослабели», потому дело было под вечер и лез я в шахту в последний раз.

Спустился я на двадцать размахов, пока не стало совсем темно, и начал шарить в том месте, где всегда оставлял свою лампочку идя вверх. «Куда она пропала? — думаю. — И что теперь делать?» Лезть вниз в темноте — боюсь. Лезть наверх — хозяин из жалованья вычтет за последнюю корзину. Да и лампочку во что бы то ни стало нужно найти. Опять пошарил, рассердился. «Неужели, — сказал я, — подземный демон ее утащил, мне на горе?»

Только я это сказал, совсем не громко, и осмотрелся, а внизу из темноты на меня два глаза глядят, большие, круглые и светятся, как лампочки. Я обомлел. «Это сам демон, который стащил лампу, — думаю, — бежать надо!»

Я потихоньку подался назад — он все смотрит. Потом на ступеньку вверх пячусь. А тут как ухнет что-то мимо меня, пылью запахло, гул пошел по шахте, грохот, потом плеск в глубине. Меня чуть не сбросило вниз, едва удержался на ступеньке, к стене прислонился. Стою, ноги дрожат, руки трясутся, зубы стучат. Стало опять тихо, я в себя пришел. Смотрю — глаз в темноте уже не видно. Кинулся вверх, не помню, как выбрался из шахты, сел возле нее на камень и весь дрожу. Отдохнул: страх прошел — светло, хый-фын затихает, солнце светит, закатываясь за горы. Стал я оглядываться — вижу, шахта чужая, незнакомая, возле какого-то лога. И приметы моей нет — я каждый раз, поднявшись с корзиной на шахты, оставлял кусочек руды у устья, а вечером считал их и уносил с последней корзиной, чтобы знать, сколько корзин вынес.

И как это перед спуском я не заметил, что моей кучки нет? Сбил меня с толку хый-фын, не иначе. Стал я искать свою шахту, едва нашел повыше и в стороне, шагов двести. Примета на месте, спу-

стился, лампочку нашел. Вернувшись домой, я все рассказал хозяину. «Эх, куда ты попал, говорит, это шахта Чиван, давно брошенная из-за воды, в ней ключ оказался. А золото богатое было!» — «Кого же я там видел?» спрашиваю: — «Подземного демона видел! Он тебе смерть нес за то, что ты его вором назвал. Завтра, если хочешь, спустимся туда, где ты был, посмотрим, что случилось». — «Нет, я боюсь, — говорю, — как бы опять не показался». — «Хорошо, я полезу один, взгляну». На другой день повел меня хозяин к той шахте, лампочку засветил и полез. Я наверху остался, дожидаясь. Вылез он, говорит: «Ну, Лю Пи, небо тебя спасло и духи твоих предков тебя охранили, потому что ты на волосок от смерти был. Если бы ты остался стоять, где шарил лампочку, тебя бы на месте задавило или сбросило вниз в воду, пропал бы ты бесследно. Там большой камень сорвался, свежее место видно, и все, что я там нашел, твое должно быть».

— Гляжу — мой крючок, — продолжал Лю Пи, — вот этот самый. — Он вынул из-за пояса крючок на цепочке, которым рудокопы выковыривают из жилы мягкую охристую глину, часто содержащую много золота. — В шахте я его всегда в руке имел, чтобы лучше цепляться. Должно быть уронил от испуга. «По этому крючку я и нашел сразу то место, где ты был, — говорит. — И еще удивляюсь, как ты не скатился, спускаясь и вылезая в темноте. Ступеньки совсем плохи стали».

Лю Пи замолчал и занялся трубкой.

— Как же демон так промахнулся?

— Ну, уж не знаю! Только если бы я не поднялся на ступеньку вверх, — лежал бы я и сейчас еще в той шахте под камнем или в воде, лишился бы своего места на кладбище предков. Где бы меня искали? Старых шахт много, в иные и не спустишься — задавит. Тем бы и кончилось.

Воцарилось молчание. Буря завывала и гудела с прежней силой. Масло в лампочке было на исходе, и пламя потрескивало и шипело.

— Не прибавить ли масла? — спросил Хун. — Скоро потухнет.

— Зачем? Нам больше делать нечего, — ответил Лю Пи. — Давайте ложиться.

Мальчики убрали чайник и посуду с кана, разостлали на цыновках тонкие ватные матрасы, под изголовье положили валики и развернули одеяла. Лю Пи и Мафу вышли на двор посмотреть, все ли в порядке. Ветер бушевал почти с прежней силой, и после удушающей дневной жары теперь казалось прохладно. Густая мгла рассеялась, и на небе тускло светил месяц, мимо которого неслись разорванные тучи. Зубья Кату чернели на севере, и тучи по временам захватывали и скрывали их вершины.

— Прохладно стало! — заметил Мафу. — Завтра хорошо будет молоть руду.

— Да, хый-фын кончается, небо очистилось, — ответил Лю Пи, оглядывая двор.

Все было в порядке, только кое-где ветер нагромоздил маленькие барханы песка и гравия.

Вернувшись в фанзу, рудокопы полезли на кан. Мальчики уже заняли места у одной стены, предоставив старшим более теплую часть, ближе к топке. Рудокопы разделись догола, по китайскому обычаю, сложили одежду у изголовья, потушили лампочку и завернулись в одеяла. Скоро в темной фанзе, под аккомпанемент гула в трубе, послышалось похрапывание Мафу и сопение Лю Пи.

НЕОЖИДАННАЯ ПОЖИВА

Но недолго рудокопам пришлось спать безмятежно. В дверь фанзы застучали, пытаясь ее открыть, и чей-то пронзительный голос закричал:

— Хозяин, Лю Пи! Вставай скорее, иди на помощь, вставай!

Призыв пришлось повторить несколько раз, прежде чем закутанные с головой в одеяла люди услышали его. Наконец, Лю Пи очнулся, натянул

на себя шаровары и рубашку и ощупью пробрался к двери.

— Кто стучит? Что надо? — спросил он.

— Проснулся, черепаха! Я уже думал, вас хыйфын задушил, — послышалось за дверью. — Выходи скорее! Тут, возле вашего двора, волки задавили ишака надзирателя. Нужно хоть мясо спасти, пока не съели обжоры.

Лю Пи открыл дверь. За ней стоял Ли Ю, погонщик на мельнице, согнутый дугой под бременем лет. В руке его было старинное калмыцкое ружье на сошках.

— Видишь, какая беда стряслась! — сказал он. — Ишаков мы, понятно, оставили сегодня на дворе, но корму дали мало, запас кончается. Вот они во время бури и вышли на улицу, перепрыгнув через ограду. А волки, видно, были близко, отбили одного, погнали и здесь возле вас и задавили. Я услышал шум, выбежал с ружьем и выстрелил. Волки убежали. Не знаю, ранил ли кого. Неужели вы не слышали крика, возни и выстрела?

— Где тут услышишь, спишь под одеялом, хыйфын гудит в трубе, — ответил Лю Пи. — Чего же тебе нужно от нас? Задавили у вас ишака, надзиратель купит другого, у него денег много.

— Жалко бросить мясо. Оставить так — придут доедать. Сейчас они только горло перегрызли и брюхо разорвали. А за ночь все сожрут.

— Так ты сядь с ружьем возле ишака и карауль до утра!

— Еще уснешь, так они и меня съедят! Старя, Лю Пи, целый день маюсь на мельнице, не могу караулить, — плакался Ли Ю. — Нельзя ли ишака затащить к вам в фанзу?

— Нельзя, всю фанзу зальешь кровью, потом вонять будет, и с какой стати?

— Я бы отдал тебе переднюю ногу за это. Ишак молодой, жирный.

— Нет, в фанзу не возьму. А вот, если дашь заднюю ногу, — мы вдвоем утащим его на мельницу. Идет?

— Что же делать, идет! Нам хоть три ноги и туша останутся.

Ли Ю ушел. Лю Пи ошупью пробрался на свое место, отыскал огниво, высек огонь и зажег лампочку; потом стал одеваться, одновременно расталкивая спавших. Это было не так легко. Прошло минут пять, пока они поняли, что от них нужно. Но слова «задняя нога» произвели магическое действие на Мафу. Теперь он уже торопил мальчиков.

— Понимаете, нахалы, три дня будем есть жирное мясо, вареное, жареное и пареное. Три дня и все за маленькую работу. Долго ли стащить ишака за хвост на мельницу!

Пока остальные одевались, Лю Пи достал из мешка длинную веревку, выбрал из кучки коротких жердей, стоявших в углу и принесенных для починки крыши, четыре жерди потолще и связал их концы обрывками веревки в пучок; поперек других концов, разведенных на две четверти¹ один от другого, привязал еще одну жердь. Окончив работу, он сказал:

— Ну, готово? Так идем!

Рудокопы вылезли из фанзы. Хый-фын затихал, небо почти очистилось, луна ярко светила. Бросая резкие тени, тянулись квадраты оград отводов, а между ними белели дворы и улицы, то широкие, то суживающиеся. Кату, освещенный сбоку, местами блестел яркими точками и полосами; это гладкие поверхности сланцев отражали лунный свет как зеркала. Между острыми вершинами уходили в глубь гор темные ущелья, казавшиеся теперь особенно дикими. Левее зубья Кату сразу оканчивались, сменяясь более мягкими формами гор по реке Ангарты, которые уходили грядой вершин в белесоватый горизонт.

— Совсем прохладно! — вздрогнул Мафу после теплого кана и ватного одеяла.

— Сейчас согреемся, — утешил Лю Пи.

Из калитки дворика вышли на улицу. Она была здесь широка, так как в этой части жилы расхо-

¹ Четверть — около 18 сантиметров.

дились, и отводы на одной из них далеко отстояли от других, расположенных на соседней жиле. Собственно это была не улица, а часть пустыни, с плоскими холмиками, старыми ямами, которые рылись в тщетных поисках возможных промежуточных жил, кучами мусора и пустой породы — безрудного камня, вынутого вместе с кварцем для расширения шахт. Эта пустыня, освещенная луной, казалась особенно неровной; резкость теней преувеличивала все бугры, кучи и холмики.

Лю Пи поглядел вперед, вправо и влево. Вблизи никого не было видно.

— О, о, о, ой, Ли Ю, где ишак? — закричал он.

— Здесь! — ответил старческий голос совсем близко, и из-за соседнего бугра поднялась тощая фигура с ружьем. — Чего долго не шли?

— Салазки ладили. По этим кочкам и ямам было бы плохо тащить, — ответил Лю Пи, направляясь к караульному. Мафу и мальчики, пожимаясь от прохлады, шли за ним молча. Они дремали на ходу.

Подойдя к Ли Ю, рудокопы увидели в небольшой впадине зарезанного ишака. Он лежал на боку, раскинув ноги и задрал голову. В толстом брюхе его чернела огромная дыра с рваными краями, в горле зияла большая рана. Кровь стояла на твердой глинистой почве лужами и казалась пролитой смолой, блестевшей под лучами луны.

— Важно отделали бедного ишака! — пожалел Пао. — Это, кажется, бурый?

— Да, бурка, молодой, глупый, — ответил Ли Ю.

— Волки не приходили больше? — поинтересовался Лю Пи.

— Приходили. Пока я вас будил да разговаривал — опять явились. Добычу изо рта вырвали у них. Они верно тут же по ямам сидят, ждут. Только утащим ишака, прибегут, хоть кровь слизуют с земли.

— Эх, долго мы шли. А то бы я подстрелил одного! — пожалел Мафу.

*

Разговаривая, рудокопы вытащили ишака из ямы на ровное, чистое место, взвалили его на салазки, подтянули передние ноги к задним и связали их, чтобы не задевать за препятствия, взялись вчетвером за веревку, привязанную к жердям, и потащили. Погонщик шел сзади, подталкивая ружьем импровизированные салазки. Только они отошли шагов двадцать, позади них протяжно завыв волк.

— Плачет, убийца, — шутил Мафу. — Дождись меня, я тебе продырявлю бок!

Тащить ишака по кочкам и ямам было трудно, и рудокопы часто останавливались передохнуть. Но затем улица стала уже, ровнее, посреди нее появилась хорошо протоптанная тропа, и салазки поехали быстрее. Добрались, наконец, до мельницы, возле которой в глинобитном домике, отличавшемся от фанз рудокопов несколько большей величиной и столбом у дверей, жил сам надзиратель. Ли Ю постучал в дверь и закричал:

— Лое, лое! Мы привезли мертвого ишака, куда его спрятать до утра? Или сам выйдешь?

Изнутри послышались вздохи и ругательства. Надзиратель, очевидно, неохотно расставался с теплым каном. В ожидании его выхода рудокопы присели на корточки, вынули трубки, высекли огонь и закурили. Ли Ю присоединился к ним. Высоко поднявшаяся луна освещала эту странную группу.

Спустя несколько минут вышел надзиратель. Это был невысокий и жирный человек, с одутловатым лицом, в большой бараньей шубе. Черные пряди шерсти смешно торчали в разные стороны вокруг круглого лица, оттопыренных ушей и обвислых щек. Рудокопы и Ли Ю встали. Надзиратель осмотрел ишака и спросил сердито:

— Где ты нашел его, ротозей?

— Возле их отвода, лое, — ответил Ли Ю, указывая на Лю Пи. — Волки только что успели загрызть его, я их отогнал выстрелом.

— Лучше бы волки заели тебя, нерадивый, черепашье яйцо,¹ вместо моего ишака! Самый молодой и сильный был! Придется тебе покупать мне нового.

— Ой, лое, не гневайся! Та-жень,² будь милосерд! Где же бедному погонщику взять денег на ишака? — и Ли Ю упал на колени к ногам надзирателя.

— Ну, ладно, за то, что ты спас мясо и шкуру, я удержу с тебя только половину цены ишака, — смилостивился надзиратель. — Стащите его на ночь в конюшню, а чуть свет нужно снять шкуру.

— Лое, этим людям я обещал заднюю ногу за то, что они помогли мне притащить ишака сюда, — заявил Ли Ю.

— Ты обещал?! — вскипел надзиратель. — Как ты смел распоряжаться моим добром?

— Не мог же я один унести такую тушу! Ведь больше целого ли до того места, где волки его заели.

— А вы, — обратился надзиратель к рудокопам, — не могли разве услужить вашему лое, не требуя награды?

— Мы бедные люди, та-жень. — сказал Лю Пи.

— Ну, я бы вам дал кусок! А то целую ногу, да еще заднюю!

— Не скупись, та-жень, тебе много останется. И шкура цела, смотри я устроил салазки, чтобы камни не испортили ее. За это к ноге прибавить нужно что-нибудь.

— Ах вы, разбойники, стыда у вас нет! Ну, ладно, пожертвую вам ногу, но только переднюю, чтобы «сохранить свое лицо», раз этот негодяй обещал ее от моего имени. А прибавкой будет одно ухо... Ну, тащите его в конюшню.

— Возьмем одно ухо! — шепнул Лю Пи товарищу. — Больше, видно, у этого скареда ничего не выторгуешь.

¹ Самое обидное китайское ругательство.

² Та-жень — большой человек.

Рудокопы потащили салазки во двор. Надзиратель крикнул им вслед:

— Пусть утром кто-нибудь из вас придет за мясом, только пораньше, чтобы помочь этому ротозею снять шкуру...

— Я приду снимать шкуру, я хорошо умею это, — заявил Мафу.

Он вдруг заторопился.

— Я побегу вперед: может, застану волка, — сказал он Лю Пи.

Как бывший пастух, Мафу умел стрелять и привез на рудники ружье. Но охотиться было некогда, и ружье висело, запыленное, над каном. Мафу побежал во весь дух и только перед двором замедлил шаги, стараясь не шуметь. Он влез со двора на крышу фанзы и, притаившись за трубой, стал всматриваться в безжизненные кочки и бугорки, черневшие вокруг впадины, где лежал ишак. Но вот один из бугорков шевельнулся, двинулся, приподнялся. Это был волк. Он сел, поднял голову и завыл.

Рудокоп осторожно слез с крыши, бросился в фанзу, засветил огонь, снял ружье, зарядил его и так же осторожно опять полез на крышу.

Волк теперь лизал остатки крови. Положив ружье на конек крыши и лежа ничком на скате за трубой, рудокоп выжидал, нацелившись и держа палец на собачке, пока зверь повернется боком.

Где-то недалеко послышались шаги. Волк встрепенулся, поднял голову, насторожил уши и повернулся в сторону доносившегося шума, как раз боком к Мафу. Грянул выстрел. Мафу поднялся и увидел, что на дне впадины билось что-то темное.

— Попал, попал! — радостно заорал он, махая ружьем.

Соскочив с крыши, он выхватил из фанзы кайлу и побежал к впадине. За двором к нему присоединились Лю Пи и мальчики. Когда они подошли, волк был уже мертв. Мафу торжествуя поднял его за хвост.

Волка унесли в фанзу и долго еще, покуривая, обсуждали события вечера. Мальчики первые

вспомнили о теплых постелях и скрылись под одеялами. Старшие последовали их примеру, и фанза погрузилась в темноту и тишину. Было уже за полночь. Хый-фын превратился в легкий ветерок и не тревожил сна рудокопов.

НА ЗОЛОТОЙ МЕЛЬНИЦЕ

На следующее утро Мафу, которому всю ночь снилась ослиная нога то в жареном, то в вареном виде с разными вкусными приправами, проснулся чуть свет, быстро оделся и побежал на мельницу, чтобы помочь Ли Ю снять шкуру и получить от надзирателя обещанную ногу и ухо.

Остальные поднялись неспеша. Мальчики развели огонь и поставили на него котел с водой. Пока вода грелась, Лю Пи замесил тесто, раскатал его, нарезал полоски лапши шириной в палец и, когда вода вскипела, бросил их в котел. Ввиду предстоявшей переноски руды на мельницу в шахте в этот день не предполагали работать.

Едва лапша сварилась, явился и Мафу с ногой ишака в одной руке и ухом в другой.

— Скряга этот лое! — сказал он сердито. — За то, что я шкуру снимал, не дал ничего!..

Мафу заглянул в топку.

— Огонь у вас есть? Зажарим по маленькому кусочку на угольках. Пока съедим лапшу, мясо поспеет.

Лю Пи не стал противоречить. Мальчики вытащили котел из топки, Мафу нарезал мясо небольшими кусочками, нанизал их на прутики, выбранные из кучи топлива, и положил на треногу над догоравшим огоньком.

Уселись завтракать. Лапшу вылавливали из котла продырявленной ложкой, и каждый в своей чашке поливал ее черным китайским уксусом. Ели при помощи палочек, ловко захватывая скользкие, толстые полоски теста. Потом принялись за мясо,

хотя оно не совсем дожарилось. Лю Пи расщедрился и нарезал к мясу зеленого луку.

— Хорошо поели сегодня, очень хорошо! — заявил Мафу, икнув от сытости на всю фанзу. — И еще дня четыре будем хорошо есть. Мясо снедем в шахту, — там холодно, оно не испортится. . .

Еду запили чаем и стали собираться на мельницу. Мафу не поленился спуститься в шахту, чтобы спрятать мясо, пока Лю Пи и мальчики наполняли свои корзины рудой. За неимением животных или тележки, рудокопы носили руду на мельницу на своих спинах. Эта переноска занимала несколько часов.

Когда Мафу вернулся, все четверо, согнувшись под тяжелой ношей, потянулись гуськом по улице, повторяя путь, сделанный минувшей ночью. На мельнице они сложили руду в отдельную кучу возле жернова и вернулись домой за новым грузом. Так они путешествовали взад и вперед, пока солнце поднималось все выше и выше по совершенно ясному небу. С каждым разом становилось жарче, и тяжелая корзина больше давила усталые спины; пот выступал крупными каплями на лбу и стекал ручейками по лицу. Мальчики с утра уже ходили без рубах, в одних коротких штанишках. Мафу и Лю Пи сбросили рубахи после нескольких путешествий на мельницу и подкладывали их на спину под корзины; у них корзины были выше и шире, чем у мальчиков, и вмещали килограммов по сорок кварца.

Мельница работала с утра. Сваливая кварц, Лю Пи и Мафу перебрасывались несколькими словами с погонщиком Ли Ю и другими рудокопами, которые сами засыпали свою руду под жернова и отбивали золото на шлюзе.

Мельница была местом, где рудокопы, рассеянные по своим отводам и работавшие с утра до вечера, чаще всего встречались друг с другом и обменивались новостями. Здесь можно было увидеть и приезжего киргиза или калмыка, который привез на продажу барана, кумыс, кислое молоко, сыр из

пенки, ковшу или другой товар. Сюда же изредка приезжали нарочные из Чугучака, доставлявшие надзирателю провизию и увозившие золото, которое поступало в казну.

Вторым сборным пунктом была лавочка. Ее держал старый китаец по той же улице, дальше мельницы. К нему приходили за табаком, мукой, пшеном и другими припасами, и значительная часть золота, извлеченного из недр пустыни, переходила к нему. У него были двухколесная арба, две лошади и два ишака, и его сын постоянно ездил в Чугучак или на китайские займки под Уркашаром за провизией и припасами.

К десяти часам утра наши рудокопы перенесли всю свою руду на мельницу. Мальчики ушли домой варить обед, причем Мафу долго и подробно рассказывал им, что и как приготовить из мяса. В это время Лю Пи помогал другому рудокопу, окончившему помол своей руды, выгрести остатки ее из-под жернова, чтобы начать засыпку своей.

Мельница для измельчения золотоносного кварца представляла собой огромную чашу, сложенную из больших глыб гладко обтесанного красного гранита. Эта чаша имела около двух метров в поперечнике, и борта ее возвышались над дном на четверть. В центре был укреплен толстый деревянный столб, являвшийся вертикальной неподвижной осью. На него надевалась железная проушина горизонтальной оси, проходившей через жерновцилиндр из того же гранита, около 40 сантиметров в диаметре, который катался по чаше, приводимый в движение ишаком, бегавшим по кругу, причем упряжь животного присоединялась к другому концу той же горизонтальной оси. На дно чаши насыпалась тонким слоем кварцевая руда, и тяжелый жернов, катаясь по ней, дробил и превращал ее в муку. Руду засыпали сами рудокопы, предварительно раздробляя ее молотком на куски не больше яйца.

Чаша стояла посреди небольшого двора, а в соседнем дворе была старая шахта, богатая водой.

Второй ишак приводил в движение примитивный насос, который выкачивал эту воду и подавал ее по жолобу к чаше, где она смачивала раздробляемый кварц и затем стекала через отверстие у дна, унося с собой кварцевую муку. Эта жидкость грязно-молочного цвета собиралась на промывочный аппарат — длинный жолоб с ровным дном, к которому через небольшие промежутки были прибиты плоские деревянные рейки. Жолоб имел небольшой наклон, и вода медленно стекала по нему, оставляя частицы золота, как самые тяжелые, во впадинах между рейками и унося большую часть кварца.

Так была устроена эта мельница. Измельчение кварца производилось недостаточно полно, воды нехватало, особенно под вечер, а в жолобе улавливалось не все золото — часть его уносилась с мукой дальше и попадала в отвал, т. е. выбрасывалась. Целые холмы такой промытой кварцевой муки возвышались на пустыре возле мельницы и ждали техники с более совершенными приемами извлечения золота.

Время от времени ишаков останавливали, приток воды и катание жернова прекращали и из промежутков между рейками в жолобе выгребали накопившуюся в них кварцевую муку с частицами золота, которую владелец домывал окончательно, т. е. отделял от кварца ручным способом в плоской железной чаше. При этой домывке всегда присутствовал надзиратель, оберегавший казенные и свои интересы, чтобы рудокоп не утаил часть золота.

Настала очередь Мафу и Лю Пи. Чаша была выметена, желоба очищены, и предшественник домывал свое золото под зорким оком надзирателя возле небольшого пруда, занимавшего часть двора и наполнявшегося водой, стекавшей из жолоба после промывки. Из этой воды на дно пруда осаждалась принесенная ею кварцевая мука, которую время от времени приходилось выгребать и отвозить на соседний отвал. Отстоявшейся водой поль-

Настала очередь Мафу и Лю Пи

зовались для промывки, когда нехватало воды в шахте.

Мафу и Лю Пи засыпали лопатами свою руду на дно чаши; погонщик Ли Ю щелкнул бичом, и ишак, отдохавший во время чистки, свесив уши и полузакрыв глаза, встрепенулся и зашагал по кругу. Заскрипели оси, заскрежетал кварц под тяжестью катившегося по нему жернова. Одновременно на соседнем двореке забегал второй ишак, подгоняемый мальчиком, помощником Ли Ю, и из жолоба полилась в чашу вода.

— Да будет вам обильный выход! — сказал Ли Ю, когда кварц заскрипел под жерновом.

— Благодарю, — ответил Лю Пи, поднимая вверх правую руку, сжатую в кулак, с оттопыренным большим пальцем, что обозначало радость по поводу доброго пожелания.

— Ну, в этот раз ничего хорошего не будет, жила обеднела, — проворчал Мафу.

— Шш, болтун, — зашипел его товарищ. — Разве можно ругать жилу во время промывки? Демоны скроют все золото за такие речи.

— Ну, у тебя везде демоны! — усмехнулся Мафу. — Выдумки все это, бабьи рассказы! Сколько дней я ковыряюсь в шахте, а демонов не видел и не слышал.

— Они невидимы для людей, — сердито сказал Лю Пи, принявшийся за дробление крупных кусков руды, — но слышать их можно. Когда перестанешь в шахте бить по кварцу, всегда услышишь: то щелкнет здесь, то треснет там, то запищит, как мышь. Это они при полете задевают крыльями за выступы.

— Я думаю, что это просто совы, которые живут в шахтах, — сказал Мафу. — И те огненные глаза, которые ты видел в чужой шахте на Дарбуты, тоже были совиные.

— Еще что выдумал! — крикнул Лю Пи. — Сов я видал и знаю. Помолчи лучше, если не можешь сказать ничего разумного!

Мафу улыбнулся, но спорить перестал. Некоторое время длилось молчание, зато усердно стучали молотки, дробя кварц, а жернов аккомпанировал им своим скрежещущим гулом. Вода однообразно журчала, падая из жолоба, а ишак также равномерно стучал копытами по твердой земле. Ли Ю сидел на корточках, и как только ишак начинал замедлять свой ход, покрикивал: «и, и, и» или щелкал бичом. По временам Лю Пи или Мафу, прерывая дробление руды, поднимались, шли вслед за ишаком и взрыхляли слой давленного кварца на дне чаши или подсыпали свежей руды, равномерно ее разбрасывая.

Рудокоп, домывавший руду, ушел с надзирателем в фанзу, где последний взвешивал золото и отделял долю казны и плату за помол.

Воспользовавшись отсутствием надзирателя, погонщик Ли Ю сказал рудокопам:

— Когда лое будет вешать ваше золото, смотрите в оба.

Лю Пи кивнул головой и сказал:

— Приходи сегодня ужинать. Жарко, надо съесть мясо, а то испортится.

— А что, лое припрятал все мясо? — поинтересовался Мафу.

— Все как есть убрал в кладовую. Целый месяц не будем покупать баранов у калмыков, сказал.

— Разве мало у него денег? Скрыга! — сказал Лю Пи. — Каждый день золото с нас собирает...

— В Чугучак отсылает, семейство кормит, долги платит. За свою должность немало заплатил, — пояснил Ли Ю.

— Видно, доход имеет большой, иначе не стал бы покупать эту службу?

— Как поживаете? Кушали уже или не кушали? ¹ — раздался пискливый голос появившегося во дворе китайца, опрятно одетого в длинную синюю курму ², буро-зеленые панталоны, завязанные

¹ Обычное приветствие при встрече.

² Курма — верхняя одежда.

у щиколоток, и синие туфли на толстой подошве. Из-под черной атласной шапочки с красной шпичкой сзади свешивалась коса, искусственно удлиненная вплетенными в нее шелковыми нитками.

— О, Ван Ли, уже вернулся! — воскликнул Лю Пи, отвечая на приветствие. — Как это ты успел? Или тебя хый-фын принес на крыльях воздушных демонов?

— Именно он! — засмеялся Ван Ли, присаживаясь на корточки вблизи рудокопов и доставая кисет и длинную трубку с нефритовым мундштуком.

— Какой разумный китаец поедет в далекий путь, когда хый-фын на примете? — продолжал Ван Ли, высекая огонь. — А что, сегодня много золота намоешь? Свой долг уплатишь? — обратился он к Лю Пи.

— Едва ли много, жила плоховата стала, тверда, как кремь, — ответил Лю Пи несколько смущенно.

Лавочник Ван Ли, которому многие рудокопы задолжали за припасы, имел обыкновение приходить на мельницу, когда его должники мололи руду, чтобы взыскать долг, или хотя бы часть его, тут же на месте, из намытого золота. Лю Пи, не ожидавший столь быстрого возвращения Ван Ли, рассчитывал на этот раз ускользнуть от уплаты из своей рудной выручки и был неприятно поражен появлением лавочника. Но приходилось «сохранять свое лицо».

— Вот в следующий раз, наверно, золота будет больше, — сказал он.

— Все вы так говорите, — проворчал Ван Ли. — Что-то плохо стали работать в Чий Чу. Или золото кончается, или люди обленились. Каждый месяц долги нарастают. Хоть закрывай лавку...

— Правда, — подтвердил Мафу. — Исхудали наши жилы.

— Не каркай, ворон! — рассердился Лю Пи. — Накличешь худа. В жилах всегда то густо, то пусто. Перетерпим — опять хорошо будет.

ЖАДНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ

Ван Ли посидел с рудокопами и пошел в фанзу к надзирателю, с которым также имел счета. Часа через три руда Лю Пи была перемолота и промыта. Мафу занялся очисткой чаши. Лю Пи вызвал надзирателя и в его и Ван Ли присутствии собрал драгоценные остатки из жолоба и промыл их у пруда в ручной деревянной чаше, имевшей вид плоского конуса. Наложив в нее несколько горстей кварцевой муки с золотом и налив воды, Лю Пи приводил чашу в быстрое вращательное движение; вода взмучивалась и, выплескиваясь через борта, постепенно уносила кварц, тогда как золото собиралось в центральном углублении. В несколько приемов были промыты все собранные в жолобе остатки, и надзиратель понес золото в фанзу. Лю Пи, Мафу и Ван Ли последовали за ним.

Фанза надзирателя состояла из двух небольших комнат и кухни с земляными полами, бумажными окнами и камышевыми потолками-крышами, как и в жилищах рудокопов. В первой комнате под окном стояли квадратный стол и неуклюжее жесткое кресло, на столе лежали свертки бумаги, несколько книг, кисть для писания и тушь, растертая на квадратном блюде из мягкого сланца.

Надзиратель уселся в кресло и вынул из плоского футляра маленькие китайские весы-безмен, на костяном коромысле которого были нанесены какие-то черточки и точки. К одному концу на шелковых шнурках была подвешена медная чашечка, в которую ссыпалось золото, а на другой конец надевалась на шнурке медная гирька. Взяв двумя пальцами шнурок, продетый через коромысло ближе к чашке, и передвигая гирьку в ту или другую сторону, можно было уравновесить чашку с золотом, а по черточкам коромысла в том месте, где шнурок гирьки был остановлен, отсчитать вес золота.

Лю Пи и Мафу, стоя позади кресла, внимательно следили за взвешиванием. Устройство безмена, употребляемого во всем Китае, было им известно, и черточки на коромысле они разбирали свободно. Но при весах этого рода точность взвешивания зависит от того, соответствует ли употребляемая гирька делениям на коромысле. Если взять гирьку более тяжелую — она уравновесит и большее количество груза на чашке, но шнурочек ее ляжет на деление, соответствующее меньшему грузу, уравниваемому гирькой, сделанной для данного безмена.

У надзирателя гирька по внешнему виду была правильная, с теми же значками, как на чашке безмена, но в ней часть меди была высверлена и заменена более тяжелым свинцом. Эту разницу в весе удаленной меди и заменившего ее свинца надзиратель утаивал из взвешиваемого золота в свою пользу, сверх вычета за помол руды и казенного налога, так как безмен всегда показывал вес золота немного меньше действительного.

Уравновесив весы, надзиратель дал Лю Пи взглянуть на коромысло.

— Видишь, твое золото весит ровно один лан, четыре цына и семь фынов.¹ Немного же ты поработал за последнее время! Ленился, видно. Много мяса кушаешь — оно вредно для рабочего человека.

— Жила пошла бедная, лое, — оправдывался Лю Пи. — Кварц, что кремень, такой твердый.

— Бьешь, бьешь, все руки отобьешь, а руды мало добываешь, — прибавил Мафу.

— Поздно идешь в шахту, рано вылезает, вот отчего мало руды, — укорял надзиратель. — А в шахте сидишь и куришь.

— Напрасно говоришь это, — возразил обиженно Лю Пи. — Не первый год работаю в Джаире. И просо, которое человек сеет сам на поле, растет

¹ 1,47 китайской унции; 1 лан равен 41 грамму, или китайской унции, которая содержит 10 цынов, или 100 фынов.

не везде одинаково — то гуще, то реже. Тем более золото в жилах.

Надзиратель в это время писал кисточкой какие-то иероглифы на бумажке и, показывая ее Лю Пи, заявил:

— В казну следует пятнадцать фын, за мельницу семь с половиной фын, за ногу моего ишака, которую ты пожелал кушать, два цына...

— Лое, как же так! Ногу ишака мы получили за его доставку на мельницу! — воскликнул Лю Пи, пораженный словами надзирателя.

— Мы ее честно заработали, спасли тебе всего ишака от волчьих зубов, — добавил Мафу.

— Это слишком много за такую пустяжную работу. За нее я дал вам ослиное ухо, — спокойно возразил надзиратель, сыпая золото Лю Пи на бумажку и укладывая весы в футляр.

— Но Ли Ю обещал нам именно ногу, заднюю ногу, а не ухо! — горячился Мафу.

— Если Ли Ю обещал ногу, то и должен был дать, но только от своего ишака, а не от моего. Он не имел права распоряжаться ногой моего ишака, — сказал надзиратель спокойно и внушительно.

— Если бы мы не пришли на помощь Ли Ю, от твоего ишака не осталось бы даже шкуры, лое. Будь справедлив, прими это во внимание, — уговаривал Лю Пи.

— Хорошо, я буду справедлив. За вашу помощь я даю вам половину ноги в награду, а за вторую половину вы заплатите мне один цын — сущие пустяки за такое молодое и жирное мясо.

— Нет, это несправедливо! — воскликнул Мафу. — Сначала обещать даром, а потом брать деньги.

— Тебе тут, собственно, нечего разговаривать, приятель, — ответил надзиратель, повышая голос. — Отвод отдан Лю Пи, он принес золото, я с ним считаюсь, а тебя я не знаю. Кто ты такой? Может быть, беглый солдат или преступник?

— Это мой компаньон, лое, — заявил Лю Пи.

— Это ничего не значит. За отвод ты один отвечаешь, потому что ты здешний, старый рудокоп.

Ну, так вот: за заднюю ногу ишака я назначаю для ровного счета девять с половиной фынов, уступаю вам полфына. Если не согласны — принесите ногу назад, мы ее свесим, и половину вы получите даром в награду за помощь.

— Но она уже жарится и варится! — не утерпел Мафу.

— Тогда вам придется только согласиться на мое предложение, — спокойно возразил надзиратель, — в казну пятнадцать фынов, за мельницу семь с половиной фынов, за мясо девять с половиной, всего нужно удержать из твоего золота три цына два фына. Верно?

— Придется так, — угрюмо сказал Лю Пи. — Не вынимать же мясо из котла.

— Стало быть, — сказал надзиратель, — тебе причитается выдать золота один лан, один цын и пять фынов.

Лю Пи сделал в уме вычисления и сказал:

— Да, один лан и полтора цына.

— Вот и отвесим их.

С этими словами надзиратель опять достал весы из футляра, но только на этот раз с гирькой более легкой, слегка подпиленной. Он поставил шнурочек гирьки на деление в один лан полтора цына и затем стал насыпать золото с бумажки на чашку, пока весы не пришли в равновесие.

— Получай свое золото. В следующий раз, надеюсь, ты принесешь больше. Небеса да помогут тебе!

Лю Пи взял бумажку со своим золотом, бросив подозрительный взгляд на кучку, оставшуюся на бумажке у надзирателя и казавшуюся ему слишком большой для веса в 32 фына. Но взвешивание было произведено на его глазах и проверено им — возражать нельзя. Отвесив положенный поклон, оба рудокопа вышли из комнаты.

Надзиратель потер руки от удовольствия. Его проделка вполне удалась. Он поднял вопрос об огладе ноги ишака только для того, чтобы вызвать возмущение рудокопов, отвлечь их внимание от

Надзиратель опять достал весы из футляра

весов и незаметно переменить гирьки. Но Лю Пи оказался более податливым, чем он ожидал, и надзиратель прикарманил не только излишек золота, полученный при помощи обвеса неверными гирями, но и девять с половиной фынов за мясо.

— Пожалуй, на половину нового ишака я уже набрал, — пробормотал мошенник, отпирая шкатулку, спрятанную у него в изголовье постели, и ссыпая туда золото Лю Пи.

Рудокопы, выйдя от надзирателя, наткнулись на поджидавшего их у дверей лавочника Ван Ли.

— Теперь зайдем ко мне, приятель, — пригласил последний. — Выкурим трубочку, подведем счеты, возьмете опять товару.

— Обедать пора, — возразил Мафу. — Мы придем после обеда.

— Пустяки, до лавки два шага отсюда, а до вас далеко. Мы покончим быстро, мясо не убежит.

— Иди домой, Мафу, — предложил Лю Пи, — присмотри за обедом. Надо ведь посчитаться, да и табак на исходе, соли нет, еще кое-чего не хватает.

Мафу побежал домой, а Ван Ли и Лю Пи отправились в лавку, где почти все золото рудокопа пошло в уплату долга за продовольствие. Выкурив пару трубочек и поспорив, как полагается, при проверке записей счета, нередко возбуждавших сомнение, Лю Пи нагрузился мешочками с табаком, солью, гуамянью, пшеном и другими припасами, сложил их в свою пустую корзину за спиной и медленно зашагал домой.

Он был расстроен и недоволен. Он упрекал себя за то, что был слишком уступчив и не отторговал всей ноги.

— Слыханное ли дело, — бормотал он, шагая под жгучими лучами полуденного солнца по каменной тропе между унылыми оградами отводов, не дававшими тени, — слыханное ли дело, чтобы надзиратель рудника терял свое лицо, не краснея! Два цына за ногу дохлого ишака! Живодер, обманщик! И весы у него неверные. Его кучка должна была

быть почти в четыре раза меньше моей, а она была меньше только раза в три. Нет, не нравится мне этот лое! Только и остается уйти отсюда в другое место. Поработаю еще дня два-три в шахте и, если жила не станет лучше, пойду в Ван-Чжу-Ван-цзе брать новый отвод. Там, говорят, лое хороший и место куда лучше — река, роши, камыш, трава; веселое место. Пусть Мафу кончает, что осталось от жилы, а я пойду в Дарбуты. Места знакомые.

Так размышлял Лю Пи, шагая по раскаленной каменистой почве пустынной улицы к своей фанзе.

Недалеко от своего отвода он увидел бегущего ему навстречу Пао. Мальчик издали кричал.

— Иди же скорее, дядя! Мафу грозитя, что съест все один, пока мясо не сгорело и не разварилось. Он уже сел на кан и ругается.

— Беги, скажи этому обжоре, что я иду, — усмехнулся Лю Пи, прибавляя шаг, несмотря на тяжелую ношу.

Обед вышел на славу. Наевшись досыта, рудокопы не захотели лезть в шахту и решили устроить себе полупраздник. Выспались основательно, потом пили чай, за которым Лю Пи сообщил Мафу о своем решении и обсудил с ним подробности переселения. К ужину Мафу состряпал пирожки с мясом и поджарил их в котле на кунжутном масле. Погонщик с мельницы Ли Ю не замедлил явиться, как только солнце закатилось, и компания весело провела вечер, беседуя о скупом надзирателе, его проделках и придирках, вспоминая его предшественников и разные события из жизни золотоискателей.

СЧАСТЬЕ ЛЮ ПИ

На второй день после описанных событий, уже под вечер, Лю Пи ковырял свою жилу на уступе. Работал он нехотя, так как жила была попрежнему твердой, быстро тупила инструменты, а золота давала мало. Внизу колотил Мафу с тем же успехом,

еле сдерживая проклятия по адресу подземных демонов, скрывших золото.

— Еще час проработаю — и будет! — пробормотал Лю Пи, присев отдохнуть и покурить. — Видно, ничего не получим здесь, только все кирки перепортили. Завтра пойду в Ван-Чжу-Ван-цзе искать отвод. Попадется хороший — переберемся туда. Если нет — придется сходить еще в Дагун или в Катунь.

Набив трубку и закулив ее от лампочки, Лю Пи взял несколько кусочков кварца из кучки, набитой им после ухода рудоносцев, и стал их рассматривать. В одном куске блеснуло крупное желтое зерно.

— Неужели золото? И хороший кусочек, пожалуй, на целый цын будет. Жила, видно, не хочет, чтобы я ушел завтра, — засмеялся Лю Пи, отложив кварц в сторону. — Ну-ка, посмотрим, нет ли еще?

Он перебрал дрожащими от волнения руками всю свою кучку руды и нашел еще в нескольких кусках зерна золота различной величины.

— Как же это я не заметил их раньше? Забрал бы их Пао в корзину, и пошли бы они на мельницу, а потом в карман к этому мошеннику.

Отложив кусочки с золотом, Лю Пи, забыв о погасшей трубке, стал рассматривать жилу сверху донизу. Золото блестело в разных местах вдоль всякого бока то мелкими, то крупными зернами, то целыми нитеобразными прожилками. У рудокопа от волнения сперло дыханье, и рука, водившая лампочку вдоль жилы, задрожала.

— Давно не видел я столько золота в жиле! — подумал Лю Пи. — Пожалуй, ни разу даже не видел. Вот так счастье привалило! А я-то хотел уйти, бросить жилу. . .

— Оно уходит и вниз, — бормотал он, проследив золотые нити и вкрапления до подошвы своего забоя. — Значит, и Мафу попадет на него, когда подвинется вперед на размах. Нужно сказать ему, чтобы он работал проворнее и не прозеивал.

Лю Пи шагнул к краю своего уступа и крикнул хриплым шопотом

— Мафу, о-о, Мафу, иди сюда!

Мафу в это время присел отдохнуть и покурить, и ему не хотелось вставать.

— Ну, что нужно? Уж не демона ли опять увидел? — отозвался он недовольным тоном.

— Иди же! Золото показалось!

— Ну, и пусть тебе показалось! Мне-то что?

— Да иди же посмотреть, лентяй! Оно и у тебя будет. Большое золото!

— Правда? Ну, иду!

Мафу лениво поднялся и, цепляясь за выступы, полез на уступ к Лю Пи. Последний осветил жилу лампочкой.

— Видишь, сколько его тут? И к тебе спустилось, смотри!

— Ой, ой! — только и сказал Мафу, пораженный богатством жилы. Ему, работавшему в шахте недолго, до сих пор приходилось видеть только мелкие зерна благородного металла, изредка попадавшие в кварце и различные лишь при тщательном осмотре. Здесь же золото сразу бросалось в глаза даже неопытному человеку. Оно приветливо блестело в молочно-белом кварце, отражая свет лампочки отдельными гранями зерен, искрившимися, подобно маленьким звездам. Мафу присел на корточки у забоя и впился жадным взором в кварц; его рука невольно поднялась и стала ласкать эти зерна и нити благородного металла, спускаясь по ним до самой подошвы забоя.

— Ты только, смотри, не болтай, — сказал Лю Пи, — ни соседям, ни мальчикам ни слова, а то худо будет. Лое шкуру сдерет с нас, если узнает, что пошло богатое золото. Ой, кажется, мальчики идут за рудой.

Лю Пи замолк, и оба замерли, прислушиваясь. Из мрака шахты донесся шорох скатившегося камешка и глухой возглас.

— Идут! Спустись к себе! — скомандовал Лю Пи и, схватив кусок смятого, размокшего от подземной

сырости сланца, стал замазывать им золотые зерна и нити на кварце забоя, чтобы они не бросились в глаза рудоносам и не выдали тайны. Мафу стал спускаться на дно шахты.

— Задержи мальчиков у себя немного, пока я откину богатый кварц в сторону, — бросил ему вслед Лю Пи и принялся за сортировку кучи руды, набитой за последние часы. Одной рукой он держал лампу над кучей, другой брал кварц кусок за куском, быстро осматривал их и отбрасывал в сторону те, в которых видно было золото.

Спустившись к своему забою, Мафу осмотрел его и, убедившись, что золота в нем не видно, разыскал брошенную впопыхах трубку, набил ее и стал курить в ожидании рудоносов. Последние не замедлили вынырнуть один за другим из мрака.

— Ой, ой, как ты мало наколотил, Мафу! — воскликнул Пао, бросив взгляд на приготовленную руду. — И полкорзинки не будет.

— У Лю Пи не больше наберется. Вот, посидите немного тут, мы еще набьем, если вам мало, нахалы.

Мальчики не заставили себя просить и присели на корточки в стороне. Мафу поднялся и стал бить кварц с такой силой, что искры так и сыпались из-под его кирки. Куски руды отрывались и падали вниз, увеличивая кучку у подножия забоя.

Проработав минут пять, Мафу остановился, чтобы перевести дух.

— Хватит! — сказал Пао. — Накладывай в корзину.

— Эй, что вы там застряли! — слышался голос Лю Пи с уступа. — Хун, ползи сюда.

Когда рудоносы, погрузив кварц, собрались уходить, Лю Пи крикнул им вслед:

— Сегодня больше не нужно приходить, мальчики. Руды будет мало. Отправляйтесь за топливом в холмы.

— Только не бегайте до ночи, — проворчал Мафу. — Ужин варить нужно.

Едва мальчики ушли, Лю Пи спустился к Мафу и осмотрел его забой.

— У тебя золота еще нет, — заявил он. — Мы сегодня же начнем толочь кварц. Немного погодя ты сходи наверх и принеси сюда ступку. Теперь зевать и отдыхать нельзя. Гони свой забой во-всю, чтобы скорее добраться до золота.

Он полез к себе наверх и принялся за работу. Мафу последовал его примеру.

Целая неделя прошла в усиленном труде. Перед обедом, отправив рудоносков и наказав им заняться варкой пищи, и перед ужином оба рудокопа занимались усердным толчением кварца, отложенного Лю Пи в сторону. Потом Лю Пи промывал богатую муку в чаше, черпая воду из ямы в самом глубоком месте шахты. Крупинки золота и золотой песок, получавшиеся после этой промывки, он тщательно собирал в тряпку и прятал в укромной щели отвода, куда мальчики не заглядывали. Хранить их в фанзе Лю Пи боялся — мальчики могли случайно наткнуться на скрытое сокровище.

К концу недели забой Мафу настолько подвинулся, что и в его верхней части появилось золото. В забое Лю Пи оно также держалось все время то в большем, то в меньшем количестве. Теперь предстояло еще усиленнее заняться толчением и промыванием.

Проговорился ли Мафу, или мальчики заметили, что в выносимой ими руде чаще попадается видимое золото, чем раньше, и начали выковыривать его потихоньку, обменивая у лавочника на табак и сласти, но в поселке стали поговаривать, что в отводе Лю Пи появилась богатая руда. Один сосед спросил его об этом, встретив в обеденное время на улице. Другой сам заглянул в фанзу к рудокопам после ужина и передал о слухах. Мафу и Лю Пи их отрицали, утверждая, что как-то попало несколько зерен, но теперь идет опять мало-мало, как раньше.

С тех пор Лю Пи спал спокойно. Он вставал несколько раз в течение ночи, подкрадываясь к устью

шахты и подолгу, притаившись, прислушивался. Над затихшим после дневной работы поселком чернело небо, усеянное звездами; серп луны на ущербе появлялся из-за далеких холмов и тускло освещал тесный дворик. Но шахта была безмолвна, и только изредка из темной глубины ее доносились обычные звуки: шорох сползавшего мелкого щебня или стук скатившегося камня. Порой ветер гудел в ущельях Кату и стонал, словно больной человек, заставляя Лю Пи вздрагивать.

Так прошло еще несколько дней. Тряпка с золотом в укромной щели порядочно набухла, и пришлось взять вторую. В забое Мафу золота оказалось не меньше, и перед каждым приходом мальчиков за рудой оба забоя тщательно замазывались грязью, взятой со дна ямы.

Однажды под вечер опять подул хый-фын, не такой сильный, как в прошлый раз, но не менее шумный. Тотчас же после ужина, под гул ветра, Мафу и мальчики заснули. Но Лю Пи был встревожен больше обычного и не мог задремать; последние дни он даже перестал раздеваться, чтобы при первой тревоге не терять времени на одевание.

Когда совершенно стемнело, он поднялся, тихонько вышел из фанзы и, притаившись возле дверей, стал всматриваться в темноту и вслушиваться. Небо было обложено густыми тучами, и порывы ветра приносили порой крупные капли. Стояла такая темень, что в трех шагах не увидишь человека. Подождав немного, рудокоп стал потихоньку подвигаться к устью шахты, считая шаги, чтобы не свалиться в невидимую дыру. Ветер трепал его жидкую косичку, надувая рубаху, забирался в шаровары и, после теплого кана, заставлял ежиться от холода; крупные и мелкие песчинки сыпались градом на голову.

Дойдя до устья шахты, рудокоп прилег на землю, свесив голову над еле черневшей щелью, и стал напряженно вслушиваться. Вначале из-за ветра ничего не было слышно, но вот хый-фын затих на

несколько секунд — и из глубины шахты донеслись явственные, хотя и глухие, удары.

«Эге, вор работает, золото крадет!» — подумал Лю Пи, и сердце его затрепетало от негодования. Ветер опять зашумел, но Лю Пи остался на месте, ожидая новой минуты затишья. Он лежал плашмя, всматриваясь в мрак бездны и стараясь уловить признак хоть самого слабого света. Хый-фын снова затих, и Лю Пи превратился в слух, зажмурив даже глаза. Снова глухие удары донеслись из глубины, и как будто блеснул слабый свет.

— Ага!.. Так!..

Лю Пи вскочил, вернулся в фанзу, ощупью добрался до Мафу и стал его расталкивать. Рудокop ворчал и ругался сквозь сон, пока не понял в чем дело.

— Вор, говоришь, золото крадет, — проговорил он, наконец, присев на своем ложе и натягивая шаровары. — Что же мы будем с ним делать?

— Схватим, свяжем руки, золото отберем. Вора отведем к лое.

— Зачем к лое?

— Не можем же мы сами наказать его!

— Почему нет? Отлупим так, чтобы помнил и больше не приходил. А если иметь дело с лое, он станет из нас жилы мотать — за суд, за следствие, за прокорм вора в тюрьме...

— Твоя правда, Мафу. От лое дешево не отделаешься.

— Он еще тебя посадит в тюрьму за то, что скрыл богатое золото, не сдавал всей руды на мельницу. Отвод, пожалуй, отберет.

— Правда, правда, Мафу. Лое — жадный, бесовестный человек.

Мафу слез с кана, нащупал в углу веревку и прихватил на всякий случай кирку. Лю Пи достал запасную рудничную лампочку, сунул за пояс кисет, к которому были привязаны огниво и трут, и оба рудокopa вышли на двор. Мальчишки ничего не слышали: завернувшись с головой в одеяла, они спали, как мертвые.

Прохладный хый-фын обдал рудокопов своим песчаным дыханием.

— Ну, и дует же, проклятый! — проворчал Мафу, вздрогнув от холода. — Лампочку не даст засветить.

— Мы спустимся размаха на три без огня, а там засветим.

— Только не бей сильно. Не убил бы ты его сгоряча, — встревожился Лю Пи.

— Ну, ладно, не бойся, — успокоил его Мафу.

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Дойдя до устья шахты, Лю Пи осторожно стал спускаться в темную щель, нащупывая ногами уступы. Мафу ждал, чтобы его хозяин засветил огонь: он не решался лезть во мрак. Когда на некоторой глубине порывы хый-фына перестали ощущаться, Лю Пи высек огонь, зажег лампочку и продолжал спуск. Мафу осторожно и бесшумно следовал за ним.

Добравшись до конца спуска, рудокопы подвесили лампочку к выступу скалы и повернули по штреку, подвигаясь медленными шагами. У забоя они теперь увидели полуобнаженного китайца, который, присев на корточки, рылся в куче набитой им руды, одной рукой придерживая огарок сальной свечи, а другой отбирая богатый золотом кварц. Он так был поглощен своей работой, что не заметил приближения рудокопов.

Подойдя почти вплотную к вору, Лю Пи быстро схватил его руку с огарком, чтобы сохранить свет, а Мафу одновременно сильным нажимом на плечи опрокинул его на спину.

— Ой, ой, не убивайте меня! — завопил испуганный китаец, не пытаясь даже сопротивляться.

— Золото боруешь, негодяй! — крикнул Лю Пи.

— Я только так, посмотреть пришел. Слышал, у вас хорошее золото пошло. . .

— Вот я тебе покажу хорошее золото! — проворчал Мафу и, повернув пленника лицом к земле и придавив коленями ноги, начал хлестать его толстой веревкой по плечам, спине и ниже пояса. Китаец стонал и выл, вздрагивая под сильными ударами.

— Будешь ходить к нам еще? Будешь воровать золото? — приговаривал Мафу.

Когда вся спина вора покрылась красными и синими подтеками и кровь выступила коралловыми каплями на смуглой коже, Лю Пи, державший свечу, заявил:

— Довольно, Мафу! Пускай идет к чорту!

Мафу стегнул еще раз-другой и встал, переводя дух. Вор продолжал лежать, дрожа всем телом.

— Не убил ли ты его? — встревожился Лю Пи.

— Веревкой человека не убьешь! — усмехнулся Мафу и толкнул вора ногой в бок со словами:

— Вставай, негодяй, и уходи, если не хочешь второй порции.

Избитый поднялся, кряхтя, на колени и потянулся за киркой, лежавшей у подножия забоя.

— Нет, кирка нам останется! — заявил Мафу и забросил ее подальше на уступ.

Вор захватил рубаху, кисет и трубку, сложенные в стороне, и, под конвоем обоих рудокопов, поплелся по штреку к шахте. Дойдя до лампы, Лю Пи приказал:

— Проводи его наверх, Мафу. Я останусь еще, приберу, что он напакостил.

Вернувшись к забою, Лю Пи тщательно осмотрел жилу. Вор, торопясь добыть побольше золота, добил те части жилы, в которых виднелось много зерен металла; отбитые им куски кварца у подножия забоя составляли порядочную кучку. Лю Пи, бормоча проклятия, пересмотрел кварц и отложил в сторону все кусочки, содержавшие золото. За этим занятием застал его возвратившийся Мафу.

— Он грозитя донести лое, что мы скрыли богатую жилу, избил его и отняли кирку. Жаль, что мы не убили его!

— Пусть себе грозитя, — сердито ответил Лю Пи. — Если донесет, ему тоже не поздоровится.

— А ты знаешь его?

— Как не знать! Рудокоп из Дагуна, Цзинь Тай, что ли, зовут его. Лентяй, бездельник. Себе отвода не берет, а нанимается то к одному, то к другому хозяину и ворует у них золото. Потом шатается где-то, в Чугучаке, в Шихо, живет на краденое. Уже с год ничего о нем не было слышно, пропадал где-то. И в тюрьме он не раз сидел.

— Боюсь, что он донесет лое, — сказал Мафу.

— Прямо не донесет, а слух по рудникам пустит. . .

С этой ночи наши рудокопы стали трудиться еще усерднее, чтобы поскорее доработать богатое место. По ночам они поочередно спали на дворе у устья шахты, так что вор не мог спуститься туда, не потревожив спящего. Время было еще летнее и ночи достаточно теплые.

Мальчики обратили внимание на странное поведение старших и стали внимательно пересматривать куски руды, вынесенной из шахты.

Их поиски не остались без результата; то в том, то в другом кусочке им попадались зерна золота, не замеченные рудокопами при слабом свете лампы. Мальчики усердно выбивали эти зерна и накопили себе «на черный день» порядочное количество их, храня свой капитал в тряпочке, запрятанной в щель ограды. В свободные часы они вытаскивали свое сокровище и любовались им, пересыпая золотые крупинки и оценивая их стоимость. Табаку у них теперь было вдоволь, и они позволяли себе курить не только каждый раз по выходе из шахты с рудой, но и на холмах, когда ходили за топливом. Кроме табаку, они иногда покупали и лакомства — земляные орехи ло-ху-ши, пряники, которые были так тверды, что их приходилось давить между камнями, сахар-леденец.

Через неделю после поимки вора настала опять очередь Лю Пи молоть руду на мельнице. Когда он

и Мафу явились с первыми корзинками, Ли Ю встретил их возгласом:

— Вот и счастливички явились! Увидим, какое у вас богатство, увидим! Люди говорят, что шибко много золота в вашей жиле.

— Шибко много врут, — ответил Лю Пи сердито.

— Будто врут? — усмехнулся Ли Ю. — Зря говорить не стали бы.

— Зачем зря! Гнезда иной раз попадаются, но настоящего богатства нет. А из каждого гнезда людская молва сто сделает, сам знаешь.

Ли Ю недоверчиво покачивал головой и стал просматривать высыпанную руду. В это время на двор вышел лое.

— Ну-ка, показывайте вашу богатую руду! Слышал и я, что ваш отвод под конец наградил ваши труды, — сказал он насмешливо, наклоняясь к кучке кварца. — Не видать что-то! Вы, дьяволы, наверное все выковыряли и спрятали, а? — прибавил он строго, впиваясь прищуренными глазками в лица рудокопов. — Смотрите у меня!

— Ничего не спрятали, та-жень! — спокойно заявил Лю Пи, давно уже приготовившийся к этому допросу. — Богатые куски отложили только, в последних корзинах принесем. Сам увидишь, велико ли богатство.

— То-то! Если утаите что-нибудь, всю фанзу перерою, всю шахту осмотрю. И найду, от меня ничего не скроете. Я все знаю, что на руднике делается!

Он повернулся и пошел к себе. Но на пороге фанзы остановился и прибавил:

— Когда принесете богатую руду, позовите меня. Я посмотрю, много ли сдаете.

— Ишь, мошенник! — пробормотал Мафу, когда дверь захлопнулась.

— Сколько бы ни принесли, все скажет мало, — прибавил Лю Пи.

— А вы не очень скупитесь, — посоветовал Ли Ю. — Рассердится, придет к вам в шахту, увидит золото в забое и отнимет у вас отвод. Поста-

вит своего человека докапывать или продаст другому рудокопу за хорошую взятку.

— Знаем мы эти шутки! — усмехнулся Лю Пи.

— Мы себе руки отшибаем и спины гнем, долбя жилу с утра до вечера! — воскликнул Мафу. — А он, жирный боров, только ест, пьет да на кане лежит.

— На то он начальник рудника и порядок оберегает.

— Все они на наш счет наживаются, черти! — заключил Мафу, отправляясь снова за рудой.

После нескольких путешествий взад и вперед Мафу и Лю Пи также остались на мельнице дробить руду, которую потом приносили одни мальчишки. Только в конце оба рудокопа отправились домой сами, чтобы принести припрятанные в шахте богатые куски и отклонить от себя подозрение и гнев начальника. Они все же принесли куски кварца похуже, в которых, однако, также блестело золото. Когда рудокопы высыпали две неполные корзины этой дани к ногам лое, глаза начальника заблестели жадностью, и он воскликнул:

— Вот какое богатство попало к вам, счастливицы! Но, знаете, за богатую руду в казну следует платить не десятую часть золота, а пятую.

Лю Пи был поражен. Как старый рудокоп, он знал, что в казну всегда поступала десятая часть золота, сколько бы ни давала жила. Выдумка начальника, очевидно, желавшего присвоить себе столько же, сколько поступало в казну, озадачила его.

— Как так, лое? — пробормотал он смущенно. — Казна получает с лана один цын, а за помол еще пять фынов, таков закон.

— Что ты учишь меня! — вскипел лое. — Так было прежде. А теперь новое распоряжение получено из Пекина¹: с богатой руды брать не один цын, а два, потому что казне много денег нужно.

¹ Пекин — прежнее название Бэйпина.

Война началась, в Туркестане мусульмане бунтуют, в Кульдже дунгане.

— Вот как! Война будет? — удивился Лю Пи. — А мы и не слышали ничего.

— Дунгане — хороший народ, — усомнился Мафу, — чего им бунтовать?

— Дунгане и мусульмане всегда были бунтовщиками! А за помол богатой руды также плата дороже, — прибавил лое, заметив, что его выдумка об удвоении отчислений в казну не встретила сильного отпора. — За помол теперь я посчитаю по восемь фынов с лана ввиду военного времени.

— Помилуй, лое! — взмолился Лю Пи. — Этак нам придется отдать больше четвертой части нашего золота! Будь милостив!

— Новый закон требует, я должен исполнить. Если не наберем денег на войну, всем нам худо будет, дунгане ограбят всю страну.

Рудокопы замолкли. Они спорили с надзирателем больше для вида, чтобы он думал, что они сдают все золото, и ему не пришло в голову производить обыск, который мог кончиться для них плохо. Золота у них было достаточно припрятано, и уступить надзирателю лишнюю долю из предъявленного было хоть и обидно, но не очень разорительно. Надзиратель же, подозревая, что рудокопы утаили часть золота, но не надеясь на успех обыска, настаивал на своем требовании.

При взвешивании золота лое не преминул присвоить себе еще несколько цын посредством своих двух фальшивых гирек.

Расчет был закончен около полудня.

— Вот что, Мафу, — говорил Лю Пи, подходя к фанзе. — На моем уступе богатое место уже кончается, на день-другой работы осталось, не больше. У тебя тоже конец скоро придет, потому что уклон у гнезда к нам, а не от нас. Я свой уступ кончу и пойду в Ван-Чжу-Ван-це посмотреть новый отвод. Ты поработаешь пока один. Я вернусь, сладим остаток руды и перекочем. Здесь уж нового счастья не дождемся, а там — кто знает?

ОХОТА НА АРХАРОВ

Через два дня Лю Пи доработал свой уступ и собрался в путь: сложил в мешок запас сухарей, немного муки и соли, чайник, чайную чашку и табак; в кисет с табаком запрятал щепотку золота, чтобы платить за новый отвод и дать задаток за фанзу. Свернул валиком свой ватный матрасик и одеяло, привязал их и кирку поверх мешка.

Сделав накануне вечером все распоряжения Мафу и мальчикам, он отправился в путь чуть свет, чтобы пройти свой поселок, никому не попадаясь на глаза и не возбуждая разговоров. До Ван-Чжу-Ван-це считали пятьдесят ли, и он рассчитывал быть там уже к обеду. Лю Пи предполагал пробыть в отсутствии около недели, так как не хотел действовать наобум. Нужно было тщательно осмотреть все свободные отводы, поработать день-другой на облюбованных и выбрать самый подходящий.

После ухода хозяина Мафу продолжал работать один. Он был не из трусливых и не боялся оставаться в шахте в полном одиночестве, но мысли о горных демонах, хотя он и не верил в них, временами и ему лезли в голову. Золото шло хорошее, и Мафу вслух похваливал жилу, чтобы задобрить невидимых. Так как руды стало вдвое меньше, то рудоносы спускались в шахту гораздо реже, раза четыре за день, да и то уносили неполные корзины. Мафу каждый раз задерживал их подольше разговорами, а на обед и ужин заказывал им свои любимые кушанья, подробно объясняя, как их вкуснее приготовить.

Так прошло три дня. На четвертый день Мафу заметил, что золота в жиле становится все меньше и меньше.

«Старик прав, — подумал он, — богатое место кончается».

После обеда видимого золота совсем уже не стало. Кварц был такой же чистый и белый, как и

раньше, когда он еле окупал усиленный труд рудокопов. Побившись больше часа и убедившись, что золота нет, Мафу бросил забой и до вечера занимался толчением и промывкой припрятанной богатой руды. Он решил не сдавать ни куска ее на мельницу.

«Пусть придет лое и смотрит сам во все глаза. Буду теперь только полдня ковырять ее, а полдня толочь и мыть богатое. Вернется Лю Пи — все будет готово к отъезду».

Так размышлял Мафу, вылезая вечером из шахты. Наевшись досыта и попивая чай, он вдруг сказал мальчишкам:

— Вот что я надумал, нахалы: пойдем завтра на охоту.

— А как же шахта? — спросил Пао, считавший себя теперь представителем интересов своего отсутствующего дяди.

— Опять пошла крепкая руда и бедная, мальчик. Лю Пи сказал, уходя: «Когда кончится хорошее место, можешь отдохнуть, Мафу». Вот мы и отдохнем и поохотимся. В Катую пойдем, там архары есть, а нет — так хуан-янга подстрелим. Давно мы уже мяса не ели... А теперь спать ложитесь. Завтра пойдем — еще темно будет. Да приготовьте корзины, чтобы взять с собой чайник, чашки, заварку чаю, сухарей. Я почищу ружье и тоже спать лягу.

Через четверть часа в фанзе уже было темно и слышалось только храпенье Мафу, покрывавшее спокойное дыхание мальчишек. Когда молодая луна скрылась за Дарбутинскими горами и стало совершенно темно, через ограду дворика перелез какой-то человек, ползком подкрался к шахте и исчез в ее мраке. Через полчаса он вылез с тяжелым мешком и, так же крадучись, исчез за оградой. Никто не видел ночного гостя.

Когда на востоке чуть заалела заря, мальчишки, спавшие беспокойно в ожидании редкого для них праздника, проснулись и разбудили Мафу. Сборы были недолги: они наскоро закусили оставшейся

от ужина лапшой с луком, взяли корзины, ружье с принадлежностями, заперли фанзу висячим замком с замысловатым ключом, который запрятали в щель ограды, и пустились в путь.

Они прошли прямо через пустынную долину Чий Чу, направляясь к горам Кату, тянувшимся вдали мрачной стеной, чуть заметной в утреннем сумраке. Небо было сплошь покрыто мелкими кудрявыми облаками. С запада, с главных высот Джаира, дул довольно прохладный ветерок.

Через полчаса, когда уже было почти светло, путники достигли подножия гор, где скудная растительность пустыни стала немного обильнее: по сухим руслам, оставленным дождевыми потоками, росли более крупные кустики, частью обломанные жителями рудников, приходившими сюда за топливом. В обе стороны, словно обрезанные ножом, уходили крутые откосы хребта, голые, скалистые или покрытые осыпями щебня и обломков однообразно серого цвета.

Поднявшись по крутому конусу гальки и валунов, вынесенных водой из глубины гор, путники пошли вверх по ущелью, представлявшему такую же унылую картину: по узкому дну, усеянному серой галькой и обломками, росли кое-где чахлые кусты; с обеих сторон тянулись вверх скалистые или щебневые склоны, на которых только изредка ютились по рытвинам или между камнями мелкие кустики полыни и эфедры. Между тем, на востоке восходящее солнце прорвалось сквозь легкую пелену облаков, и лучи его заиграли высоко на правом склоне, осветив мрачные скалы и гребни серых сланцев, которые заблестели, как стекло.

— Что, далеко еще, Мафу? — спросил Пао, немного уставший от быстрой ходьбы.

— Нет, недалеко. Скоро полезем наверх. Только помните, не разговаривать и идти осторожно! Архары могут быть близко.

Еще минут десять шли по ущелью, поворачивавшему то вправо, то влево и казавшемуся глубоким коридором. С обеих сторон иногда открывались

боковые ущелья, круто уходящие вверх. В одно из них вскоре и свернул Мафу. Погрозив мальчику пальцем, он пошел впереди, держа ружье наготове. Прежде чем поставить ногу, он осматривал почву, чтобы случайно не сбросить свободно лежащий камень или не наступить на сухую ветку. Мальчики шли за ним, стараясь ставить ноги так же бесшумно.

Вдруг Мафу остановился и указал на череп какого-то животного, белевший на дне ущелья, позади большого камня. По обе стороны черепной коробки были видны огромные бурые рога с поперечными выступами и бороздами, закрученные спиралью, с отогнутыми кнаружи острыми концами.

— Архар! — прошептал рудокоп.— Старый самец.

Хун щелкнул языком от изумления, а Пао покачал головой.

— Подстрели такого же, Мафу! — сказал Хун шопотом.

К вершине ущелья, довольно круто поднимавшееся вверх, стало менее мрачным; склоны были не так круты, пучки пожелтевшей травы чаще; наконец, оно разделилось на несколько ложбин, и в разных местах показались скалистые вершины хребта, освещенные солнцем, еще невидимым для наших путников. Мафу выбрал ложбину, тянущуюся на восток, и стал подниматься по ней с удвоенной осторожностью, по временам останавливаясь и прислушиваясь. Но, кроме легкого свиста ветра в щелях между скалами и шуршанья сухих кустов, ничто не нарушало торжественной тишины горной пустыни.

Ложбина кончилась у широкой седловины, между двумя плоскими вершинами, поднимавшимися еще выше. На их поверхности в разных направлениях тянулись полуразрушенные грядки невысоких скал, а в промежутках все было покрыто плитами того же серого камня, пестревшего пятнами лишаяев. В щелях кое-где пробивались пучки

травы и засохшие цветы, которые качались под напором ветра, тянувшего здесь уже с востока. Мафу остановился, спустил с плеч корзину и тихо сказал:

— Подождите здесь. Я пойду туда, — он показал на восточную вершину, — посмотрю, не видно ли где архаров... Сидите на одном месте...

Мальчики послушно опустили на камни под защитой скалистого гребня, а Мафу, согнувшись, пошел к вершине. Одетый в синюю рубаху и такие же шаровары, почерневшие от рудничной пыли и грязи, он почти сливался с темным фоном скал. Когда приседал возле какого-нибудь камня, выжидая и прислушиваясь, или крался в тени скалистого гребня. Верхушка горы была голая и ровная. Поэтому Мафу не полез прямо на нее, а обогнул ее с севера, прижимаясь к скалам, и, притаившись за камнями, стал осматривать местность, открывшуюся впереди.

Там поднимались одна за другой такие же плоские вершины, местами обрывавшиеся утесами к соседним седловинам, местами сбегавшие к ним ровным откосом или россыпью обломков. Вдали на севере и северо-востоке синела высокая стена хребта Уркашара, вершины которого были еще скрыты в тучах. «Вот там много архаров, — подумал Мафу, — да жаль, туда и в два дня не дойдешь».

Вдруг он заметил какое-то движение на соседней вершине и вздрогнул от охотничьей радости. Под невысокой грядой скал на площадке в несколько квадратных метров отдыхало маленькое стадо архаров, голов в пять или шесть; они, очевидно, уже наелись и грелись под лучами утреннего, еще не жаркого солнца; одни лежали, поджавши ноги и вытянув морды на скудной траве, другие стояли. На камне несколько поодаль возвышался, словно статуя, крупный самец, который поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, охраняя своих самок и ягнят.

Мафу прикинул глазом расстояние; оно было немало велико для круглой пули его гладкоствольного

Под невысокой грядой скал на площадке в несколько квадратных метров отдыхало маленькое стадо архаров

ружья. Но подкрасться ближе с другой стороны оказалось невозможным, так как ветер тогда дул бы уже не в лицо, а сбоку, и можно было спугнуть чутких животных.

Мафу спрятался за камень и приготовил оружие: осмотрел замок, насыпал свежего пороха на полку, нашел расселину, через которую видны были архары, и расставил сошки ружья; затем тщательно прицелился в старого самца, стоявшего на скале боком к охотнику, и спустил курок. Но охотнику не повезло — получилась осечка. Щелканье курка встретило животное. Архар повернулся грудью к Мафу, представляя уже неверную для такого расстояния цель.

Рудокон пробормотал проклятие и опять притаился за скалой, выжидая удобного момента. Архар поднял голову и усиленно втягивал в себя воздух. Лежавшие самки и ягнята вскочили и столпились на площадке, готовые бежать при первом знаке самца.

«Того и гляди, пустантятся наутек! — подумал Мафу. — Придется стрелять в кучку».

Он осторожно взвел курок, перевел ружье влево, нацелился на самую крупную самку, стоявшую боком к нему, и выстрелил. Облачко дыма закрыло от него животных. Когда оно рассеялось, площадка была пуста. Архары, во главе с самцом, неслись на юг вдоль по гребню горы.

«Неужели промахнулся? Теперь не догонишь, пять-шесть ли пробегут, прежде чем остановятся», — подумал огорченный охотник.

Архары спускались крупными прыжками по россыпи глыб в ложбину, которая должна была скрыть их от глаз охотника. И тут одно из животных упало на колени, склонилось головой к земле, опять вскочило на ноги и пустилось вслед за исчезнувшим табуном.

«Подстрелил, далеко не уйдет», — подумал Мафу, подхватил ружье и вскочил на камень.

— Эй, мальчики, сюда! — крикнул он во все горло и пустился бежать поперек вершины к

россыпи, на которой упал архар, чтобы найти его след.

При звуке выстрела мальчики вскочили и высунули головы из-за своего прикрытия. Теперь они увидели Мафу на вершине и побежали ему наперерез, перескакивая через гряды скал и испуская крики радости.

На россыпи они догнали Мафу, который без труда нашел кровавое пятно на лишаях каменных плит и показал его мальчикам.

— Смотрите, архар ранен, убежит недалеко. Идем по следу!

— Большой архар? С рогами? Как ты его увидел, Мафу? Почему не позвал нас посмотреть, как стреляешь? — сыпались вопросы.

Мафу только отмахнулся от них руками и двинулся вперед, высматривая свежие капли крови, красневшие то тут, то там на камнях. Они привели охотника в ложбину, потом поднялись наискось по склону опять вверх, пересекли гребень, снова стали спускаться. Мафу взглянул вниз по их направлению и вдруг крикнул:

— Вот он, лежит!

— Где, где Мафу, где же?!

— Вон бурый, на дне, возле большого камня!

Мальчики пустились бежать вниз во всю прыть. Мафу спускался теперь спокойно, не торопясь.

Архар лежал на боку, раскинув ноги и вытянув голову; струйка крови бежала из его полураскрытого рта. Он был уже мертв. Мальчики присели на корточки возле его головы, не решаясь дотронуться.

— Мафу, какой же это архар? — спросил Пао. — Почему у него рога маленькие?

— Потому что это не самец, а самка. Ну, давайте теперь свежевать ее, а то так не унесем, тяжелая. Сбрасывайте корзины. Пао, Хун, наберите хворосту, разведите огонь, поставьте чайник. Пока мы справимся с делом, чай поспеет.

Мигом корзины были сброшены на землю, мальчики стали собирать сухие стебли кустов по

склонам и дну ущелья, а Мафу, поставив ружье, достал нож, поточил его о плитку сланца и принялся снимать шкуру. Скоро затрещал огонек между тремя камнями. Хун достал чайник и тут только спохватился:

— Мафу, а где же вода?

— Поищи вокруг себя; может, и найдешь, — ответил рудокоп, занятый делом.

Мальчик оглянулся кругом. Дно ложбины было совершенно сухо. Крупные и мелкие камни лежали там и сям на глинистой почве, не обнаруживавшей ни малейших признаков влаги. Скучная растительность этого дна и склонов также не свидетельствовала о близости воды.

— Сбегай, поищи, нет ли ключа где-нибудь пониже! — догадался Пао.

— А может быть, на вершине горы? — засмеялся Мафу. — То-то, нахалы! О воде вы не подумали, идя на охоту. Поищите-ка в моей корзине.

Пао проворно засунул руку в корзину рудокопа и вытащил из нее завернутую в мешок китайскую плетеную баклагу, обмазанную черным лаком. Он встряхнул ее, потом открыл деревянную пробку, обвязанную тряпкой.

— Неужели вода? Какой догадливый наш Мафу!

Поставив чайник на камни над огнем, мальчики стали помогать Мафу снимать шкуру, по временам отрываясь, чтобы подбросить хворост в огонь. Вода вскипела, чай был заварен. А немного погодя и возня с архаром закончилась: на распластанной на земле шкуре лежали аккуратно отделенные одна от другой части животного — задние и передние ноги, ребра с позвоночником, голова и внутренности.

Охотники принялись за чай. Мафу рассказывал мальчикам о нравах и повадках архаров, о том, как самцы, загнанные охотником или волками на высокий утес, бросаются головой вниз с высоты в несколько размахов, падают на свои толстые рога, играющие в таких случаях роль пружин, и, благо-

получно поднявшись на ноги, убегают. Потом обсуждали кушанья из мяса архара на ближайшие дни. После чая Мафу, воздерживавшийся от курения во время охоты и свежевания, наслаждался несколькими трубками, а мальчики лежали на земле, следя за белыми облаками, проносившимися одно за другим по небу, видимому в рамке темных склонов ущелья. Иногда облака заслоняли солнце, и тень, бросаемаемая ими, скользила по склонам скал. Вдруг по ущелью пробежала более густая тень, и, прежде чем охотники успели сообразить в чем дело, огромная птица спустилась на мясо, схватила переднюю ногу и, тяжело и часто взмахивая крыльями, поднялась вверх.

— Ой, кто это? — вскрикнули пораженные мальчики.

Мафу схватил ружье и следил за хищником, который нес тяжесть не по силам и медленно поднимался над склоном ущелья. Но стрелять по движущейся цели рудокоп не умел, да и его кремневое ружье не было приспособлено для этого.

Но вот орел сел со своей добычей на гребень склона, чтобы отдохнуть. Мафу быстро поставил ружье на сошки, насыпал порошу на полку, прицелился и выстрелил.

Орел дернулся в сторону, взмахнул крыльями и полетел, унося добычу дальше. Мальчики с разинутыми ртами следили за ним, пока он не исчез за скалами ущелья. Мафу испустил проклятье.

Между тем, в синеве неба на большой высоте еще один орел описывал круг прямо над охотниками.

— Давайте корзины! — скомандовал Мафу. — Разлакомились, черти!

Мясо быстро было сложено в корзины. На месте охоты остались только негодные для пищи внутренности.

— Ну, — сказал Мафу, — собирайте вещи и идем! . .

Чайник и баклагу уложили поверх мяса и двинулись вниз по ущелью. Шли теперь под гору, но

ноша была тяжелая, а солнце заливало своими лучами все ущелье, оголенные скалы дышали жаром, и скоро струйки пота потекли по смуглым лицам путников. Так они добрались до более широкой долины, спустились по ней до ее устья и вышли на равнину, где стало немного легче дышать. Да и видневшиеся впереди серые фанзы поселка сулили им скорый отдых и вкусный обед.

В ПОГОНЕ ЗА ВОРОМ

Пока мальчики готовили к обеду жареную печенку, сердце и мозги, Мафу изрезал большую часть мяса на тонкие и длинные ломти и развесил их на веревке, протянутой через дворик, для сушки. После обеда он лег спать, приказав мальчикам караулить мясо, а потом спустился в шахту толочь отложенную богатую руду.

Довольный охотой и вкусным обедом, Мафу спускался не торопясь, насвистывая незамысловатый мотив песни табунщиков; потом стал импровизировать: «Счастливый охотник Мафу лезет в свою шахту, где лежит еще много золота, много желтого драгоценного золота в белом кварце. Возьмет Мафу белые куски руды, в которых золото блестит везде, как звезды на ночном небе, положит их в ступку и будет толочь, распевая песню о добрых демонах, которые дали ему богатство. Рассыпется кварц в белую пыль, освободит золото, и черная вода шахты омоет его. У, как заблестит чистое желтое золото на дне таза! Много, много его там, пять лан, десять лан, двадцать лан золота из каждого таза — награда рудокопу за тяжелый труд! И возьмет Мафу свою долю желтого золота, уйдет в Чугучак, где есть и хорошая еда и крепкая водка. Покутит Мафу всласть после многих дней работы в темной шахте».

С этими словами рудокоп подошел к подножию своего забоя, где накануне оставил аккуратно сло-

женную кучу богатой руды. Он осветил ее лампочкой, чтобы полюбоваться блеском золота. . . и песня внезапно оборвалась. Рудокоп в недоумении переводил глаза с руды на лампочку, с лампочки на забой и опять на руду. Вместо большой и правильной кучи у его ног лежали разбросанные куски руды, и в редких из них блестело золото.

Рудокоп опустился на колени и дрожащими руками стал собирать свои сокровища, поднося то один, то другой кусок к огню в надежде увидеть в нем много золота. Но увы, остались только самые бедные куски, а богатые исчезли. Черные мысли бессвязно сменяли друг друга в ошеломленном мозгу Мафу.

— Что это? Вчера было много, сегодня нет ничего. Куда девалось мое золото? — растерянно сказал он.

Мафу схватился руками за голову и стал качаться взад и вперед, бормоча проклятия и жалобы, причитая над остатками богатства. Наконец, он пришел в себя и стал обдумывать свою беду. Не горные ли демоны взяли его золото? Вдруг взгляд его остановился на одном из кусков кварца, на котором виднелось странное грязножелтое пятно. Мафу схватил кусок, поднес к лампе, потрогал пятно пальцем, потом подержал над огнем; оно стало таять и стекать.

— Вор, вор был здесь и унес богатую руду. У горных демонов нет сальных свечей. Воры шарят с ними по забоям! . .

Это открытие привело рудокопа в ярость. Перед горными демонами он был бессилен; они дали богатство, они могли и взять назад, и Мафу оставалось только жаловаться на судьбу. Но раз похитителем был человек, это меняло дело. Его можно было настигнуть, отнять покражу, наказать.

«Это, наверно, тот же негодяй Цзинь Тай, которого мы поймали здесь, — решил Мафу. — Как жаль, что я не убил его прошлый раз или не сломал ему ногу, чтобы он не мог лазить по чужим шахтам! Где его теперь найдешь? Джаир большой, дорог много,

поселков тоже, а я и дорог не знаю! Если бы у меня была хорошая собака, которая умеет итти по следу, как у настоящих охотников! Ой, не говорил ли Ли Ю, когда ужинал у нас мясом надзирателя ишака, что у него есть собачка, которая умеет выслеживать? Она же привела его по следам волков к ишаку. Только вор не оставил здесь ничего своего, а следы его я затоптал! Не поможет ли кирка, которую мы у него отняли в тот раз? Но мы сами работали ею после!»

Мафу задумался. Вдруг взгляд его опять упал на кусок руды с грязножелтым пятном, наполовину растекшимся. Широкая улыбка озарила лицо рудокопа. «Обувь этого негодяя наверно вся запачкана свечным салом. И сам он пропитан этим запахом. Если собака умная, она найдет след».

Мафу схватил закапанный салом кусок руды, взял лампу и проворно вылез из шахты. На дворике он наткнулся на мальчиков, которые поспешно спрятали что-то за спину при его появлении. Но он второпях не обратил внимания на их смущение, прошел в фанзу, забрал там чайник, несколько горстей сухарей и головок лука, сложил все это в мешок, который закинул за плечи, а к поясу подцепил свой монгольский нож.

«Ружье не возьму, легче итти, — подумал он, — а с этим негодяем я и ножом справлюсь».

Выйдя из фанзы, он сказал мальчикам, которые успели уже припрятать трубку и табак и оправиться от смущения:

— Вот что, нахалы! Я должен сходить кое-куда, довольно далеко. Караульте мясо, к ужину сварите брюшину. Если я вечером не вернусь, — ложитесь спать, я могу притти ночью или рано утром. На ночь мясо соберите и снесите в шахту.

С этими словами он сдернул с веревки несколько кусков подсохшего уже мяса, сунул их в мешок и крупными шагами направился к выходу. Мальчики в недоумении смотрели ему вслед.

Мафу быстро дошел до мельницы и через ограду заглянул во двор. Уже издали визг и скрип

кварца давали знать, что жернова работают, следовательно, Ли Ю был тут. Действительно, он стоял близ ограды, похлопывая бичом и понукая ишаков. Какой-то незнакомый рудокоп подбрасывал лопатой руду, а другой дробил ее в углу двора.

— Ли Ю, приятель! — окликнул Мафу погонщика через ограду.

Ли Ю оглянулся и подошел ближе.

— Как поживаешь? Кушал ли уже? — произнес он обычное китайское приветствие.

— Как же, кушал всласть! — ответил Мафу. — Сегодня я был на охоте и добыл архара. Ты приходи ужинать, будет брюшина.

— Счастливее! Приду непременно. Давно уже не ел я такого лакомого блюда.

— А пока вот что, Ли Ю, дай мне свою собаку до ночи.

— Зачем? Опять на охоту пойдешь, что ли? Разлакомился, видно.

— Нет, вот в чем дело, — сказал Мафу, понижая голос, хотя визг жерновов и так делал их разговор неслышным для посторонних. — Пока мы были на охоте, в нашу фанзу залез вор, унес две кирки, мешок с крупой, одеяло Лю Пи. Вот я хочу при помощи собаки догнать его.

— Ишь ты, какое дело! Не знаю, сумеет ли только моя собака выследить, особенно конного: все лошади имеют одинаковый запах.

— Нет, он был пеший, по следам видно. Пойдет собака по следу — хорошо, нет — ничего не поделаешь.

— Ладно, сейчас приведу. Подожди у ворот.

Ли Ю пошел в конюшню и скоро привел к воротам небольшую калмыцкую собаку, похожую на лисицу, с пушистым хвостом, острой мордочкой и острыми ушами. От ее ошейника шла веревка.

— Получай, только не отпускай на свободу, а то убежит домой, — сказал он, передавая веревку Мафу. — Ну, счастливого пути! Ишаки, твари, уже стали.

Он побежал к упряжке, а Мафу повел собаку назад к своей фанзе, так как, выйдя со двора, сейчас же заметил след двух ног в соломенных сандалиях, вдавившийся в пыль у ограды; здесь вор, очевидно, прыгнул на землю с тяжелой ношей. Подведя собаку, Мафу дал ей сначала понюхать кварц, закапанный салом, а потом показал ей след. Она обнюхала его и сразу повела, повизгивая от рвения. На каменистой почве пустыни видимый след исчез, но собака уверенно шла вперед. Вор пересек улицу и пошел по пустырям и брошенным, отработанным отводам, огибая с юга рудничный поселок. В одном месте он, очевидно, отдыхал лежа, так как собака привела в угол старого дворика, а затем потянула дальше; на куче песка и пыли, наметенной хый-фыном в этом углу, ясно виднелся отпечаток лежавшего тела и грубой ткани мешка.

— Целый мешок руды набрал, негодяй! — проворчал Мафу. — Фунтов 50—60 наверно унес. Ну, тем лучше, с такой ношей далеко не уйдешь.

Скоро поселок остался позади, и след вывел на большую дорогу, шедшую из Чий Чу к речке Ангырты на запад и далее к речке Дарбуты.

«Так и есть! — подумал Мафу. — Понес к речке промывать. Погоди у меня!»

Собака рвала веревку из рук, и Мафу чуть не бежал вслед за ней. Близился вечер; солнце уже спускалось к вершинам острых Дарбутинских гор.

«До Ангырты считают 10—12 ли, — думал Мафу. — Таким ходом мы с тобой, собачка, еще засветло будем на речке. А негодяй, наверно, далеко не отошел от дороги, залез поблизости в кусты. Тут мы его и накроем».

Собака шла, не останавливаясь. Местами, где на дороге было немного пыли, след сандалий виднелся отчетливо, местами же был затерт другими следами. На половине дороги встретили двух калмыков верхами.

— Здорово, джангуйда!¹ — крикнул один из них. — Куда торопишься с собачкой?

¹ Джангуйда — хозяин.

— Добрый вечер, приятель! — ответил Мафу. — По следу вора иду. Не видали ли китайца с мешком на спине?

— Нет, не видали. А что он украл?

Но Мафу не был расположен терять время на разговоры. Собака немилосердно тянула его вперед, и он крикнул, удаляясь:

— Вещи у меня украл в Чий Чу.

Дорога вышла из пустынной и голой равнины Чий Чу и вступила на плоские и однообразные холмы, окаймлявшие ее с запада. Уклон под гору стал заметней, и собака бежала еще быстрее, тем более, что солнце село и в воздухе повеяло прохладой. Еще несколько поворотов — и появились небольшие скалы, а затем открылась долина речки. Густая зелень деревьев и кустов, тянувшихся по обоим берегам, резко выделялась на мрачном буром фоне холмов.

Собака чуть не вырвалась из рук, стремясь к воде. Но и рудокоп торопился утолить жажду чистой текучей водой, которой не видел уже больше полугода. На берегу ручья, склонившись к воде, животное и человек втягивали в себя прохладную влагу с одинаковой жадностью.

«Куда пойдет теперь след, вверх или вниз?» — подумал Мафу, глядя на собаку, которая, утолив жажду, улеглась на землю.

Он стал тщательно осматривать почву у берега речки, состоявшую из серого песка с мелкой галькой. Но следов соломенных сандалий не было видно. Торопясь к воде, собака, очевидно, отклонилась от них.

Отдохнув немного, Мафу отвел собаку немного назад, к тому месту, где дорога выходила в речную долину, показал ей след и дал опять понюхать кварц, закапанный салом. Собака повела теперь не прямо к воде, а несколько вверх по долине, где выше брода виднелась группа тополей, дававшая днем хорошую тень у самой воды и вместе с тем защищавшая отдыхающего путника от взоров прохожих.

— Так! — пробормотал Мафу. — Вор пришел сюда, когда солнце еще грело, и выбрал это местечко для отдыха. Посмотрим, нет ли там следов его пребывания

Действительно, на маленькой лужайке в тени, у самой воды, трава была примята. Тут же валялись несколько маленьких осколков кварца и два валуна покрупнее, которыми кусок руды был раздроблен.

— Вот как! Он сделал первую пробу, — усмехнулся Мафу.

Между тем собака потянула дальше, по узкой тропинке, извивавшейся вдоль речки.

«Ну, теперь надо быть настороже, смотреть в оба и слушать», — подумал Мафу и приготовился к встрече: поправил мешок на спине, переложил веревку в левую руку, а в правую взял свой длинный монгольский нож.

Тропа шла то у самого берега, то уклонялась в чащу из тальника, шиповника, барбариса, стоявших зеленой стеной по обе стороны; то огибала утесы, спускавшиеся к воде, поднималась на косогор, поросший полынью, эфедрой, караганой; то, наконец, в расширениях узкой долины направлялась напрямик через заросли высокого чия, огромные снопообразные кусты которого поднимали свои метелки над головой пешехода. Солнце уже село, и кудрявые тучи на небе заалели, отбрасывая розовый свет в узкую долину.

«Пожалуй, он уже прикончил толченье и отдыхает где-нибудь в чаще, так что наткнешься на него неожиданно», — подумал Мафу, замедлил шаг, и удвоил осторожность.

Но собака шла все вперед и вперед; начинало темнеть; тучки на небе посерели; кое-где заблестели крупные звезды. Навстречу путникам с верховий долины потянул прохладный ветерок.

«Уж не ушел ли он на высокий Джаир? — обеспокоился Мафу. — От брода мы отмахали, наверно, уже три или четыре ли».

КОСТЕР В ЧАЩЕ

Вдруг собака подняла голову, начала нюхать воздух и ворчать. Мафу цыкнул на нее и пошел еще медленнее. Тропа в это время шла по густой чаще, в которой было совсем темно. Приходилось ступать осторожно, чтобы не выдать себя треском сухой ветки под ногами.

Но вот сквозь зелень забрезжил красноватый свет. Мафу подтянул собаку поближе к себе и стал подкрадываться. Послышалось журчанье воды; тропа, очевидно, приближалась к речке. Еще поворот — и Мафу остановился.

Впереди открылся вид на небольшую лужайку. Справа ее ограничивал высокий утес, слева — речка. Тропа подходила к воде и перебегала на другой берег, потому что утесы подступали к самой речке, и оттуда доносился шум небольшого водопада. На краю лужайки, под нависшими глыбами утеса, горел небольшой костер. Возле него сидел, согнувшись и положив руки и голову на поднятые колени, голый человек; рядом виднелись маленький таз, большой плоский камень и на нем другой, круглый, поменьше.

Пока Мафу соображал, сколькими прыжками можно настигнуть вора, последний зашевелился, взял в каждую руку по палочке с развилиной на конце, вытащил из костра белый камень и бросил его в тазик. Послышалось шипенье и из тазика поднялся пар.

«Какой умный! — подумал Мафу. — Калит руду, чтобы легче было дробить ее. Нужно будет и нам делать так в шахте...»

Между тем человек опять опустил голову на колени. Ему, очевидно, смертельно хотелось спать, но он не решался предаться отдыху, не закончив дробления последнего куска кварца.

«Хорошо, что я так быстро погнался за ним! — подумал Мафу. — Покончив с рудой, он сунет горсть

золота в карман, и налегке пойдет шагать, куда вздумается. Но теперь не уйдешь, голубчик!»

Выпустив собаку, которую он все время держал за морду рукой, чтобы она не лаяла, Мафу в два-три прыжка настиг полусонного человека, не успевшего вскочить на ноги, опрокинул его на спину и, схватив его руки, придавил коленом живот. Тот застонал и стал молить о пощаде.

— А, мерзавец! Второй раз попался с краденным! — хрипел рудокоп.

Освободив одну руку, он отвязал веревку от ошейника собаки. Одним концом веревки он связал руки вора, а другим его ноги и сказал, вставая:

— Ну, теперь полежи смиреннько, а я посмотрю, много ли ты наработал, негодяй!

Он освидетельствовал прежде всего мешок, лежавший близ костра; руды в нем не было, последний кусок ее еще калился в огне, а другой лежал в тазу. Остальное, очевидно, было уже истерто и перемыто в речке. Под мешком оказалась тряпочка, связанная узлом. Уже по ее весу Мафу догадался, что это золото, намытое из исчезнувшей руды. Он осторожно развязал тряпку, развернул ее на земле, полюбовался блеском зерен и пластинок желтого металла при свете костра, погрузил в них пальцы, потом завязал тряпку и взвесил ее на руке.

«Фунта два, пожалуй, будет, — подумал он. — А все ли здесь? Не припрятал ли негодяй часть по карманам?»

Недолго думая, рудокоп залез в карманы шаровар вора, но нашел в них только огарок свечи, завернутый в тряпку, огниво и кремь, несколько чохов (китайских латунных монет с квадратной дырочкой) и кусок черствого хлеба. Ощупывание тела пленника также не дало никаких результатов. Приходилось думать, что золото или все в тряпке, или же часть его спрятана где-нибудь в кустах. Но Мафу отверг последнюю мысль. Вор, очевидно, не рассчитывал на погоню, иначе он ушел бы дальше и спрятался для измельчения краденой руды.

Покончив обыск, Мафу убрал тряпку с золотом в свой мешок, туда же переложил остывший кусок кварца из тазика и подумал: «А недурно бы теперь поужинать». Он достал щепотку чая и бросил ее в тазик, в котором вода от раскаленного камня была нагрета до кипения, потом достал из мешка сухари и головку лука.

— Жаль, что мясо некогда варить. Ну, угощу им собаку, она честно заработала свой ужин. Поди сюда, желтая тварь!

Собака лежала поодаль, зорко следя за связанным человеком, как будто понимая, что его нужно стеречь. При оклике Мафу она поднялась и подошла ближе, виляя пушистым хвостом.

— Вот тебе награда за поимку вора! — засмеялся рудокоп, бросая ей большой кусок мяса.

Собака подхватила его налету, отбежала на прежнее место, улеглась и, зажав мясо между передними лапами, начала уплетать его, ворча.

Подкрепившись, рудокоп закурил трубку и, повернувшись вполоборота к пленнику, стал его разглядывать, обдумывая, что сделать с ним. Цзинь Тай лежал на боку в неудобной позе, но смуглое лицо его, повернутое к огню, не выдавало волнения, естественного у человека, свалившегося с высоты благополучия и попавшего в руки врага.

— Ну, Цзинь Тай, любитель чужого золота, как мне тебя наказать? — сказал Мафу, с усмешкой глядя на пленника.

— Я в твоей власти, Мафу, — проговорил тот сдавленным голосом. — Зачем тебе губить меня? Свое золото ты отобрал. Отпусти меня, я бедный человек.

— Золото я, к счастью, отобрал благодаря этому умному псу. Но за все тревоги и хлопоты, за погоню по твоим следам, за потерю времени кто мне заплатит?

— Ну, считай, что за все это я поработал на тебя, измельчил и промыл твою руду.

— Куда же ты хотел нести золото? — любопытствовал Мафу.

— В Дурбульджин, в лавку.

— И давно ты занимаешься этим почтенным делом?

— Я рудокоп, как и ты, — уклончиво ответил пленник. — Только часто работы нет, и я голодаю. А с голода чего не сделаешь, лое! Будь милостив, отпусти меня. Я никогда больше не покажусь в Чий Чу.

Мафу, питавший во время преследования самые жестокие намерения, теперь, при виде этого жалкого связанного человека, смягчился. Золото он вернул, в шахте богатое место кончилось, воровать в третий раз негодяю не придется. Он поднялся, вскинул на плечи свой мешок и сказал:

— Так и быть, не стану тебя убивать или мучить, живи себе. Но смотри: в третий раз попадешься — кости переломаяю. А на твою бедность оставляю тебе руду, которая еще лежит в огне, там наберется золота на хлеб на неделю-другую. Пойдем, собачка, домой!..

Мафу свистнул и повернулся, чтобы итти.

— Лое, развяжи меня, прежде чем уйти! — взмолился пленник. — Как же ты меня оставишь связанного одного, в чаще, ночью? Тут волки есть... огонь погаснет, они придут.

— Сам развяжешься! Веревки скоро ослабнут, — усмехнулся Мафу.

И, не обращая больше внимания на просьбы связанного, Мафу, сопровождаемый собакой, исчез в чаще. Слабый свет костра освещал тропинку на небольшом расстоянии от лужайки, но далее уже было совершенно темно; приходилось итти осторожно, чтобы не наткнуться лицом на колючую ветку или острый сук. Собака бежала по тропе впереди и, когда Мафу отставал, звала его коротким лаем.

Постепенно глаза освоились с темнотой и стали различать извилистую тропу. Когда она выходила на лужайку или поднималась на склон, над путником развевалось темное звездное небо, в которое справа и слева словно упирались черные массы ска-

листных откосов долины. Ветер затих, и только речка явственно журчала то ближе, то дальше. Вдруг собака остановилась, подняла голову и глухо заворчала. Словно отвечая ей, с одного из склонов донесся протяжный вой.

— Ишь ты, подлец, близко ходит, — проворчал Мафу. — Пожалуй, пожалею, что не взял ружья.

Мафу прибавил шаг и вскоре вышел к броду. Тут уже началась дорога по холмам и степи, и можно было идти быстро. Чтобы отогнать волков, рудокоп запел песню пастухов, заунывную китайскую песню, которой они коротают длинные осенние вечера у костра среди песчаных холмов, под свист ветра в рощах саксаула, странного дерева с листвой, похожей на зеленые волосы русалки. Он вспомнил жизнь, которую вел несколько лет в песках под Гученом, жизнь, полную невзгод, но привольную, всегда под открытым небом, под лучами солнца, обильную приключениями. И особенно противной показалась ему мрачная шахта и тяжелая, скучная работа над твердым кварцем, редко вознаграждавшим труд крота-рудокопа.

«Ну, теперь мы добыли достаточно золота! — подумал он, быстро шагая вслед за собакой по пыльной дороге. — Рассчитаюсь с Лю Пи и уйду опять куда-нибудь на новое место...»

А в это время на лужайке под нависшим утесом догоравший костер еле освещал связанного человека. Много раз пытался он как-нибудь ослабить путы, стягивавшие его посиневшие и энемевшие руки. Старая, но крепкая веревка не ослабевала, и все усилия были тщетны.

А зловещий вой волков раздавался все ближе. Сначала завыл один — высоко на склоне долины; второй откликнулся на другой стороне, третий чуть слышно — выше по речке. Почуяли легкую добычу, серые! Перекликаясь, стали спускаться вниз; порой замолкая и прислушиваясь.

Безжалостный рудокоп уже далеко, не услышит мольбы о помощи. Догорает костер, угольки подер-

гиваются пеплом. Еще полчаса — и огня не будет. драгоценного огня, пугающего хищников.

Вот уже слышен шорох в кустах то с одной, то с другой стороны. Подкрались голодные звери, высматривают через ветви, что делается на поляне под утесом. Из-под нависших ветвей куста высунулась острая морда. Два глаза, в которых красными пятнами отражаются угли костра, уставились на человека. Верхняя губа поднялась и обнажила белые острые зубы. Раскрылась пасть, зверь облизнулся длинным языком, предвкушая теплую, красную кровь. Припал к земле и ползком подвигается вперед.

Неистовым голосом закричал человек и заметался в тоске. Испуганный зверь отпрянул назад в кусты. Хоть бы что-нибудь для поддержания огня! Но ничего нет. Он сам бросил последнюю охапку в костер перед тем, как его настигли. Проклятое золото! И все это произошло из-за этих тяжелых зерен в белом камне.

В другом месте показалась острая морда и глядят алчные глаза. Неужели так и погибнуть под волчьими зубами, которые вонзятся в тощее горло и начнут рвать живое мясо? Нужно пережечь веревку, не теряя ни минуты, хотя бы пришлось пережечь руки до кости! Все лучше, чем погибнуть зарезанным, словно баран. Скорее, пока еще тлеют угли! Он с усилием поднялся, присел и стал подвигаться, ерзая, к кучке углей. Острая морда опять скрылась в кустах.

Взгляд несчастного упал на палочки, которыми он вынимал из костра накаленный кварц, чтобы бросить его в воду. Не помогут ли они? Он изогнулся, подхватил губами обе палочки, потом, перебирая их во рту и помогая связанными руками, засунул концы их поглубже и стиснул зубами. Щипцы готовы, но владеть ими не легко. Нагнувшись над тлеющей кучей, он пытается захватить палочками уголек. Но они вертятся во рту, и угольки выпадают. Наконец удалось — красный уголек поднят и приложен к веревке у кисти; пенька затлела.

жжет и тело. Стиснув зубы, чтобы не выронить огонь, бедняга терпит боль: все же это куда легче, чем положить на угли всю руку до локтя. Пенька тлеет, и запах гари щекочет в носу. А враги уже чувствуют, что жертва вот-вот ускользнет от них. Один совсем вылез из-под куста, другой появился позади него. Только страх перед огнем удерживает их. Но угли подернулись пеплом, и лишь кое-где светятся еще красные точки.

Почти истлела в одном месте веревка, но кончился и уголек. Теперь бы небольшое усилие — и путы свалятся. Но онемевшие руки неподвижны, словно одеревенели. Несчастный, выплюнув палочки, дует на тлеющую веревку, чтобы не погас спасительный огонь. Медленно перегорает и рвется прядь за прядью; вот и последняя прядь разорвалась. Мучительно горит обожженная кожа. Ближайшие изгибы веревки ослабли, кровь приходит в движение и колет тысячами иголок. Но это пустяки, теперь он спасен! Пальцы одной руки уже шевелятся. А волки ждут. Теперь при еле заметном свете костра их глаза сами светятся, уставившись на человека.

Рука движется! Петля за петлей разматывается; вот и вторая рука, подтянутая снизу к первой, свободна. Но они еще плохо слушаются и не могут развязать узлов на ногах. Пусть немного отдохнут, а пока нужно раздуть огонь...

Нагнувшись совсем близко к кучке углей, покрытых пеплом, человек осторожно начинает раздувать их, подбрасывая понемногу сухие листья и мелкие веточки, сгребаемые с земли.

Вспыхнул и затрещал огонек. Человек оглянулся — волки отползли в недоумении к кустам. Он протянул руку, взял круглый камень, которым дробил золотую руду, и швырнул его под куст, где светились три пары глаз, друг возле друга. Хрипый вой, треск веток. Глаза исчезли. Но звери притаились и ждут.

Теперь он развязывает свои ноги. И они отекают, не стоят. Он подползает к утесу, собирает толстые

сучья и бросает в костер. Огонь жадно лижет их красными языками, разгораясь все больше. Ярко пылающий сук летит в кусты, где притаились волки; и там сухие листья, мертвые побеги ветки дают хорошую пищу огню. Пылает новый костер, скручиваются и вспыхивают зеленые листья, и снопы искр взлетают вместе с дымом. Еще один пылающий сук летит в противоположную сторону от поляны, и там загорается третий костер. Отбегают далеко перепуганные звери, щелкают зубами.

Теперь можно отдохнуть без помехи. Человек, пошатываясь идет к ручью, захватив с собою тазик; долго пьет он, присев у воды, и освежает обожженную руку. Потом возвращается к костру с охапкой хвороста, подбрасывает его в огонь и ложится на землю под навесом утеса. Каменная стена у него за спиной, спереди костер. Огонь в кустах долго будет гореть, находя все новую и новую пищу. Можно спать до рассвета спокойно.

ОБЫСК

Мафу вернулся домой около полуночи. Мальчики спали так крепко, что не слышали, как он вошел, засветил огонь, жадно поел обильные остатки ужина, потом с лампочкой в руках залез головой и плечами в топку кана и закопал глубоко в землю под слоем золы тряпку с золотом, отнятым у вора.

«Если не этой ночью, то завтра утром лое непременно сделает осмотр нашей шахты», — решил он за ужином и принял свои меры.

Проснулись, по обыкновению, рано. Пока мальчики варили завтрак, Мафу спустился в шахту, отобрал из руды, оставленной вором у забоя, все куски с видимым золотом, вынес их на поверхность и высыпал на пустыре, в стороне от отвода, в ямку, которую прикрыл разным мусором. Таким образом и шахта была приготовлена для осмотра надзирателя: пусть теперь ищет, где богатая жила Лю Пи!

Некоторое беспокойство внушало Мафу то обстоятельство, что со времени последнего размола руды на мельнице они приготовили мало нового кварца — куча его во дворе была очень невелика. Ведь Лю Пи и он всю богатую руду толкли и промывали в шахте, а рудоносам оставалось очень немного для выноса на поверхность. Поэтому, вернувшись в шахту, Мафу с ожесточением начал бить свою обедневшую жилу, выламывая целые глыбы кварца, который на его счастье стал очень трещиноват. Мальчикам за это утро пришлось три раза спускаться за рудой и выносить корзины, наполненные доверху.

Они только что высыпали в третий раз свои корзины на заметно увеличившуюся кучу и собирались отдохнуть и покурить, как их внимание привлек необычайный шум на пустынной улице. Слышны были шелканье бича, звон колокольчиков и бубенчиков и протяжные крики «и-и-и-и-и», словно приближалась большая кавалькада. Мальчуганы мигом очутились на ограде и выглянули на улицу.

К ним приближалась скорым шагом кучка китайцев, среди которой на рослом ослике, увешанном колокольчиками и бубенчиками, ехал чиновник; его можно было узнать по черной шляпе с отворотами и синей кофте с вышитыми драконами. Рядом с ишаком, бежавшим легкой рысью, семенял запыхавшийся Ли Ю, поощрявший животное гортанными криками, а иногда и ударами плети. Впереди всадника, по бокам его и сзади шли солдаты, человек шесть или семь, с копьями в руках, с луками и колчанами за плечами; на их синих грязных и рваных куртках были нашиты на груди красные нероглифы, а головы повязаны по-бабьи синими платками. За солдатами шли любопытные, человек тридцать взрослых и подростков.

Процессия остановилась у калитки. Ли Ю открыл ее и под уздцы ввел ишака во двор; за ним последовали солдаты. Любопытные остались на улице, заглядывая поверх ограды. Пао и Хун, полураскрыв рты от удивления, смотрели, как два солдата, под-

хватив жирного чиновника под руки, бережно спу-
скали его на землю, словно хрупкий сосуд с драго-
ценной влагой.

— Где хозяин отвода? — обратился он к мальчи-
кам, пронизывая их хмурым взором своих косе
прорезанных, заплывших жиром глаз.

— Лю Пи нету, а Мафу в шахте, — ответил
Хун.

— Живо беги за ним, мальчик! — скомандовал
надзиратель, и Пао не замедлил исчезнуть в черной
дыре. — А ты останься, — сказал он Хуну, схватив
его за косичку. — Где ваша руда?

— Вот она здесь на дворе! — Хун указал на
белевшую кучу кварца.

— Что так мало? Куда еще носите?

— Никуда больше не носим.

— А золото где спрятано?

— Я не знаю... Золото у хозяина, у Лю Пи.

— Обыщите фанзу! — приказал надзиратель сол-
датам. — Ищите в мешках, в одежде, в сухарях.

Три солдата направились в фанзу. Остальные
занялись осмотром двора, тыкали копьями в землю,
где она казалась им взрытой.

Не выпуская из рук косички Хуна, надзиратель
направился к фанзе и с трудом протиснулся в узкую
дверь. В фанзе шел тщательный осмотр; один сол-
дат, сидя на корточках на кане, разворачивал и
вытряхивал одеяла и свернутую одежду, щупал
и мял валики, набитые ватой и заменявшие подушки,
отворачивал циновки, покрывавшие лежанку. Дру-
гой рылся в мешках с провизией, третий концом
копья тыкал твердо утопанную землю пола.

— В топке посмотри! — скомандовал надзира-
тель.

Солдат сунулся к топке; там горел огонек и на
треноге в большом котле грелась вода для обеда.
Солдат заглянул в глубь отверстия, просунул туда
копье, потыкал в разных местах золу и сказал:

— Ничего нет, та-жень.

— Выгребн всю золу, посмотри в ней. — прика-
зал надзиратель.

Где хозяин отвода? — обратился он к мальчикам

Солдат стал выгребать концом копья золу из топки; другой, кончивший безрезультатный осмотр лежа рудокопов, шарил в золе руками. Надзиратель, все еще придерживая Хуна за косичку, следил за этой работой.

В это время в фанзу вошел Мафу, за которым выглядывало недоумевающее лицо Пао.

Мафу при виде солдата, шарившего в топке, побледнел и, чтобы скрыть смущение, низко поклонился и пробормотал:

— Ты звал меня, та-жень, я пришел.

— Это рабочий, Мафу! — пояснил Ли Ю, стоявший у дверей.

— Где хозяин отвода? — резко спросил надзиратель, рассерженный тем, что обыск не дал еще результатов.

— Лю Пи ушел домой, на Манас ушел. Жена его очень заболела, умирать хочет, — заявил Мафу, следя глазами за солдатами, выгребавшими золу.

— Вот как! И много золота домой понес?

— Мало-мало понес, лое. Сколько у тебя после размола получили — все взял. Лечить надо, хоронить надо, если умрет.

— А ты что без него делаешь?

— Работаю в шахте, лое.

— И золота в жиле много попржнему?

— Совсем мало стало, лое. Обманула нас жила; едва показалось хорошее золото и снова скрылось.

— Так я тебе и поверил, негодяй. Золото скрылось, да только где-нибудь здесь, а не в жиле.

— Если не веришь, лое, посмотри сам, своими глазами, — спокойно возразил Мафу, убедившись, что солдат выгреб только золу из топки и не собирался раскапывать в ней землю. — Вот на дворе наша руда, совсем бедная, посмотри сам. Спустись к нам в шахту, осмотри жилу — нет золота. Таких кусков, как мы приносили на мельницу, больше не попадается.

— И посмотрю, сам посмотрю, — крикнул надзиратель. — Ну, что, нашли что-нибудь в золе, в мешках, в кане? — обратился он к солдатам.

— Ничего нет, та-жень!

— А на дворе? Позовите тех, кто искал на дворе!

Вошли остальные солдаты. Один из них подал надзирателю тряпку с табаком и старую трубку мальчиков, найденные в одной из щелей ограды.

— Вот что нашли в ограде, та-жень! А больше ничего нет. Земля во дворе твердая, нигде не копанная. — Надзиратель быстро схватил тряпку в ожидании, что в ней завязано золото. Но уже легкий вес ее разочаровал его. Увидев в ней табак, он с сердцем бросил тряпку на кучу золы. Трубку, которую протягивал ему солдат, сердито отстранил рукой со словами:

— Можешь взять себе!

К великому огорчению Хуна, стоявшего попрежнему возле надзирателя, хотя тот при появлении Мафу уже выпустил его косичку, солдат сунул драгоценную трубку в свой карман. Табак высыпал в золу и вместе с ним несколько крупинок золота. единственный капитал бедных рудоносцев.

Сердитый надзиратель двинулся к двери. Ему, толстому и неповоротливому, было не под силу спускаться в шахту. Он хорошо знал, как это трудно, потому что пытался уже раз спуститься в шахту при подобном же обыске и чуть не сорвался.

— Ли Ю, возьми с собой двух солдат и спустись в шахту! — приказал он. — Осмотрите хорошенько жилу, выбей сам кусок руды из забоя, да поищите, не припрятаны ли где-нибудь золото или богатая руда.

— А мне идти с ними, та-жень, чтобы показать дорогу? — спросил Мафу, кланяясь, у надзирателя.

Чиновнику показалось это подозрительным. Он не доверял ни Ли Ю, ни солдатам. Рудокоп мог сговориться с ними, подкупить их.

— Нет, ты останешься здесь. А дорогу пусть укажет мальчик. Эй, черномазый, где ты?

Хун остался в фанзе, чтобы скорее собрать драгоценный табак. На глаза надзирателя попался Пао, присевший в тени ограды.

Пао поднялся и пошел к шахте, сопровождаемый Ли Ю и солдатами. Один за другим все четверо скрылись в темной дыре. Надзиратель, велел подать себе низкий столик, который рудокопы ставили на кан для еды, важно расселся на нем возле кучи руды на дворе и стал рассматривать кусок за куском в надежде найти богатое золото и конфисковать его. Оставшиеся солдаты присели в тени фанзы на корточки и закурили трубки. Мафу стоял возле них, с улыбкой следя за действиями надзирателя. Ограда со стороны улицы попрежнему была унижена головами любопытных, перебрасывавшихся замечаниями. Ишак, привязанный в углу, спал, опустив голову; по временам только звякали его украшения, когда он вздрагиванием кожи или хлопаньем ушей сгонял назойливых мух.

В шахте спуск шел медленно. Хотя Пао добросовестно исполнял обязанности проводника, предупреждая лезшего за ним Ли Ю о каждой ступени и освещая ее лампочкой, но неопытные посетители часто скользили, проклинали надзирателя и шахту и ругались друг с другом, когда задний наступал на руки спускавшегося впереди или задевал его по лицу своей подошвой.

Вздыхнули свободнее внизу, осмотрели оба забоя; Ли Ю выбил киркой несколько кусков руды и сунул их за пазуху; солдат с лампочкой в руках бегло освидетельствовал черные стены; полюбовались отражением огня в спокойной мутной воде ямы, на дне которой могли бы найти, если бы знали в чем дело, немало истолченного и перемытого кварца и чугунную ступку. Вылезли наверх, запыхавшиеся и сердитые.

— Ничего особенного там нет, лое, — заявил Ли Ю, подавая надзирателю куски кварца. — Жила бедная, шахта — как шахта, лезть в нее шибко трудно и опасно.

Лое осмотрел принесенные куски кварца и презрительно бросил их в общую кучу.

— А вы хорошо искали? Ничего не припрятано? — обратился он к солдатам.

— Все осмотрели, та-жень. Темно, грязно, найдешь там что-нибудь! Богатой руды не видели, все такая же, как эта в куче.

— Едем домой, время кушать! — произнес лое, вставая. — Ну, твое счастье, Мафу, — обратился он к подошедшему рудокопу, — или у вас, действительно, богатая руда кончилась, или вы умеете ловко прятать ее от меня. . . А куда ты бегал вчера вечером? — попробовал он огорошить его неожиданным вопросом. — Золото понес прятать или продавать калмыкам, негодяй?

Но Мафу уже был подготовлен к этому вопросу; встреча с калмыками заставила его ждать обыска. Поэтому он ответил спокойно.

— Напрасно обижаешь бедного человека, та-жень! Вчера, когда мы были все в шахте, какой-то бродяга зашел к нам в фанзу и унес одеяло и мешок сухарей. Я и погнался по его следам с собачкой Ли Ю, вот спроси у него. Чтобы прятать или продавать золото, собака не нужна.

— Это правда, Ли Ю?

— Правда, лое. Так и сказал, когда просил дать ему собаку. Очень торопился догнать вора.

— Что же, догнал его?

— Догнал, та-жень! На Ангирты-речке он в кустах спрятался.

— Отчего ты не привел его ко мне?

— Как его приведешь, та-жень? Это разбойник, дунганин, с ружьем, а у меня с собой только ножик был.

— И здесь уже дунгане стали шататься! — озабоченно промолвил надзиратель.

— В Кульдже, говорят, большое восстание, город разграбили и сожгли, всех китайцев режут, — прибавил Мафу.

— У нас им нечего делать, народ бедный, — промолвил Ли Ю.

— А золото у лое? Этот вор, наверно, разведчик у них, ходит высматривает, — съехидствовал Мафу, чтобы лишить надзирателя покоя.

— Золото я отправляю в Чугучак каждую неделю, так и знайте и всем говорите, — заявил надзиратель и опять обратился к Мафу:

— Спрашивал он что-нибудь у тебя?

— Как же, спрашивал: богатые ли рудники, много ли золота надзиратель с рудокопов собирает...

— Что же ты сказал?

— Сказал, что совсем плохо стало, золота мало, жилы твердые. Что добудем — все у лавочника остается.

— Молодец, хорошо ответил! Пусть у лавочника ищут, если придут.

Надзиратель поднялся и велел подать своего ишака. Мафу, довольный исходом обыска, бросился к мирно дремавшему животному и подвел его к лое. При помощи солдат лое взгромоздился на седло, и незваные гости торжественно удалились, сопровождаемые частью любопытных, тогда как остальные зашли теперь во двор и обступили Мафу с расспросами.

ЗАМЫСЛЫ ХУНА

Мальчики прибрали разбросанное по фанзе имущество, опять развели огонь и поставили на него котел, уже успевший остыть. Им удалось собрать частицу своего табака. Но потеря трубки и золота казалась им непоправимой бедой. Хун после долгого раздумья сказал:

— Я видел, как Мафу сегодня унес корзину с рудой на пустырь.

— Верно выбросил негодную руду, — сказал Пао.

— Нет, не выбросил, а припрятал, и я знаю где. Он, видно, ожидал, что придет лое с солдатами искать у нас золото, и унес из шахты самую лучшую руду.

— Пожалуй, что так. Но теперь он возьмет ее назад в шахту и там истолчет.

— А мы раньше утащим кусочек. Самый махонький — он и не заметит.

— Ну, нахалы, скоро ли обед? — весело крикнул Мафу, вваливаясь в дверь фанзы. — А вы уж прибрали после гостей, я вижу.

— Обед еще не скоро, Мафу, — заявил Хун. — Солдаты сняли котел, потушили огонь, пришлось начинать варку сначала.

— Сходи-ка за мясом, Хун, — приказал Мафу, подсаживаясь к огню, чтобы закурить трубку. — Сварим побольше, сегодня у нас праздник по случаю почетных гостей. А после обеда можете идти гулять, куда хотите, в шахту больше не придется лезть за рудой. Завтра вернется Лю Пи, и мы переберемся на другой рудник.

Хун побежал за мясом, но, пользуясь тем, что Мафу остался в фанзе, он прежде всего сбежал на пустырь, быстро нашел ямку, засыпанную мусором, и извлек из-под него наугад кусок кварца, в котором оказалось видимое золото. Спрятав его во дворе, он спустился в шахту.

Когда Хун вернулся в фанзу, Мафу, наказав мальчишкам позвать его, как только будет готов обед, отправился в свою очередь на пустырь с корзиной, откопал руду и унес ее в шахту, где принялся за толчение. Он хотел к вечеру покончить с этим делом, а полученное золото скрыть от Лю Пи, возвращения которого ожидал с часу на час.

Хун и Пао, приготовляя обед, тихо, но оживленно разговаривали.

— После обеда, — сказал Хун, — мы пойдем искать хуан-янгов, охотиться на них.

— А ружье где возьмем?

— А вот оно висит.

— Мафу не даст нам его.

— А мы сами возьмем. Он уйдет в шахту, а мы — на охоту и вернемся раньше его. Он сегодня долго будет на шахте спрятанную руду толочь и промывать. Я уже нашел ее и кусок припрятал. — похвастался Хун, — с хорошим золотом.

Теперь у нас и табак будет. Пожалуй, и новенькую трубку купим!

Возбужденные событиями дня и перспективой охоты, мальчики торопились с обедом и позвали Мафу, прежде чем мясо вполне сварилось. Но рудокоп после ночной прогулки и утренних волнений был очень голоден и ничего не заметил. После обеда он лег спать, поручив мальчикам разбудить его пораньше. Это вполне соответствовало их намерениям, и они дали Мафу спать не больше получаса, а во время сна приготовили провизию и корзины для задуманной прогулки.

Едва только рудокоп исчез в шахте, как Хун снял со стены ружье, пороховницу и мешочек с пулями и надел на себя.

— Тяжелое, однако! — заявил он смотревшему на него с завистью Пао.

— Как же ты возьмешь еще корзину?

— Знаешь, нам довольно одной корзины; положим в нее все — сухари, воду, чайник. Мы будем меняться.

Нагрузившись, мальчики вышли на пустырь и направились к пустынным холмам, на юго-восток от поселка, где они, собирая топливо, не раз встречали антилоп.

Закончив толчение и промывку руды, которая дала около десяти цынов золота, Мафу вылез из шахты уже после заката, усталый, голодный, но довольный. Он поднялся по уступам, мечтая об ужине, который, по его мнению, должен был уже ждать сго, и, насвистывая песню пастухов, подошел к фанзе. Открыл дверь — и остановился, пораженный темнотой и тишиной.

— Ах, нахалы! — крикнул он. — Завалились спать, а огонь потух и ужин простыл.

Сбросив в угол кайлу, молот и клинья, которые он вынес наверх в твердом убеждении, что с этой шахтой все счета покончены, Мафу подошел к кану и протянул руки, чтобы схватить мальчишек за ноги. Но его пальцы нащупали только гладкую цыновку.

— Куда вы запропастились, негодяи?! — крикнул он еще громче, нагнувшись всем туловищем над каном и шаря поближе к изголовью. Потом он достал огниво и трут, высек огонь и зажег масляную лампочку, всегда стоявшую слева у стены на краю кана. Фанза была пуста. Мафу заглянул в топку — ни признаков огня или ужина; пусты и тренога и опрокинутый на земле котел.

— Эти негодяи еще не вернулись, и я должен голодный теперь разводить огонь и варить для них ужин. Еще бы, стану я возиться! Будь они прокляты, бездельники! Сварю чай, поем сухарей, да холодного мяса от обеда и лягу спать. Пусть они тоже останутся без ужина, когда вернутся. А завтра отдеру их за уши.

Мафу развел огонь и стал искать чайник. Но его нигде не было. Пришлось вскипятить воду в котле. Рудокоп сел на кан и принялся за еду, но все время смотрел на дверь, ожидая, что она откроется и в фанзу войдут бездельники. Уж и устроит он им прием! Одного за уши, другого за уши и лбами друг о друга! А потом — пошли на кан спать, ни ужина, ни чаю для вас нет!

Но один ломоть мяса за другим исчезали за крупными белыми зубами Мафу, кучка сухарей таяла, а мальчики не появлялись. Выпил несколько чашек чаю — их все еще нет. Выкурил трубку, другую, стало клонить ко сну.

Желание дожидаться и наказать мальчиков постепенно слабело под влиянием усталости и непреодолимой дремоты. Поборовшись некоторое время со сном, он в конце концов залез на кан и улегся спать.

Солнце поднялось уже высоко, когда Мафу откинул, наконец, одеяло, присел, зевнул, прогтер глаза — и увидел, что он в фанзе один. Одеяла мальчиков лежали свернутые на своем месте, в лампочке выгорело все масло, пустой котел стоял на полу.

«До сих пор не вернулись, нахалы!» — подумал рудокоп и почувствовал некоторую тревогу. Посмо-

трел недоумевающими глазами на пустой кан, и вдруг взгляд упал на стену над изголовьем, где всегда висело его ружье. Стена была пуста: ни ружья, ни пороховницы, ни мешочка с пулями!

Ой, не побывал ли здесь вор вчера, когда никого не было дома? Уж не сделал ли Цзинь Тай третий визит в шахту и украл в отместку самое ценное, да еще увел мальчиков и убил их?

Быстро одевшись, Мафу вышел из фанзы, подошел к шахте, посмотрел в ее черную бездну, словно она могла дать ответ на его недоуменные вопросы, потом поглядел через ограду в одну, другую и третью сторону в надежде увидеть возвращающихся мальчиков. Но пустынная долина, уже разогретая солнцем, расстилалась без каких-либо признаков жизни до подножия угрюмой стены Катуня на севере, до плоских холмов на востоке и юге. Воздух над ее поверхностью уже струился от зноя, и холмы по временам казались стоящими позади широкого светлого озера.

— Хоть бы Лю Пи скорее вернулся! — пробормотал рудокоп, возвращаясь в фанзу, чтобы приступить за приготовление еды. — Я не знаю, что делать, где искать мальчишек, пустыня так велика!..

Он развел огонь, поставил воду в котле, спустился в шахту за мясом и приготовил все, что надо, для сытного обеда.

Перед самым полуднем, когда Мафу уже собирался сесть в одиночестве за трапезу, в фанзу вошел Лю Пи.

— Вот хорошо, что ты вернулся! — воскликнул рудокоп, — обед у меня как раз готов.

— А где же мальчишки? — спросил Лю Пи, освободившись от своей ноши.

— Гуляют где-то. Сядем кушать, и я расскажу тебе, что случилось здесь во время твоего отсутствия. — Уплетая суп и мясо, Мафу подробно рассказал об истощении богатой жилы и охоте на архаров, о воровстве руды и о своей погоне за похитителем, об обыске и, наконец, об исчезновении мальчиков.

— Я думаю, что они взяли мое ружье и пошли на охоту. Но только куда: в Катуну за архарами или на холмы за хуан-янгами?

— Скорее всего, что так, — сказал Лю Пи, — и они, наверно, заблудились. Только не нашалили бы они с ружьем! А то еще могли столкнуться с волками.

— Без собаки не обойтись!

— Само собой. После обеда я немного отдохну, а ты сбегай к Ли Ю и попроси у него собаку. Искать пойдем вместе. Кто знает, может придется нести одного из них или обоих.

Хотя Лю Пи отмахал в этот день уже более сорока ли, но исчезновение детей очень встревожило его, и он позволил себе только самый короткий послеобеденный сон, пока Мафу ходил за собакой на мельницу. Как только он вернулся, оба рудокопа, захватив с собой сухарей, сушеного мяса, чайник Лю Пи, запас воды в фляге и вооружившись ножами и топором, отправились на поиски. Собака повела их к холмам на юго-восток от поселка.

ПАО И ХУН НА ОХОТЕ

Накануне по этому же пути по хорошо протоптанной тропе, пролежавшей в долине между брошенными отводами и развалинами фанз, расположенных вдоль давно отработанных жил, прошли Хун и Пао. В километре от поселка тропа пошла по невысоким холмам, усыпанным щебнем сланца и покрытым «лаком пустыни» — черным, как смола, и, как смола же, блестящим под лучами высоко стоявшего солнца.

Холмы тянулись далеко на юг от долины Чий Чу, все одинаково черные, усыпанные щебнем, похожие на плоские котлы, опрокинутые вверх дном и покрытые шероховатой копотью от длительного употребления. Изредка это однообразие

нарушалось небольшим утесом на вершине или на склоне какого-либо холма, но таким же черным, как и все остальные, или более широкой долиной с сухим руслом, вырытым дождевым потоком и поросшим несколько более крупными кустами с серо-зеленой листвой.

Кое-где внимательный наблюдатель открыл бы маленькие пучки засохшей травы, росшие в ложбинах и рытвинах холмов и привлекавшие в эту мрачную пустыню хуан-янгов. Среди однообразных холмов, редко посещаемых людьми, четвероногие мирно паслись, пощипывая траву, обгрызая полынь и эфедру, чутко прислушиваясь к шорохам. Люди тревожили их очень редко; гораздо больше страдали они от волков, которые ухитрялись иногда отбить от стада животное, окружить его в котловине и зарезать, отчего на черном фоне щебня местами белели то кости, то череп с волнистыми рогами.

Кроме антилоп, в более широких долинах можно было встретить мелкого бурого зайца, довольствовавшегося той же скудной пищей. Иногда по кустам порхали маленькие птички, а между щебнем мелькала проворная ящерица. Но часто можно было пройти час-другой, не встретив ни одного живого существа. Чтобы выбраться из этих однообразных безжизненных холмов, следовало идти прямо на юг, где на расстоянии хорошего дневного перехода в скалистой, глубоко врезанной долине протекала маловодная речка Дарбуты, окаймленная зелеными рощами и зарослями камыша, в которых ютились зайцы, водились кабаны и фазаны, гнездились долгоносые утки. Но если, забравшись на холмы, повернуть на восток, пришлось бы идти несколько дней, не встретив ни воды, ни признаков жизни, пока, вместе с самим Джаиром, не кончилась бы эта пустыня.

Хун и Пао бывали на этих холмах, собирая на топливо скудные кусты и аргал. Но они никогда не уходили далеко вглубь и, поднявшись на вершину любого холма, могли различить на севере

широкую долину Чий Чу, а за ней стену Катуну, указывавшую им обратный путь.

Но в этот раз они пошли на охоту, и нужно было непременно найти антилоп. Тропа, которая привела их к холмам, скоро стала ветвиться, и каждая ветвь постепенно становилась все менее ясной, теряясь, наконец, в какой-нибудь котловине. Мальчики шли между холмами, переходя из одной котловины в другую по низким седловинам или по коротким долинкам. Они не обращали внимания на то, куда ведет та или другая долина, и постепенно уклонялись все больше и больше на восток.

Так прошло часа два. Они видели мельком зайца, выкатившегося шаром из-под куста и сейчас же скрывшегося за склоном; видели кости антилоп и два черепа их, на которые Хун с торжеством указал Пао. Наконец, при выходе в более обширную котловину они обнаружили совсем близко, не более чем в пятидесяти шагах, целый десяток антилоп; одни паслись, другие лежали на щебне, подогнув под себя ноги, как козы, и поворачивая головы то в одну, то в другую сторону.

Мальчики замерли и некоторое время любовались красивыми животными, не заметившими приближения охотников. Опомнившись, Хун стал снимать ружье, висевшее у него за спиной; оставалось поставить его на сошки, взвести курок, подсыпать свежего пороха на полку — и дело в шляпе. Для этой операции он присел за более крупным кустом, а Пао остался на месте, глядя на животных поверх куста. Но щелканье курка встревожило чутких антилоп. Они быстро подняли головы, заметили врагов и большими прыжками понеслись прочь, поднимаясь на холмы.

Хун испустил проклятие, а Пао со вздохом сказал:

— Ну, ничего не вышло из охоты!

— Выйдет еще! — уверенно ответил Хун. — Они убегут недалеко, и мы подойдем к ним из-за холма с ружьем наготове.

Он вскинул ружье на плечо и побежал вперед, Пао за ним. Дойдя до места, где паслись антилопы, мальчики скоро нашли их следы — маленькие впадины в почве котловины — и пустились в погоню. Следы поднялись на холм, спустились в следующую котловину, опять поднялись на холм.

— Теперь осторожнее, — сказал Хун. — Они, верно, сейчас за этим холмом. Я пойду вперед, а ты немного отстань.

Подражая приемам Мафу, мальчик согнулся и почти пополз вверх по склону; не доходя вершины, он даже лег и пополз на животе. На вершине он замер, обозревая открывшуюся перед ним котловину. Но антилоп нигде не было видно.

Поманив рукою Пао, ожидавшего ниже на склоне, Хун встал, спустился в котловину, не теряя следов, и на следующем холме повторил тот же прием... и с таким же результатом. То же было и на двух других холмах. Только с пятого он увидел, наконец, антилоп, которые остановились в небольшой котловине и опять паслись.

Хун отполз немного назад, приготовил ружье и, готовый к выстрелу, стал ползком подниматься наверх. Достигнув гребня, он прицелился в ближайшую антилопу и нажал пальцем на собачку. Грянул выстрел, и молодой охотник с жалобным криком упал навзничь, а ружье, взмахнув сошками в воздухе, перелетело через его голову и покатилося по щебню.

Пао, оставшийся в двадцати шагах позади, испустил вопль, полагая, что его товарищ убит.

— Ой, Хун, ой, ой, Хун!

Но Хун вдруг вскочил, бросился на гребень и исчез. Пао побежал за ним и с гребня увидел, что тот ходит по котловине, разглядывая землю.

— Я подумал, что ружье застрелило тебя, — сказал Пао, подбегая к товарищу.

— Ружье стреляет вперед, а не назад, — ответил Хун. — Оно только ударило меня в плечо, и я упал.

Мальчик не имел понятия об отдаче при выстреле и не прижал приклада к плечу, почему и получил очень чувствительный удар.

— Ты не подстрелил хуан-янга?

— Не знаю, может и попал. Только незаметно, куда бежало раненое животное.

Они долго ходили взад и вперед, ища следов крови, но не нашли ничего.

— А где ружье? — спохватился Пао.

— Ой, я его оставил там на вершине, — пробормотал сконфуженно Хун.

Вокруг котловины поднималось несколько холмов, похожих друг на друга, как близнецы, и мальчики не могли теперь вспомнить, с какой стороны они спустились вниз. Пришлось забираться по очереди на каждый холм, пока на склоне одного из них не наткнулись на ружье, лежавшее сошками вверх среди щебня.

Хун поднял его, осмотрел и сказал:

— Как будто не сломалось. Нужно опять зарядить, чтобы быть наготове.

Пао присел на щебень, поглядел кругом и сказал:

— До заката остается один только час, Хун. Идем домой, а то мы не успеем приготовить ужин для Мафу.

Пока Хун заряжал ружье, Пао достал из корзины флягу с водой, напился, потом стал жевать сухари, поглядывая с недоумением на солнце, которое стало совершенно красным.

— Слушай, ночью, кажется, будет хый-фын.

— Да, похоже на то, — сказал Хун, в свою очередь посмотрев на солнце.

— А в какую сторону нам теперь нужно идти?

— Конечно, туда, где видны горы Кату. Наша долина у подножия их.

— А где же Кату, я что-то не вижу.

— Ах, ты... — сердито начал Хун, но внезапно оборвал и с недоумением обвел взглядом горизонт. Зубчатая стена Кату, которую видно было с любого высокого холма этой местности, исчезла.

— Это пыль скрыла горы, как всегда бывает перед хый-фыном, — задумчиво проговорил он.

— Что же мы теперь будем делать? — со слезами в голосе воскликнул Пао. — Как мы попадем домой, если Кату не покажет дорогу?

— Ну, уже разнюнился, плакса! — прикрикнул на него Хун, хотя в его душу тоже закралась тревога. — Мы пойдем в сторону заката; солнце летом садится левее Кату.

Он не был в этом вполне уверен; во время преследования хуан-янгов солнце светило то в спину, то в бок, то в лицо. Кату был более надежным маяком; по положению хорошо знакомых им вершин и ущелий его они уже не раз ориентировались при возвращении домой из экскурсий за топливом.

Утолив слегка голод и жажду, мальчики скорым шагом, несмотря на усталость, направились на запад, прямо в сторону солнца, которое становилось все краснее по мере того, как спускалось за пыльную завесу. Но скоро оно уже чуть светило и, наконец, исчезло, не достигнув гребня высокого Джаира.

Держаться направления той точки неба, где скрылось солнце, оказалось очень трудно. Холмы так походили один на другой, ложбины и долины между ними так часто изгибались, ветвились, опять соединялись, что итти прямо было совершенно невозможно. Мальчики шли между холмами, отклоняясь постепенно то в одну, то в другую сторону. Кроме того, они сразу взяли неверное направление, так как из дома шли на юго-восток, а при преследовании хуан-янгов уклонились на юг, теперь же по солнцу выбрали путь на запад и потому двигались параллельно окраине холмов и долине Чий Чу. Хотя они приближались к дому, но должны были пройти мимо него на значительном расстоянии.

Так прошло больше часа. Стало смеркаться. Хун все чаще поглядывал на небо, начинавшее уже принимать фиолетовый оттенок. Пао угрюмо молчал, с трудом передвигая ноги. Наконец, он не выдержал.

— Я не могу больше итти, Хун, я ужасно устал.

— Ну, присядь, а я сбегаю на вершину и посмотрю, не видно ли нашу долину.

Пао опустился на щебенку возле ружья, снятого Хуном, и сразу заснул. Хун стал взбираться на соседний холм в надежде, что с его вершины увидит впереди долину Чий Чу и ряды серых фанз рудничного поселка. Он тоже сильно устал и с трудом доплелся до вершины. Но ни долины, ни поселка не было видно. До серого, пыльного горизонта продолжались те же холмы, точно внезапно застывшие волны унылого черного моря. Хун посмотрел вправо и влево, оглянулся назад — везде одно и то же. Кое-где удручающее однообразие мрачных горбов нарушалось несколько более высокой, но такой же черной и круглой вершиной.

«Мы заблудились» — со страхом подумал Хун. Но мальчик не потерял присутствия духа.

«Переночуем здесь, — решил он, спускаясь с вершины. — Вода и сухари у нас есть, сварим чай. Волков отгонит огонь, да и ружье у нас есть. А завтра видно будет Кату, и мы узнаем, куда итти».

Только мысль, что Мафу останется без ужина и обнаружит исчезновение ружья, несколько тревожила его.

Внизу он застал Пао крепко спящим, и никакие толчки и оклики не смогли его разбудить. Между тем, нужно было использовать немногие минуты, оставшиеся до наступления темноты, чтоб набрать побольше топлива на ночь. И Хун, не теряя времени, принялся за дело. Котловина, в которой они остановились, оказалась довольно богатой кустами, и мальчик, не жалея рук, ломал и вырывал с корнем все, что могло служить пищей для огня, ставивая охапки хвороста к тому месту, где безмятежно спал Пао. При этом он отдал предпочтение окраинам котловины, считая, что кусты, ближайšie к месту ночлега, можно будет ломать и позже, при свете костра.

К тому времени, когда совершенно стемнело, возле Пао вздымалась уже целая копна топлива.

Хун достал огниво, высек огонь и развел небольшой костер, затем выбрал из кучи хвороста прут покрепче, воткнул его одним концом в землю, на другой повесил чайник, а середину подпер развилым сучком. Достав сухари и кусок вяленого мяса из корзины, он уселся возле огня в ожидании, когда закипит вода в чайнике.

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

Ночь уже наступила, и на небе сквозь пыль тускло мерцали звезды. Костер бросал колеблющийся свет на ближайšie полусохшие кусты и на склон холма, у подножия которого расположились мальчики. Края котловины тонули в полумраке, сквозь который еле виднелись склоны других холмов, такие же черные, как и небо над их вершинами.

Хун, подкладывая хворостину за хворостиной в костер, беспокойно оглядывался, опасаясь появления волков.

Но вот крышка чайника застучала, а из носика выбросило струйку воды на горячие угли, которые сердито зашипели и погасли. Хун подцепил палочкой дужку чайника, снял его с огня, заварил щепотку чая и стал расталкивать Пао, лежавшего рядом с ним.

— Пао, Пао, вставай, будем ужинать! Пао, слышишь, вставай же!

Пао присел, потянулся, протер глаза. Обведя взглядом окрестности, он увидел кругом желтые кусты, освещенные костром, над собой — бездну черного неба, и сказал со слезами в голосе:

— Зачем ты разбудил меня, Хун? Лучше бы я спал до утра. . .

— Я тоже хочу спать, мы должны чередоваться, — возразил Хун обиженным тоном.

— Ну, хорошо, — согласился Пао. — Попьем чаю, а потом ты уснешь, а я буду караулить.

— Только смотри, не усни. А то костер потухнет, и нас съедят волки.

Мальчики пожевали вяленого мяса, нарезанного маленькими кусочками, потом выпили по очереди по чашке чаю с сухарями. Пао хотел было еще, но Хун не дал: нужно оставить воду на утро.

— Теперь я лягу спать, — сказал Хун, — а ты сиди и подкладывай в огонь по одной хворостине, чтобы все время горело, потом разбудишь меня.

— Как же я буду знать, когда тебя будить?

— А вот что я придумал. Ты считай, не торопясь, до сотни. Вот так: один, два, три... Насчитаешь сто — и положи один камешек. Потом считай опять до ста — и положи второй. Когда у тебя наберется пятьдесят камешков, тогда разбуди меня.

Хун растянулся на щебне вблизи огня и закрыл глаза. Пао уселся рядом так, чтобы видеть лицо товарища, и начал считать, поглядывая то на костер, то на Хуна. Через некоторое время он сказал:

— Хун, ой, Хун!

— Чего тебе? — сонно спросил тот.

— Я уже сосчитал до ста.

— Положи камешек и начинай сначала. Но если ты каждый раз будешь мне заявлять об этом, я не усну.

— Мне страшно, когда ты молчишь и лежишь с закрытыми глазами.

— Считай и не думай. Все равно, я не буду тебе отвечать.

Огорченный Пао замолчал и снова принялся считать, время от времени вытаскивая хворостину из кучи, лежавшей рядом, и подкладывая ее в огонь, который то вспыхивал, трещал и дымил, то медленно затухал. Наблюдая за костром, Пао иногда сбивался в счете или останавливался; потом, чтобы наверстать время, начинал считать быстрее.

Возле мальчика набралось уже тридцать два камешка. Он клал их кучками, по десяти штук, чтобы знать, когда начнется пятая и последняя. Кругом все было тихо, пустыня молчала, и только

потрескивание костра и легкое дыхание Хуна нарушали торжественную и жуткую тишину ночи. Легкий дым, иногда со снопом искр, поднимался прямо наверх в спокойном воздухе, исчезая в черной глубине неба.

Вдруг издалека донесся глухой гул, и Пао замер, прислушиваясь и забыв о счете. То усиливаясь, то ослабевая, этот гул постепенно приближался, долетая порывами, которые временами напоминали рев и топот огромного стада, временами свист и жалобные стоны. Воздух заколебался, и огонь стал метаться в разные стороны.

Пао не знал, что это сильный порыв ветра пронесся по ущелью гор Катун, и смотрел расширенными глазами в ту сторону, откуда доносились странные звуки. Что это? Стая волков несется или мчатся преследуемые ими антилопы? Или это демоны воздуха затеяли свою игру в темноте ночи? Он уже протянул руку, чтобы разбудить Хуна. Но внезапно все затихло, и Пао успокоился. «Пронеслись мимо», — подумал он. Вспомнив о счете, он решил, что наверно успел бы за это время сосчитать раза два-три до ста, и прибавил в четвертую кучку два камешка, потом подумал и прибавил еще одну.

Странный шум больше не возобновлялся, и Пао спокойно считал, радуясь, что уже четвертая кучка кончилась и скоро он сможет разбудить Хуна. Его сильно клонило ко сну, веки смыкались, голова падала на грудь, и он сбивался со счета. С усилием стряхивал он с себя дремоту, хватался за хворостину, чтобы сунуть ее в огонь, и старался вспомнить, на какой цифре он остановился. Когда это ему не удавалось, он просто клал камешек в кучку, полагая, что успел бы сосчитать очередную сотню, если бы не задремал, и усердно начинал новую; но с половины ее счет замедлялся, и дремота снова одолевала мальчика.

Когда пятая кучка уже близилась к концу, тишину ночи внезапно нарушил близкий хриплый вой. Пао вздрогнул, и сон сразу соскочил с него. Жите-

лям поселка этот вой был хорошо знаком; они слышали его не раз, особенно в зимние ночи и длинные вечера, когда волки подходили совсем близко и бродили вокруг отводов в поисках пищи.

Дрожащими руками мальчик сунул в костер несколько хворостин, и огонь вспыхнул ярче, осветив черные холмы окраин котловины. Вой повторился в другом месте, но как будто еще ближе. Пао не выдержал и начал толкать изо всех сил спящего Хуна.

— Хун, проснись, вставай скорее, волки пришли! Хун! Хун!

Но разоспавшегося мальчика разбудить было не так-то легко, и Пао кричал ему в ухо все более отчаянным голосом. Одной рукой он толкал и тряс Хуна, а другой подкладывал хворостины в костер, который разгорался все ярче и ярче, выбрасывая снопы искр. Вой слышался снова уже в другом месте. Хун, наконец, проснулся и присел, протирая глаза и щурясь от яркого света.

— Зачем ты развел такой огонь? — было его первым вопросом.

— Да ведь волки ходят кругом, волки! Я кричал тебе сколько раз, пока будил.

— А, волки! Ну, и пусть себе ходят, сюда не придут. А разве было уже время будить меня?

Пао немного смутился.

— Нет, еще не совсем. В пятой кучке недостает только трех камней. . . но я испугался волков. . .

В эту минуту вой раздался опять, и совсем уже близко. Можно было подумать, что волк спустился в самую котловину. Несмотря на свою напускную храбрость, Хун вздрогнул, поглядел в ту сторону, откуда слышался вой, и потянулся за ружьем, лежащим на щепке. Он поставил ружье на сошки, осмотрел замок и насыпал немного пороху на полку.

— Теперь твоя очередь спать, — сказал Хун, — ложись.

— У меня сон прошел с тех пор, как волки завывали, — сказал Пао.

Но едва он лег, растянувшись на щебне, как сразу уснул. Хун усмехнулся, поправил огонь, сгреб в сторону все кучки, приготовленные Пао, и начал в свою очередь считать, потому что дремота одолевала и его. Чтобы разогнать ее, он встал и начал ходить вокруг костра, считая шаги. После каждой сотни он останавливался спиной к костру и осматривал холмы, стараясь разглядеть, не сидит ли серый на одном из них. Вой не возобновлялся, и Хун, постояв немного, снова начинал кружиться.

После двадцатого камня он почувствовал усталость и присел на корточки. Поправляя огонь, он заметил, что куча хвороста заметно уменьшилась.

«Когда положу тридцать камней, — подумал он, — пойду ломать ближайшие кусты. А то Пао не догадается сделать это, у него нехватит топлива, и он опять разбудит меня раньше времени».

Скоро его опять стало клонить ко сну. Он лег на бок, опершись на локоть, и начал считать вслух. Но язык его заплетался, и Хун задремал. Хворост догорел, костер превратился в кучу тлеющих углей, которые стали подергиваться пеплом, освещая слабым красноватым светом двух спящих мальчиков и ружье, направленное на невидимого врага. А враг не дремал. Когда окраины котловины погрузились в темноту, из-за одного из холмов показалась голова с настороженными ушами, потом выдвинулось туловище, и зверь стал медленно спускаться в котловину, часто останавливаясь и всматриваясь в смущавшее его красное пятно, возле которого он видел добычу. Достигнув дна, он прилег за кустами, выжидая, когда исчезнет красное пятно, свет которого постепенно ослабевал.

Голова Хуна, опиравшаяся на ладонь подогнутой руки, вдруг соскользнула и больно ударилась о щебень. Мальчик проснулся, увидел погасавший костер, вскочил на ноги, подложил хворосту и стал усиленно раздувать огонь. Сухой хворост немного подымил на углях и вспыхнул. Весело затрещали веточки, по которым пламя стало перекидываться выше и выше.

Хун перестал дуть и сидел на корточках, глядя сонными глазами в огонь.

«Сколько же я успел насчитать, прежде чем заснул? — подумал он. — Две кучки и еще шесть. Четыре я, наверно, пропустил. Ну, ничего, буду продолжать. Нет, лучше сначала наберу хворосту, а то опять засну».

Он поднялся с земли, потянулся, подбросил еще несколько хворостин и направился к ближайшим кустам, которые и стал обламывать. Он стоял спиной к огню и вдруг заметил, что недалеко, шагах в двадцати, в кустах двинулось что-то большое, серое. Мальчик замер и впился глазами в подозрительное место. Потом тихо стал пятиться назад, не спуская глаз с куста, где заметил движение.

Добравшись до костра, Хун осторожно повернул ружье, опустился на колени, прицелился в подозрительный куст и спустил курок. В этот раз он сильно прижал приклад к плечу, и ружье хоть и ударило его, но не больно.

В ночной тишине выстрел прогремел очень громко, и тотчас же из кустов выскочил волк и пустился наутек наискось по склону холма. Хун, оглушенный выстрелом, заметил зверя уже на половине склона, где волк остановился, покачнулся, упал, снова вскочил, сделал еще два таких же странных прыжка и покатился вниз, смешно взмахивая лапами.

КУДА ИТТИ?

Пао, разбуженный выстрелом, поднялся сонный и недоумевающий.

— Что, что такое? — пробормотал он, обводя глазами костер и Хуна, стоявшего еще на коленях у ружья.

— Я... я... подстрелил волка! — прерывающимся от волнения голосом ответил юный охотник.

Хун рассказал, как дело было, умолчав только о том, что заснул.

— Теперь твоя очередь спать, — сказал Пао, — я больше не буду бояться, раз волк убит.

— Пойдем, посмотрим его.

Мальчики подбросили хворосту в костер и, когда он разгорелся, взяли пылающие ветки и осторожно направились к кустам, за которые скатился волк. Обогнув кусты, они увидели за ними на склоне неподвижную серую массу. Хун бросил тлеющую ветку к самой морде зверя. Волк не шевельнулся.

— Видишь, мертвый, — торжествовал Хун. — Живой отскочил бы от огня.

Он наступил босой ногой на вытянутые передние лапы зверя, потом нагнулся и ткнул тлеющей веткой ему в нос. Пао стоял возле и светил горячей хворостиной. Косматый волк лежал на левом боку, вытянув ноги вверх по склону и откинув голову назад. На правом боку его виднелось большое кровавое пятно. Пасть была открыта, обнажая острые белые зубы и красный язык. Зеленые глаза смотрели слепо, безжизненно.

Мальчики притащили волка к костру, где еще долго рассматривали его. Но постепенно сон опять подобрался к Хуну, и он заклевал носом.

— Ложись спать! Теперь у нас есть мягкая подушка. Положи голову на волка, — предложил Пао.

— Сперва нужно набрать хворосту, — вспомнил Хун. — Давай собирать вместе, теперь бояться нечего!

Они живо обломали кусты, ближайšie к месту ночлега.

— Так-то лучше. Теперь никто не подкрадется незаметно. Кругом на сорок шагов все чисто — сказал Хун, укладываясь головой на пушистый хвост волка.

Пао, сидя у волчьей морды, начал свой счет, а камешки ради забавы складывал кучками вокруг головы и туловища зверя. Время его дежурства прошло без каких-либо происшествий; раза два он задремал ненадолго и терял счет, но, проснувшись, добросовестно начинал сначала прерванную сотню. Один раз его немного встревожил отдаленный вой,

и он долго прислушивался; но вой не повторился. Уложив пять кучек камней, Пао разбудил Хуна и в свою очередь улегся на волчий хвост, еще теплый от головы товарища. Хун во время своего дежурства решил снять шкуру с зверя, потому что тащить всю тушу домой им было бы не под силу.

Когда Пао заснул, Хун достал нож, наточил его на бруске сланца, потом осторожно оттащил волка в сторону, высвободив его хвост из-под головы Пао, продолжавшего спать. Работа оказалась не такой легкой, как он думал, ему пришлось долго провозиться, тем более что нужно было еще следить за костром и подбрасывать в него хворост.

Покончив с этим делом, он разбудил Пао и с торжеством показал ему снятую шкуру.

— Ну, теперь я лягу спать, — сказал он. — А ты, когда заметишь, что на востоке светлеет, поставь чайник погреть, поджарь на пруте волчьего мяса, попробуем, какое оно на вкус. И когда все будет готово, разбуди меня.

Хун улегся теперь на мягкую шкуру, а Пао сел возле костра. Скоро он заметил, что на востоке небо посерело и стало отделяться от черных холмов.

«Утро близко» — с радостью подумал мальчик.

Не жалея хвороста, он развел огонь побольше и, вооружившись ножом Хуна, нарезал от задней ноги волка маленькие кусочки мяса, которые на низал один за другим на несколько прутьев, предварительно очистив их от листьев, шипов и веточек, потом воткнул прут заостренным концом в землю, наклонно к огню костра, чтобы мясо поджаривалось. Отгреб также кучку углей в сторону и поставил на нее чайник, который долил остатком воды из фляги. Прутья с мясом требовали постоянного надзора: их нужно было поворачивать, чтобы кусочки обжаривались со всех сторон. Занятый этим, Пао и не заметил, как небо посветлело, а восток над холмами заалел.

Мясо поджарилось, вода закипела, и Пао разбудил Хуна. Они съели шашлык из волка, оказавшийся жестким с неприятным запахом. Зато горя-

чий чай с сухарями показался им особенно вкусным, и они с трудом поддались голосу благоразумия и оставили немного воды на дорогу.

Когда кончили завтрак, стало уже совсем светло. Пока Пао укладывал корзину, Хун взобрался на вершину холма, чтобы посмотреть, где Катю. Солнцу уже надо бы взойти, но на востоке виднелось только красноватое пятно. Катю не было видно, и во все стороны, насколько хватал глаз, расстились те же черные, однообразные, круглые вершины холмов.

Хун вернулся с вершины удрученный и сказал уныло:

— Катю все еще не видно. Нужно обсудить, в какую сторону нам итти.

— А солнце есть?

— Чуть заметно.

— Тогда я знаю, куда итти, — заявил Пао. — Мы пойдем так, чтобы оно оставалось у нас справа.

Хун заспорил, утверждая, что нужно итти спиной к солнцу. Но Пао стал объяснять ему, где оно восходит и заходит в разное время года, и ему удалось убедить товарища в том, что они заблудились, не приняв этого накануне во внимание.

— Вот увидишь! Когда мы пройдем несколько ли в ту сторону, как я говорю, мы уже увидим нашу долину.

Хун согласился, и они двинулись в путь. Пао нес корзину, Хун — ружье и волчью шкуру, которую он, как первый охотничий трофей, ни за что не доверил бы никому. Они шли теперь на север; солнце, поднявшееся уже над густым слоем пыли, имело вид красного круга без лучей. При этом освещении черные холмы пустыни казались особенно мрачными, зловещими. Мальчики пробирались то по извилистым долинам и котловинам, совершенно похожим на ту, в которой они провели тревожную ночь, то по седловинам между холмами, приводившим их в подобные же долины.

Прошел час с лишним; становилось уже жарко и душно в пыльном, застоявшемся воздухе, а холмы

попрежнему сменяли друг друга, и не было заметно, чтобы они становились ниже и были разбросаны реже, что указывало бы на близость долины Чий Чу. Пао приуныл, а Хун посмеивался. Жажда начала мучить мальчиков, но они не решались еще выпить остатки чая, хранившегося в фляге.

— Не пора ли повернуть на запад? — спросил, наконец, Хун.

— Влезем на этот холм, — предложил Пао, — посмотрим, не видна ли уже долина.

Мальчики поднялись на холм, показавшийся им несколько выше остальных. С него открылся прежний вид на бесконечное море округленных черных вершин, простиравшихся во все стороны до пыльного горизонта.

Пао устремил взоры на север и изучал даль в промежутках между холмами.

— Долина там и не очень далеко, — сказал он наконец.

— Я не вижу никаких признаков долины.

— А я вижу. Вот посмотри в другие стороны: там эти черные горбы стоят один за другим, точно спины огромного стада баранов. А здесь между двумя далекими вершинами не видно уже новых, таких же высоких. Там должны быть долина или более низкие холмы перед долиной.

— А это что? — вдруг воскликнул Пао, с недоумением указывая немного правее того промежутка, где вдали не было видно холмов. Сквозь пыльную завесу, как сквозь густой туман, чуть обрисовывалась какая-то темная масса.

— Это тучи!

— Нет, это Катунь! Мы вчера прошли слишком далеко на запад, поэтому наш поселок остался позади, и нам нужно повернуть еще правее.

Хун засмеялся, но уверенность Пао смутила его.

— Если так, пройдем еще немного на север, тогда долина станет виднее, — решил он после некоторого молчания.

Двинулись опять в путь, снова по котловинам и долинам, которые теперь как будто становились

шире. Скоро и холмы начали понижаться, раздвигаться, и через полчаса Хун должен был признать, что долина Чий Чу близко. Немного погодя мальчики увидели ее с невысокого холма, но она показалась им совершенно незнакомой. Начался спор, куда идти: Хун говорил — налево, а Пао — направо, основываясь на положении Кату, рисовавшегося уже немного яснее сквозь пыльную завесу.

И еще раз Пао удалось убедить своего упрямого товарища. Когда, выйдя в долину, он увидел вдаль белеющие здания поселка, и не влево, а вправо, Хуну пришлось признать свою ошибку. Итти предстояло долго, потому что они вышли в долину Чий Чу много западнее не только своего поселка, но и соседнего, носившего то же название и подчиненного тому же надзирателю.

Около полудня они достигли первых фанз и прошли через поселок во время обеденного отдыха рудокопов. Мальчуганы с ружьем и свежей волчьей шкурой обращали на себя внимание, и их постоянно задерживали расспросами, а в первом поселке знакомый рудокоп позвал их к себе и накормил обедом.

Когда они шли мимо мельницы, их увидел Ли Ю и сообщил, что только что Мафу прибежал за собакой, чтобы идти искать их. Мальчики поспешили домой, но не застали уже старших. С высоты ограды они увидели их идущими к холмам. Сбросив наскоро свою ношу, Хун и Пао побежали вдогонку и настигли их у начала холмов.

Обрадованные возвращением мальчиков, Лю Пи и Мафу ограничились выговором за отлучку и унос ружья. Хун с гордостью сообщил, что убил волка.

Вернувшись домой, мальчики подробно рассказали о своих приключениях, а Лю Пи сообщил, что он получил хороший отвод на руднике Ван-Чжу-Ван-цзе, что надзиратель там не такой алчный, как здесь, местность гораздо веселее, а зимой теплее: глубокая долина, защищенная от ветров, — не то что Чий Чу, где зимние метели свирепствуют на просторе.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

На следующий день Лю Пи пошел к надзирателю.

— Лое, — заявил он, — я отказываюсь от отвода и ухожу из Чий Чу.

— А ты кончил его? Должен кончить сперва! — накинулся на него надзиратель, для которого, конечно, было выгодно, чтобы разрабатывалось больше отводов.

— Такого закона нет, лое. Я — старый рудокоп и закон знаю. Не нравится жила — имею право бросить.

— Как знаешь! Но руду, которую ты уже добыл, надо же смолоть и промыть. Я назначу тебе, так и быть, день не в очередь, ну, скажем, через неделю.

— Я не могу ждать, лое. Пусть пропадает эта руда. Кто возьмет мой отвод, тот может получить и ее.

Глаза надзирателя блеснули жадностью.

— Хорошо, я тебя отпущу сейчас, если ты доставишь эту руду на мельницу. Я возьму ее в казну за убытки, которые ты причиняешь отказом от отвода.

— Я согласен, лое. Сегодня к обеду сдам тебе все, что добыто, — поспешил ответить Лю Пи, чтобы надзиратель не потребовал еще чего-нибудь.

Вернувшись домой, он вместе с Мафу стал пересматривать руду, сложенную у шахты, чтобы отобрать и не сдать ни одного куска с видимым золотом. В это время мальчики носили на мельницу все, что старшие отбрасывали. К полудню дело было кончено, руда сдана, Лю Пи отдал надзирателю документы, содержащие описание отвода и разрешение на его обработку, и получил документ, удостоверяющий, что казна не имеет к нему претензий. А после обеда рудокопы истолкли и промыли десятка два кусков руды с золотом, отобранных из кучи.

На следующее утро, взволнованные ожиданием предстоящего путешествия, мальчики проснулись чуть свет, быстро сварили жидкую кашу с волчьим мясом, кусок которого они принесли с охоты, и разбудили старших. Когда кончили завтрак, в фанзу вошел старый китаец с красными слезящимися глазами и седой бородкой.

— Кушали — не кушали, приятели? — сказал он и прибавил, заметив, что они еще едят, — хорошо покушали, вижу. А скоро ли поедем?

— Садись, приятель Юнг, покушай и ты на дорожку. Немного каши осталось, хорошая, с мясом, — пригласил Лю Пи.

— Разбогател ты, Лю Пи, часто мясо кушаешь, — ответил Юнг, опускаясь на корточки возле кана и принимая полную чашку. — Небось, барашка купил у калмыков?

Мафу и мальчики рассмеялись.

— Этот барашек сам не мало барашков съел на своем веку, — сказал Мафу.

— Уж не дохлой ли собакой вы угощаете меня? — спросил Юнг.

— Хуже, приятель! Волка кушаешь. Вот и сам охотник сидит, — засмеялся Мафу, указывая на Хуна, покрасневшего от гордости при этих словах.

— Что же, волк, так волк, по крайней мере не дохлятина. Мне, когда я работал в Дагуне, приходилось есть волков, а один раз они меня самого чуть не съели, едва отбился.

— Соберите посуду, вымойте чашки! — приказал Лю Пи, заметив, что Юнг кончил еду. — Пойдем грузиться.

Лю Пи и Мафу стали вытаскивать на двор инструменты, мешки, постельные узлы. Мальчики проворно сполоснули чашки, вытерли котел, вылили остатки чая в флягу и понесли посуду на двор. Тут они увидели, что возле фанзы стоят два ишака. К седлу одного из них Мафу и Лю Пи прилаживали рудоносные корзины по паре с каждой стороны и сложили в них кирки, лопаты, ступку,

промывальный таз, разную мелочь, а сверху увязали треногу, котел и мешки. На другого ишака Юнг навьючил постельные узлы и мешочки с мукой и крупой, всю мягкую рухлядь, а сверху положили свернутые цыновки с кана и обеденный столик. Посуду и флягу с водой Мафу и Лю Пи взяли в свои котомки. Мафу нагрузился еще ружьем, а мальчики шли порожняком.

Позвякивая бубенчиками и подгоняемые криками Юнга, ишаки вышли со двора. Хун и Пао бросили последний взгляд в темную шахту, по ступеням которой они поднимались и опускались много сотен раз, достали из убежища в стене новую трубку и кiset с табаком и побежали догонять ишаков.

Когда маленький караван приблизился к мельнице, его остановили два солдата и вызвали надзирателя, который только что поднялся с теплого кана.

— Ну-ка, богачи, разверните ваши вещи! — сказал он. — Я должен посмотреть не увозите ли вы утаенное золото или богатую руду.

— Не задерживай нас, пожалуйста, лое, — попросил Лю Пи с глубоким поклоном. — Путь наш далек, а золота и руды мы не везем.

— Не теряй времени на разговоры, а снимай свои узлы! — рассердился надзиратель. — Когда я увижу, что золота нет, я отпущу тебя на все четыре стороны. Солдаты, стаскивайте все на землю!

Солдаты, державшие ишаков за морды, бросились развязывать вьюки. Обыск вносил развлечение в их однообразную жизнь, и они рады были стараться. Мигом узлы с постелями и одеждой очутились на пыльной дороге, были развернуты и перещупаны. Надзиратель смотрел и приговаривал:

— Ищите хорошенько, ищите везде. У них, наверно, припрятано золото!

Хотя время было рабочее, но сцена обыска привлекла несколько рудокопов и рудоносков, столпив-

шихся поблизости. Надзиратель стоял впереди ишаков, загораживая им дорогу, когда один из них, почуяв близость ослицы на дворе мельницы, внезапно поднял хвост, вытянул морду и заржал перед самым лицом надзирателя, обрызгав его слюной. Восторженное приветствие животного было грубо прервано и перешло в жалобные ноты, потому что Юнг схватил его за хвост, а надзиратель ударил кулаком по морде и, бормоча проклятия, начал вытирать рукавом свое лицо.

— Звонко кричит твой ишак, приятель, — воскликнул Мафу с насмешкой в голосе. — Ты поддержи лучше обоих за хвосты, чтобы они не мешали лое осматривать наши вещи.

Зрители, солдаты и мальчики улыбались; надзиратель покраснел от злости и прошипел:

— Сними-ка свою котомку, болтун, и вытряхни. Солдаты, обыщите и одежду на них, загляните в кيسеты с табаком, везде ищите.

Солдаты усердствовали, перебрали все вещи, прощупали швы, переменяли подушки-валики, заглянули даже в флягу с остатками чая и вылили содержимое на землю, заставили рудокопов снять обувь, обыскали погонщика и седла ишаков. Но ни руды, ни золота не оказалось нигде. Ожидания надзирателя были обмануты.

— Эту старую шахтовую крысу не так-то легко накрыть! — проворчал надзиратель, указывая на Лю Пи. — Золото он унес, видно, раньше и припрятал в надежном месте.

Он повернулся и пошел к своей фанзе, а на пороге обернулся и крикнул:

— Отпустите их, пусть убираются хоть в преисподнюю!

— Ай, ай, нехорошо так говорить честным людям на дальнюю дорогу! — воскликнул Лю Пи, когда надзиратель скрылся в дверях. Мафу погрозил ему вслед кулаком. Солдаты засмеялись и, вынув из-за пояса трубки, попросили у Лю Пи табаку за свои труды.

Наконец, все было готово, и маленький караван тронулся
дальше по улице

Отсыпая им горсточку, рудокоп сказал, вздыхая:

— Если бы вы меньше старались, я поблагодарил бы вас иначе.

— Ну, приятель, ты знаешь, наш лое сердитый, нельзя не стараться. Но мы в рот вам не заглядывали и косичек не расплетали, а золото, может быть, там запрятано, — ответил один.

— Не может быть, чтобы такой старый рудокоп, как ты, уходил с рудника ни с чем, — прибавил другой.

— Можете и косу расплесть и в рот, и в другие места залезть, — рассердился Лю Пи, — нигде ничего не найдете.

Солдаты присели на корточки и курили, рудокопы складывали и вьючили свои вещи. Наконец, все было готово, и маленький караван тронулся дальше по улице. Прохожие, лавочник Ван Ли и подошедший с мельницы Ли Ю проводжали уезжающих до последних домов поселка и пожелали им счастливого пути и удачи на новом месте.

Когда начался пустырь, Лю Пи сказал мальчикам:

— Вы идите, не спеша, вперед с ишаками, а мы с Мафу посидим, покурим перед дорогой.

Когда ишаки скрылись за поворотом, рудокопы вернулись к развалинам последней фанзы на брошенном отводе и в уголке двора, под кучей мусора, откопали свое золото, предусмотрительно припрятанное там накануне в сумерки. Два небольших, но тяжелых мешочка исчезли в глубине котомок. После этого Лю Пи и Мафу быстро пошли вперед и вскоре нагнали караван.

Через два часа путники подошли к речке Ангирты, окаймленной узкой полосой прибрежных роц и зарослей. По мелкой гальке струилась чистая прохладная вода, к которой с жадностью припали животные и люди. Мальчики уже целый год не видели другой воды, кроме лужи в яме на дне шахты, не видели зелени, кроме печальных серозеленых кустиков пустыни. Им хотелось ползать по чаще, искупаться в речке, но Лю Пи сейчас же

повел караван дальше, опять по дороге между почти голыми скалистыми горами. Она то переходила из одной долины в другую, то некоторое время шла по долине, местами суживавшейся в ущелье. Эти горы напоминали мальчикам Катуну, и Хун спросил Мафу:

— Тут, наверно, водятся куку-яманы¹ и архары?

— Нет, — ответил рудокоп, — здесь для них слишком жарко, да и люди часто встречаются. Но хуан-янги могут попасться нам. Пожалуй, я пойду вперед, наш караван очень шумный, и животные слышат его издалека.

— И я с тобой! — воскликнул Хун.

— И я тоже! — попросил Пао.

Лю Пи отпустил их, и они с Мафу, приготовившим ружье, скоро исчезли из глаз. Действительно, через два-три ли, поднявшись на один из перевалов, они увидели в следующей долине нескольких антилоп, медленно шедших вдоль сухого русла. Мафу присел и стал наводить ружье, но мальчики не успели притаиться; чуткие животные заметили людей и сразу умчались крупными прыжками, вытянув шеи, вниз по долине.

— Ой, подождите немного! — в отчаянии крикнул Пао.

— Ты хотел насыпать им соли на хвост? — засмеялся Мафу. Антилопы больше не попадались. Миновав еще несколько перевалов и бесплодных долин, охотники с последнего перевала увидели долину речки Дарбуты, которая извивалась широкой зеленой лентой между скалистыми горами.

Лю Пи подошел с ишаками и указал дорогу; стали спускаться в долину, направляясь по косогору вверх по течению. Там поблизости на склоне серели фанзы и белели отвалы кварца у шахт. Это и был рудник Ван-Чжу-Ван-цзе. Недалеко от него Лю Пи остановил ишаков у одной из фанз.

— Вот наше жилище, — сказал он.

¹ Куку-яман — горный козел.

— Фанза плохая, — заметил Мафу, окинувший взглядом постройку. — В крыше дыра, труба обвалилась, двери нет.

— А ты думал, что нам здесь дворец приготовили? — усмехнулся Лю Пи. — В этой фанзе уже полгода никто не живет, поэтому она и неисправна. Но починить мы ее сумеем, а пока поживем на дворе, теперь еще лето, тепло.

Быстро развязали вьюки, сложили вещи на дворике. Юнг поставил ишаков в тени и ушел: на руднике у него были знакомые. Хун и Пао, несмотря на усталость, побежали вверх по склону, где видны были мелкие кусты, за топливом. Лю Пи достал котел, муку, соль и стал месить тесто. У них еще оставалась вода, взятая из Ангырты. Опорожнив флягу, Мафу пошел к речке за водой для чая. Скоро запылал огонь, и в ожидании обеда путешественники расположились в тени фанзы. Мафу уже успел осмотреть ее и нашел, что за день все можно починить; в обрыве у реки он видел глину, годную для починки кана, трубы и крыши.

— А как будет с дверью? — спросил он.

— Дверь у соседа, — ответил Лю Пи. — Он взял ее к себе вместо стола, но теперь должен вернуть.

К обеду возвратился Юнг, а с ним пришли два рудокопа из соседней шахты посмотреть на приезжих. Соседи жаловались на плохие дела; они работали на той же жиле немного дальше.

— Едва хватает на пищу, — заявил один из них. — Жила бедная, напрасно вы взяли этот отвод. Там повыше, говорят, есть получше.

Когда соседи ушли, а Юнг отправился на гору пасти ишаков, Лю Пи сказал Мафу:

— Соседи не очень довольны нашим приходом. Они потихоньку работали и в нашей шахте: здесь золота больше, чем у них. Они люди новые, не умеют выбрать отвода получше, а взяли то, что им предложил надзиратель, который старается сбыть новичкам самые плохие отводы.

— Как же узнать хорошую жилу? — поинтересовался Хун.

— В хорошей жиле всегда много охры, камень в ней не белый, а желтый или красный и легко отбивается от пустой породы; между ним и этой породой слой глины, и в ней часто сидит золото; сам камень не крепкий, его легко дробить. В бедной жиле — камень белый, как молоко, или прозрачный, как вода; он крепко сросся с боками и сам очень твердый.

— По твоим признакам, наша жила в Чий Чу была бедная, — удивился Мафу, — а сколько золота мы набили из нее!

— А сколько месяцев мы долбили ее, руки себе отбивали и только на пропитание добывали? И в бедной жиле попадаются богатые гнезда, но редко. Это большое счастье, что мы напали на такое гнездо.

— Так что эта жила лучше?

— Да, ровнее, и работать легче будет.

— Почему ты раньше ушел отсюда, если здесь лучше? — спросил Мафу.

— Молод был, глуп был. Да и работал не на себя, а на хозяина. С ним не поладил и ушел в Дагун, — ответил Лю Пи.

РУДНИК ВАН-ЧЖУ-ВАН-ЦЗЕ

Рудокопы пообедали и занялись починкой фанзы. Они натаскали глины, нарезали камыша и могли уже ночевать под крышей, хотя и на холодном кане. Дверь была навешена, оконце заклеено бумагой.

После ужина вышли посидеть на дворе. Ночь была теплая, на небе мерцали звезды, серп луны висел на западе над цепью скалистых гор за рекой. Поселок уже спал, и в ночной тишине доносился однообразный, убаюкивающий шум реки. По временам в чаще уныло кричала маленькая сова «сплю-у-у, сплю-у-у». Иногда вдали раздавался волчий вой.

На следующий день Мафу занялся починкой кана. Лю Пи привел в порядок ступени в шахте, а Хун и Пао бегали по чаще, шлепали по воде, гоняясь за мелкой рыбой, объедались барбарисом.

С обеда началась работа в шахте. Рудокопы долбили жилу, мальчики выносили руду, которую складывали в фанзе; Лю Пи боялся, что со двора соседи могли ее ночью похитить. По незнакомому подъему рудоносам приходилось идти осторожно, изучая ступени. Впрочем, глубина шахты была меньше, чем в Чий Чу: вместо тридцати метров только около двадцати.

Время незаметно шло в однообразной работе. Раз в три дня, когда рудокопы ходили в кузницу наваривать кирки и клинья, мальчиков отпускали с обеда на речку.

В один из таких дней, в конце августа, Хун и Пао, изучившие уже все кусты и деревья на два ли вверх и вниз по долине, решили перейти речку и побродить на другом берегу в горах. Об охоте с ружьем теперь нечего было думать: со времени их экспедиции на холмы Мафу стал прятать порох и пули. Хуну удалось только стащить у него охотничий нож.

Перебравшись вброд через речку, мальчики перешли через заросли и кусты и вскарабкались на правый каменистый склон. Отсюда перед ними открылся целый лабиринт гор, убегающих на запад и юг, насколько хватал глаз. Спустившись немного ниже, они попали в сухую долину, которая шла, извиваясь, на юг, постепенно удаляясь от Дарбуты.

Местность имела здесь совсем другой характер, чем возле Чий Чу. Вместо однообразных унылых холмов, покрытых черным щебнем и похожих на опрокинутые чугунные котлы, здесь повсюду возвышались скалистые горки и гряды из розового гранита причудливых форм: то они состояли из огромных плит, наложенных друг на друга и полого наклоненных в одну или другую сторону, то представляли собой кучи громадных глыб, то спуска-

лись высокими уступами. Часто в глыбах и плитах виднелись странные впадины, ниши и даже галереи с дверями и окошечками, расположенные в несколько этажей. Казалось, что какие-то исполинские черви или жуки источили эти твердые камни. В щелях на склонах и дне долины попадались кустики седой полыни или пучки пожелтевшей травы.

Хун и Пао пришли в восторг от этих природных сооружений: карабкались на склоны, прятались в нишах, аукались. Их веселые голоса звенели то тут, то там, нарушая покой каменных гор.

Вдруг Пао заметил, что на склоне среди глыб замечались какие-то маленькие серые птицы, то перескакивавшие с камня на камень, то скрывавшиеся между ними. С вершины холма раздавалось тревожное клохтанье матери; птицы шли на него, поднимаясь все выше. Пао бросился за ними, стараясь поймать хоть одну. Хун прибежал на помощь, но птицы были проворнее, и, когда мальчики поднялись почти до вершины, вся стая вспорхнула и шумно перелетела на противоположный склон, откуда опять слышалось клохтанье.

— Что это за птицы? — спросил Пао. — Они кричат, как куры, но непохожи на них.

— Это горные курочки, — объяснил Хун. — Я видел их уже. Они очень вкусные. Жаль, что нет ружья!

Мальчики опять спустились вниз и пошли по долине, которая вскоре повернула влево. Перед их глазами открылась веселая зеленая лужайка среди голых розовых холмов, на которой одиноко возвышался огромный камень в виде острой пирамиды с полукруглыми нишами на боках. Его странная форма привлекла к себе внимание мальчиков. У подножия камня протекал ручеек с чистой прохладной водой. Утолив жажду, Хун и Пао залезли в ниши на теневой стороне и развалились, точно в широких креслах.

— Пора уже домой, — сказал Пао, — смотри, какие длинные тени!

— Отдохнем немного и пойдем.

Вдруг Пао заметил, что на противоположном склоне, за лужайкой, шагах в тридцати от него, из глубокой расселины между глыбами показалась голова с острыми ушами. Осмотревшись, зверь вышел, и Пао узнал в нем волка. У мальчика от страха захватило дыхание. Он хотел было крикнуть Хуну, сидевшему в соседней нише лицом в другую сторону, но спохватился, что привлечет этим внимание зверя, и застыл неподвижно. Сердце сильно стучало у него, холодный пот выступил на теле.

Волк тихими шагами, слегка переваливаясь, стал пробираться вдоль подножия холма вверх по долине. Пао следил за ним и думал: «Заметит или нет, заметит или нет?» Вдруг рядом раздался пронзительный свист. Волк вздрогнул, на мгновение присел на задние лапы, озираясь по сторонам, но затем, когда свист повторился, понесся стрелой вверх по склону и скрылся.

— Волк! Волк! — закричал Пао. — Смотри, Хун!

— Я видел его! — сказал Хун слегка дрожащим голосом. — Я сначала подумал, что это собака, и потому свистнул. Но потом, когда он присел, догадался, что это волк, и еще раз свистнул сильнее. Он трусливый, испугался. Ночью они храбрее.

Мальчики глотнули воды, чтобы смочить горло, пересохшее от волнения, и побежали вверх по долине, тревожно оглядываясь по сторонам. Уже надвигались вечерние тени. Ниши, галереи и расселины казались теперь черными. Солнце закатилось, когда они добежали до своей фанзы.

КАЛМЫКИ БЕГУТ ОТ ДУНГАН

Если бы мальчики остались в этот день в долине Дарбуты, им удалось бы увидеть картину большого переселения калмыков. Вскоре после обеда, когда Лю Пи и Мафу были на кузнице, находившейся почти на берегу реки, по дороге на дне долины появились всадники, верблюды, навьюченные

юртами и разным скарбом, женщинами и детьми, табуны лошадей, стадо рогатого скота, баранов и коз. Эта движущаяся, кричащая, ржущая, мычащая и блеющая масса тянулась с верховьев Дарбуты. Для переселения с летовок на высоких лугах Джаира на зимовки в долинах время еще не настало, а в камышах по Манасу, где также зимует часть кочевников, было еще много воды, комаров, оводов и слепней, беспокоящих скот.

— Куда кочуете? Почему так рано? — спросили рудокопы, собравшиеся у кузницы и вышедшие на дорогу, когда появилась калмыцкая лавина.

— Лето кончилось, на горах холодно стало, снег, град идет, козам, баранам нехорошо! — отвечали калмыки.

Они спускались теперь с самых высоких летовок на высшей ступени Джаира, где участвовавшие грозы с градом были опасны для мелкого скота, но хотели провести несколько недель до начала зимы на хороших пастбищах средней ступени в бассейне реки Богуты. Большая кочевая дорога туда шла по верховьям Дарбуты мимо рудника.

Но калмыки сообщили рудокопам также о приближающейся войне. У кочевников, как говорится, длинные уши. Кочевая скотоводческая жизнь, вся тяжесть которой ложится главным образом на женщин, оставляет мужчинам много свободного времени; они поэтому любят ездить по гостям, узнавать и передавать новости, скрашивающие их однообразный быт. Всякая новость очень быстро распространяется по степи от юрты к юрте добровольными вестниками, для которых проскакать двадцать-тридцать километров к соседям — пустяки. Если новость очень интересная, каждому хочется передать ее поскорее дальше.

Вот через это «длинное ухо» калмыки узнали, что дунганское восстание уже охватило всю область Бей Лу, т. е. местность вдоль северного подножия Тянь-Шаня от Урумчи до Кульджи, что малочисленные китайские гарнизоны разбиты и разбежались, что китайское население прячется в

горах и пустыне, что много беглых солдат бродит по дорогам и занимается грабежом в поисках пищи.

Большой отряд дунган, разорив город Шихо, уже пошел по тракту через Майли-Джаир, чтобы захватить Чугучак и Дурбульджин, оставшиеся еще под властью китайского правительства. Это была главная причина, побудившая калмыков спуститься немного раньше с летних пастбищ на осенние, где юрты ставят ближе друг к другу.

Читатель, не знакомый с историей Китая, спросит, конечно: кто такие эти дунгане, чем вызваны их ненависть к китайцам и все жестокости гражданской войны?

Дунгане, называющие себя «хой-хой», — китайские мусульмане невыясненного происхождения. Они отличаются от китайцев не только по религии, но и по внешности. Дунгане мускулистее, сильнее, храбрее и смысленнее китайцев; скулы на лице у них не так сильно выступают; кос они не носят, но одеваются как китайцы и говорят на китайском языке. Они рассеяны по всему Китаю, особенно в западных провинциях, но живут также в Китайском Туркестане и в Илийской провинции, занимаясь земледелием, торговлей, содержанием постоянных дворов, садоводством.

Ненависть дунган к китайцам объясняется отчасти религиозным фанатизмом, но главным образом теми притеснениями и ограничениями в правах, которым они подвергались со стороны китайских властей. Поэтому в местностях, где дунгане были многочисленны (в западных провинциях Китая, особенно в Ганьсу, а также в Джунгарии), они неоднократно поднимали восстания: три раза в XVII—XIX столетиях и в четвертый раз, в Ганьсу, в начале XX века.

Наиболее длительным было восстание в половине XIX века, охватившее западные провинции Китая, Туркестан и Джунгарию, начавшееся в 1856 году и окончательно подавленное только в 1877—1878 годах. Дунгане овладели рядом городов и

истребляли китайцев поголовно; спаслись только те, которые соглашались стать магометанами. Подавление восстания китайскими войсками, потерпевшими ряд поражений, сопровождалось такими же жестокостями по отношению к дунганам. Европейцы, путешествовавшие по Западному Китаю в восьмидесятых и девяностых годах прошлого века, еще повсюду встречали развалины городов и селений, опустошенных во время восстания.

Рудокопы были очень встревожены этими вестями. Они опасались, что, заняв города Чугучак и Дурбульджин, последние оплоты власти Китая в Джунгарии, дунгане окажутся полными хозяевами страны, захватят и разорят золотые рудники в Джаире. Тогда пришлось бы скрываться в песках и горах, пока не подойдет войско из Китая, а это могло случиться только через много недель и даже месяцев ввиду отдаленности провинции Синьцзян, в состав которой входила Джунгария, и плохих путей сообщения. Рудокопы же, пришедшие в Джаир из селений и городов вдоль подножия Тянь-Шаня, где оставались их семьи, были встревожены за судьбу их, так как, по слухам, дунгане не щадили даже женщин и детей. Успели ли китайские семьи при приближении дунганских отрядов укрыться в предгорьях Тянь-Шаня на юге или в рощах Кара-Агача к северу от большой дороги?

У Лю Пи семья жила в новых поселках по реке Манас, довольно далеко к северу от города Манас и тракта. Сюда дунгане могли и не забраться. Кроме того, вблизи этих поселков раскинулись большие леса, где легко укрыться от врагов. Поэтому Лю Пи не очень беспокоился, но все-таки заявил, что поработает месяц-другой в Ван-Чжу-Ван-цзе и пойдет домой проведать своих. Золото в отводе шло хорошее, и жалко было бросать его, потому что держать за собой отвод, не работая на нем, не разрешалось.

Мафу вполне согласился с этим планом. После удачи в Чий Чу у него собралось довольно много золота. Подработав еще в Ван-Чжу-Ван-цзе, он мог

быть уверен, что соберет достаточно средств для обзаведения домиком и женой, особенно теперь, когда в связи с гражданской войной в области предвиделось много вдов и сирот.

«Пожалуй, домик и жену получу совсем даром, — соображал Мафу. — Но вот всякий скот, лошади, коровы, ишаки, будут очень дороги. Одних угнали подальше в горы, других войска забирают в обоз. Хлеба теперь тоже дешево не купишь».

Ввиду возможности близкого отъезда Лю Пи и Мафу решили работать особенно усердно, а так как руда в жиле была мягкая, то набивали ее много, и мальчикам приходилось чаще спускаться в шахту. Зато не было надобности уходить далеко на холмы для сбора топлива, как в Чий Чу. Здесь рощи по долине Дарбуты давали много валежника, а на склонах гор вокруг рудника росли кусты.

Сравнительно с Чий Чу, где работы шли на нескольких жилах, рудник Ван-Чжу-Ван-цзе был небольшой; отводы тянулись по склону вдоль одной длинной жилы и другой короткой. Работали на пятнадцати отводах, а пять или шесть на дне долины были брошены из-за обильного притока воды.

Мальчикам приходилось отдыхать только раз в три дня после обеда, когда Лю Пи и Мафу ходили в кузницу чинить и точить свои инструменты. В один из таких дней они решили забраться подальше на холмы правого берега реки Дарбуты, где в прошлый раз видели горных курочек; они надеялись, что метким ударом камня удастся убить одну из них и тем красить однообразный ужин.

РУДОКОП ПРОВЕИВАЕТ ПЕСОК

Поднявшись на холмы, Хун и Пао пошли вверх по долине, открывавшейся к реке Дарбуты, немного выше рудника. Эта долина пролежала между голыми обрывами красноватого гранита, извиваясь то вправо, то влево. Обрывы гранита местами были совершенно ровные, гладкие, покрытые пятнами

бурого загара, свойственного породам пустыни, а местами источены большими и малыми впадинами, расположенными ярусами один над другим в виде ниш или даже галерей, в глубине которых эти ниши соединялись между собой. По дну долины струился ручеек чистой воды, окаймленный густой травой и мелкими кустами. Иногда вода исчезала, уходя в трещину в граните, русло на некотором протяжении становилось безводным, и растительность вдоль него уже пожелтела и поблекла, а дальше снова появлялись вода и свежая зелень.

Долина закончилась у подножия высокого обрыва, из трещин которого выбивалась вода. Мальчики отдохнули, напились и полезли по обрыву. Он состоял из больших плит, наложенных одна на другую словно куча огромных плоских подушек. Поэтому рудоносам, привыкшим к лестницам шахт, было нетрудно взбираться наверх.

Вершина горы оказалась плоской, и с нее открывался живописный вид. Справа и слева возвышались подобные же плоские красноватые горы, между которыми извивались долины, то расширявшиеся в котловины с зарослями кустов и пожелтевшей высокой травы, то суживавшиеся в маленькие ущелья.

Внимание мальчиков привлек большой камень, одиноко стоявший на одной из соседних вершин; он не лежал на пологом склоне, а стоял на четырех ножках, словно кто-то его нарочно поставил. Хун и Пао доставили себе удовольствие пролезть под камнем между его ножками. Отдельные плоские вершины гор соединялись неглубокими седловинами, и мальчики, перебегая с одной на другую, видели все новые и новые котловины, ущелья и странные нагромождения камней. В одном месте куча из нескольких глыб напоминала двух неуклюжих животных, обращенных тупыми мордами друг к другу. Мальчики стали приближаться к ним с опаской.

— Какие это странные звери лежат там на горе? — сказал Пао, первый заметивший их.

— Они, вероятно, паслись и легли отдохнуть, — сказал Хун, всматриваясь. — Это быки, только без рогов, или лошади — не могу понять. Подойдем ближе.

— А если они бросятся на нас? Если это тигры?

— У тигра шкура полосатая с черными полосами, — заявил Хун, — а эти желтые. И они лежат слишком спокойно, хотя, наверно, увидели нас.

Не спуская глаз со странных животных, мальчики шаг за шагом приблизились к ним и, наконец, разглядели, что это куча больших глыб. Тогда они быстро подбежали к ним и уселись на их каменных шеях. Размахивая палками, которые они вырезали себе в долине Дарбуты, чтобы карабкаться на утесы, и покрикивая, мальчики воображали, что они едут верхом. В поселке на реке Манас они видели, как китайцы пахут землю на паре быков, причем на одном из них сидит мальчик-погонщик с хлыстом в руках.

Вдруг их возгласы оборвались. Куча глыб хорошо была видна из соседней большой котловины среди холмов, изрытой ямами. Из одной ямы вылез полуголый человек в широкой соломенной шляпе и посмотрел в их сторону. Мальчики испугались и прижались к глыбам.

— Что он тут делает? — прошептал Пао. — Бежим скорее домой, может быть, это разбойник!

— Рудокоп, наверно, — ответил Хун. — Смотри, в руке у него лопата. Шахту копает.

— Дядя говорил, что вблизи Ван-Чжу-Ван-цзе другого рудника нет.

— Может быть, он ищет новое место для шахты или копает дикий лук? Подойдем, посмотрим.

— Нет, я боюсь. А если это худой человек, как тот вор, которого Мафу поймал в нашей шахте?

— Ну, что он нам сделает! Золота у нас нет, и отнять у нас нечего. У меня на всякий случай есть ножик, — храбро заявил Хун.

В это время человек, очевидно, не разглядевший мальчиков, прижавшихся к камням, поднял лопатой кучу земли и высоко подбросил ее в воздух, где она

превратилась в тучку пыли, которую ветер отнес в сторону. Он проделал это раз десять и затем остановился.

— Работает, веет пшеницу, — заявил Хун.

— Но откуда здесь пшеница? Не видно никакого поля.

— Хлеб давно уже сжали. Зерно, вероятно, было спрятано в яме, из которой он вылез. Подойдем к нему!

Осмелевшие мальчики спрыгнули с камней, потихоньку спустились в котловину и подошли к челобуку, который, стоя к ним спиной, продолжал свою странную работу.

Когда мальчики подошли близко, он внезапно обернулся, увидел их, вздрогнул и опустил лопату.

— Здравствуй, приятель! — сказал Хун. — Мы пришли посмотреть, что ты делаешь.

— Ишь, это ребята Лю Пи, — ответил узнавший их человек. — Так это вы кричали там на камнях?! А я подумал, что это киклики.¹ Чего вы шатаетесь по горам, почему не работаете?

— Наши рудокопы на кузнице, чинят кайлы, нам пока делать нечего, — заявил Пао.

Хун в это время заглянул в яму, оглядел место, на котором человек подбрасывал землю, и сказал:

— Мы подумали, что ты провеиваешь пшеницу. А тут никакого зерна нет. Один песок.

Человек рассмеялся.

— Какая пшеница! Тут зерна получше пшеницы. Это золото, как в шахтах на руднике. Я провеиваю золотиносный песок.

Он подхватил лопатой кучку песка, лежавшего рядом с ямой, и подбросил ее вверх. Ветер отнес пыль в сторону, а на землю упали более крупные песчинки. Человек нагнулся и показал опустившимся на корточки мальчикам несколько мелких зерен золота, блестевших среди песка. Он тщательно выбрал их и сложил на тряпку, лежавшую в стороне, на которой блестело еще несколько зерен.

¹ Киклик — горная курочка.

— А много ли золота наберешь так за день? — спросил Хун, никогда не выдавший, чтобы золото добывали провеиванием из песка.

— Как случится. Если попадется хорошее место — за день наберешь пять-шесть фынов. А иной день и двух фынов не получишь или поработаешь совсем даром.

— Как же ты догадался, что здесь есть золото?

— Я пришел сюда издалека. На южной окраине Синьцзяна высокие горы, не то что здесь. На них снег не тает, а превращается в лед, как в горах Боро-Хоро, которые иногда видны отсюда в ясную погоду.

— Да, да, это мы видели — подтвердил Пао. — Там вершины и летом бывают белые от снега.

— Так вот, за теми горами много долин, в которых песок содержит золото. Этот песок копают и промывают водой, как руду на нашем руднике. Летом туда приходит много людей из городов и селений Синьцзяна. Но в иных долинах воды нет, а в песке золото есть. И люди придумали провеивать песок, как пшеницу, чтобы отделить зерно от мякины.

— Какие хитрые, эти люди! Веять песок, как хлеб!

— Да, золото тяжелее мелкого песка и пыли, ветер относит их в сторону, как мякину. Но только вот что, ребята, не говорите никому, что видели меня здесь. Я отвода еще не взял у надзирателя, пробую только, стоит ли его брать. Я открыл это место, а другие придут и захватят его. Это будет несправедливо. Я работаю тоже в Ван-Чжу-Ван-цзе, но в шахте темно и холодно, а я люблю солнце и тепло, поэтому иногда прихожу сюда погреться. Обещаете, малыши?

— Да, да, обещаем! — воскликнули мальчики. — Пусть это будет твой отвод и твоя тайна.

Рудокоп сказал мальчикам правду. Получение золота отвеиванием из золотоносного песка, действительно, применяется золотоискателями в некоторых безводных долинах в хребте Куэнь-Лунь, кото-

рый ограничивает с юга обширный бассейн реки Тарим, составляющий южную часть провинции Синьцзян. Этот способ описали некоторые путешественники, посетившие золотые прииски в Куэнь-Луне. И в горах Джаира также есть безводные долины, дно которых изрыто ямами шурфов, очевидно, для добычи золотоносного песка, сохранившимися с того времени, когда в этих горах разрабатывались рудники.

Посмотрев некоторое время, как любитель тепла провеивает песок, мальчики заметили по положению солнца, что вечер уже близко. Они простились с золотоискателем и побежали назад — готовить ужин для рудокопов.

МАФУ В РАЗВЕДКЕ

В половине сентября лавочник рудника Ван-Чжу-Ван-цзе, ездивший в Чугучак за товаром, вернулся с полдороги и сообщил, что этот город уже осажден дунганами. Рудокопы сильно встревожились, так как нельзя было сомневаться, что, захватив долину реки Эмиль, дунгане проникнут и на золотые рудники в Джаире. Приходилось думать о бегстве. Но сначала следовало получить более точные сведения о положении дел в долине реки Эмиль, так как в Чугучаке и Дурбульджине находились китайские гарнизоны, и можно было надеяться, что они отобьют дунган.

Поехать на разведку вызвался Мафу и другой рудокоп Чин. Они сообща наняли у лавочника верховую лошадь, так как до Дурбульджина, ближайшего города, считали около 170 ли и пешие разведчики не могли бы скоро вернуться. Выехать решили на рассвете. Утром, когда мальчики проснулись, ни Мафу, ни Лю Пи в фанзе уже не было. Пока они варили еду, вернулся Лю Пи.

— Сегодня нам нужно хорошо поработать в шахте, — сказал он. — Надзиратель назначил мне завтра

помол руды, и надо, чтобы ее было побольше. Нам, вероятно, придется бежать с рудника, а за золото мы везде купим пищу.

Он спустился в шахту и, не жалея сил, стал долбить жилу, чтобы наработать за двоих. Поэтому мальчикам приходилось много раз спускаться за рудой, и даже обеденный перерыв был сильно сокращен. Лю Пи вылез, когда уже совершенно стемнело, и Пао несколько раз пришлось звать его ужинать.

На следующий день наши рудокопы с утра стали носить руду на мельницу, а после обеда начался ее помол, который шел быстро, потому что руда была мягкая, охристая. Мальчики, дробившие ее, познакомились с местным надзирателем, тощим стариком с длинными усами и козлиной бородкой, в больших круглых очках в роговой оправе. По виду он был суровый, но в действительности добрый и не алчный. Правда, за помол он брал немного дороже, чем надзиратель в Чий Чу, но не обвешивал рудокопов. Они охотно платили ему лишнее, понимая, что скудное казенное жалованье недостаточно и нужно вернуть расходы, связанные с получением должности.

К вечеру помол кончился, и для Лю Пи очистилось четыре лана золота — очень хороший заработок за две недели работы вдвоем, так что его мнение о качестве жилы оправдалось. После ужина все трое, утомленные работой, уже ложились спать, когда в дверь ввалился Мафу.

— Вот, уже спать легли, лентяи, — воскликнул он, — и, конечно, мне не оставили поесть. А я голоден, как самый худой волк.

— Еда осталась, — возразил Лю Пи, — только нужно согреть. Хун, разведи огонь!

Сон сразу соскочил с ребят. Быстро развели огонь, поставили котел, а Мафу, сбросив ружье и котомку, присел к огню, закурил трубку и начал рассказывать.

— Вчера я и Чин доехали к вечеру до края степи Долон-Турген, где калмыцкие зимовки. Уже

смеркалось, место незнакомое, людей не видно, стало жутко. Давай, говорю, переночуем. Нашли зимовку. Место огорожено, трава для лошади хорошая, речка близко, топлива много — целая куча кизяка. Слезли, пустили коня на траву, а сами забрались в телячий хлевок, завесили дверь, развели огонь, поставили чайник, сидим и разговариваем, куда завтра ехать — прямо в Дурбульджин или в Чаабчи, на китайские заимки. Чин говорит: «Едем в Дурбульджин, туда дорога прямая, а в Чаабчи все овраги да горы». «Нет, говорю, лучше в Чаабчи, там китайцы знают, как дела, а в город поедем — можем прямо на дунган наткнуться».

Только я это сказал, а тут из темноты чей-то голос раздался, кто-то потник поднимает, в хлев лезет. Мы испугались, я за ружье берусь, кричу:

— Не лезь сюда, стрелять буду!

— Не бойся, говорит, я не хой-хой. Хочу с вами ночевать.

— А ты кто такой? — спрашиваю.

— Я китаец из Чаабчи, — отвечает. — Нас двое от дунган убежали.

— Оружие у вас есть?

— Ружья нет, один топор взяли.

— Подай его сюда, а потом можешь лезть сам.

Он отдал топор, потом оба влезли к нам в хлевок, присели к огню, греются.

Достали хлеб, свой чайник к нашему подвесили. И вот что мы от них узнали. С их заимок под Уркашаром Дурбульджин виден. Прошлой ночью дунгане его взяли; город горел, слышна была стрельба. С заимок все китайцы уходят в горы; хлеб закопали в землю, лишнюю одежду, утварь тоже, а сами со скотом, женами, детьми в горах прячутся, надеясь, что дунгане вслед за ними не пойдут. По дороге к нам беглецы видели большой отряд дунган, человек двести, на конях, с ружьями, копьями, саблями, должно быть едут в Темиртам и на рудники в Катту — больше некуда.

От Чугучака до Дурбульджина и кругом до гор все уже разорено, ни одного поселка не осталось;

там многих врасплох захватили. И у калмыков отнимают скот и лошадей, оттого те и бегут от них. В Дурбульджин, значит, ехать нам было уже незачем. Дунгане пошли на рудники Бель-Агач в Катунь, оттуда в Чий Чу рукой подать, а потом и к нам пожалуют.

Мы переночевали спокойно: дунгане ночью не рыскают по дорогам. Чуть свет, поехали назад.

— Уходить нам нужно отсюда поскорее, — сказал Лю Пи. — Поедем домой на Манас.

— Там не лучше, говорят, везде дунгане, — заметил Мафу. — Не спрятаться ли в горах? Дунгане на пустом руднике долго не останутся.

— В горах скоро зима будет, да и есть нечего. Мы пойдем вниз по Дарбуты, долиной. Там везде вода и чащи густые, прятаться можно, да и дичь водится: утки, зайцы, фазаны, хуан-янги попадают; будем кормиться. А кончится твой порох — выйдем в Орху да Дям, там тоже рощи, камыши, и калмыки живут. Туда дунгане, пожалуй, не дойдут, там им делать нечего. Поживем месяц-другой, пока не станет спокойно. Золото у нас есть, калмыки баранов продавать будут, с голоду не умрем.

— Что ж, Орху — хорошее место, — сказал Мафу. — Я там был лет пять назад. К калмыцкому вану за лошадьми для амбаня¹ ездил. А рядом с Орху — мертвый город, одни развалины. Только стены стоят. В случае чего, и там прятаться можно, никто не найдет.

КУДА БЕЖАТЬ?

На следующее утро Лю Пи и Мафу, спустившись к лавке на дно долины, застали там почти все население рудника, узнавшее от Чина о приближении дунган. Рудокопы закупали муку, пшено, соль, гуамянь, табак, а также обувь, теплую одежду, котелки, чайники. За два часа лавочник расторго-

¹ Ван — начальник у калмыков и монголов. Амбань — по-китайски «большой начальник, губернатор».

вался и запер свою лавку. Мафу и Лю Пи успели получить все необходимое и, нагружившись покупками, поднимались к своей фанзе, когда на встречу им попался китаец, запыхавшийся от изнеможения.

Он крикнул, еле ворочая языком:

— Уходите скорее! Дунгане уже в Чий Чу! Спасайтесь, пока не поздно!

— А ты сам откуда, приятель?

— Из Чий Чу прибежал. Сегодня на рассвете дунгане захватили рудники. Я живу на самой окраине и чуть свет пошел на холмы за топливом, потому и уцелел. С холмов видел, как прискакали всадники, и побежал сюда предупредить вас. Дайте мне поесть, у меня ничего нет, ни денег, ни золота, все дунганам осталось.

— Ты спустись вниз к лавке,— сказал Лю Пи.— Там наши рудокопы собрались, расскажи им, а потом вернись сюда, у нас обед поспеет.

Китаец кивнул головой и поплелся вниз.

— Нужно уходить скорее! — заявил Лю Пи. — Дунгане к вечеру будут здесь. К обеду они расправятся с Чий Чу, отдохнут и к нам на ночлег пожалуют. В Чий Чу им долго оставаться нельзя, там ни воды, ни корма для лошадей нет. В лучшем случае переночуют на речке Ангырты и завтра рано прискачат сюда.

— Мы пойдем вниз по долине Дарбуты, как ты сказал? — спросил Мафу.

— Нет, сначала уйдем в горы на запад, — ответил Лю Пи. — Дунгане, наверно, знают, что в этой стороне больше рудников нет. Они повернут отсюда или назад в долину Эмиль, или поедут вниз по Дарбуты до брода Чапкан-Джол, где вправо отделяется прямая дорога в Шихо. В Джаире, после того как они ограбят рудники, им делать нечего. С калмыками они не воюют, а только берут у них скот на мясо, если попадутся, но искать их по летовкам не станут. Поэтому мы уйдем на день-другой в горы, а потом выйдем на Дарбуты ниже Чапкан-Джола.

Мальчики принялись за изготовление обеда, а Лю Пи и Мафу начали собираться в путь. Приходилось оставить все инструменты, ступку, подушки, циновки, столик, большой котел, треногу. Все это спустили в шахту и сложили в дальнем углу, засыпав камнем. В рудоносные корзины нагрузили запасы пищи, одежду, одеяла, чайник и чашки, золото. Наскоро пообедали в последний раз из большого котла. Чун не пришел, его, очевидно, накормили другие. Спустив котел в шахту, сбили две верхние ступени, так что шахта казалась давно заброшенной. С окна фанзы содрали бумагу, дверь сняли и сбросили в шахту, а на полу перед каном насыпали мусор. Лю Пи не терял надежды, что можно будет вернуться на рудник, когда придет китайское войско и восстановит порядок.

Покончив с уборкой, наши рудокопы взвалили на себя корзины с имуществом, Мафу надел ружье, Лю Пи засунул за пояс топор, а мальчики вооружились кухонными ножами. Спускаясь к реке, они видели, что почти у всех фанз суетятся люди, собираясь в дорогу. Более проворные шли уже через долину, направляясь в горы правого берега. Туда же повернули с речки и наши беглецы, но, поднявшись на первые холмы, Лю Пи не пошел на запад, как другие рудокопы, намеревавшиеся пробраться к речке Богуты, к стойбищам калмыков, а повернул на юг. Миновали лужайку с дырявым камнем, с которого Пао и Хун увидели волка, и шли дальше, то поднимаясь на холмы, то спускаясь в лабиринты сухих логов и ущелий в красном граните, подобных тем, которые мальчики видели при последней экскурсии. К закату отшагали около тридцати ли и, поднявшись на более высокую вершину, чтобы обозреть местность, неожиданно увидели на севере часть долины Дарбуты с рудником, освещенным последними лучами солнца.

— Смотрите, дунгане уже там, наши фанзы горят! — воскликнул Лю Пи.

Действительно, в разных местах высоко вверх поднимались тонкие столбы черного дыма. Глино-

битные фанзы не могли дать обильную пищу огню: горели только стропила и камышевый настил крыши.

— Во-время мы убрались оттуда, — сказал Мафу. — Кто замешкался, тому конец пришел. Спасибо рудокопу из Чий Чу, который предупредил нас.

— Да, в Чий Чу дунгане, очевидно, нагрянули неожиданно и захватили всех, — заметил Лю Пи. — Пожалуй, попался и жирный лое с собранным у нас золотом. Его дунгане, наверно, убили. Они не щадят китайских чиновников.

— Ну, ему поделом! А вот беднягу Ли Ю, погонщика, и рудокопов мне жаль.

С той же вершины увидели впереди большую котловину, на окраине которой в одном месте яркая зелень выдавала присутствие воды.

— Это ключ Ак-Бастау, — сказал Лю Пи. — Здесь будем ночевать, вода хорошая и топливо найдется.

— Жаль, что у нас нет хотя бы ишачка! Здесь и корм для него имеется, — заявил Хун.

— Вы бы навьючили на него ваши корзины, а сами шли бы порожняком, нахалы, — засмеялся Мафу.

— Может быть, поймает хуан-янга, — вздохнул Пао.

— Если поймает, так лучше съедим его, а корзины придется, видно, нести самим все время, — заметил Мафу.

— Вот когда минуем Чапкан-Джол, торопиться уже не будет надобности, — заявил Лю Пи. — Будем подвигаться только 20—30 ли в день в два приема, утром и вечером, а в обед отдыхать.

Разговаривая, спустились в котловину и расположились на чистом месте вблизи заросли камыша и мелких кустов, окаймлявшей воду; она выбивалась ключом в ямке среди глыб гранита и текла шагов двадцать, а затем исчезала в песке. Все с удовольствием сбросили с плеч корзины; мальчики побежали собирать сухие кусты, Лю Пи

достал чайник и походный котелок, купленный в лавке.

— Сегодня сварим гуамянь, — сказал он. — Лук, наверно, найдется здесь, и мы сэкономим свой запас.

Чтобы набрать достаточно топлива на ночь, мальчикам пришлось совершить несколько экскурсий в разные части котловины, так как кустов было немного. Они обратили внимание на то, что на дне котловины в разных местах торчали камни белого цвета, легко распадавшиеся на дресву, усеявшую все дно. Эти камни по форме напоминали разрушающиеся памятники мусульманского кладбища, наклонившиеся в разные стороны перед падением. На склонах холмов, окружавших котловину, мальчики заметили, что порода в верхней половине красная, характерная для этой местности, а в нижней — белая, такая же, как на дне. Оно было кое-где изрыто довольно глубокими ямами, стенки которых уже осыпались, так что ямы напоминали воронки.

— Я думаю, — сказал Хун, — что и здесь рудокобы добывали золото, провеивая песок как пшеницу.

У костра, пока варился ужин, они рассказали старшим о встрече с рудокопом, провеивавшим песок для добычи золота на холмах возле Ван-Чжу-Ван-цзе, и о том, что здесь в котловине должно быть золото. Мафу им не поверил, но Лю Пи подтвердил, что он слышал об этом способе, который прежде применяли и в некоторых местах Джаира, где не было воды для промывки песка, но потом открыли жилы с золотом и нашли, что работать их выгоднее, чем провеивать песок.

— А почему здесь внизу все камни белые, а сверху красные? — спросил Пао и показал Лю Пи кусочки, собранные им на дне и на склонах.

Лю Пи осмотрел их и покачал головой.

— Не знаю, как называются эти камни. Знаю только, что ни на одном из рудников Джаира таких камней нет и что жилы с золотом в таких камнях не бывают.

КАК ОБРАЗУЮТСЯ ЗОЛОТОНОСНЫЕ ЖИЛЫ

Мы можем сообщить читателям, что мальчики сделали правильное наблюдение. Горы правого берега Дарбуты представляют собой огромный массив красного гранита. Он поднялся в расплавленном виде из глубин земли и затвердел на некотором расстоянии от поверхности в толще земной коры. Во время этого затвердевания расплавленная масса разделилась на слои несколько различного состава и дала с поверхности до некоторой глубины красный гранит, а глубже белый, которые различаются главным образом по составу минерала полевого шпата, образующего главную часть этой породы и представляющего несколько видов.

Правильно было и замечание Лю Пи, что золотоносные жилы Джайра залегают в других породах, а не в граните. Они встречаются в так называемых осадочных породах — песчаниках и сланцах, образовавшихся на дне моря из продуктов разрушения каких-то более древних пород, которые слагали сушу по соседству с морем. Эти породы разрушались процессами так называемого выветривания на поверхности земли. Образовавшиеся при этом частицы песка и глины попадали в ручьи и реки и уносились ими в соседний морской бассейн, где отлагались слой за слоем, постепенно окрепли и превратились в твердые породы — песчаники и сланцы. Но жилы кварца с золотом, заключенные в этих породах, образовались позже и имели другое происхождение.

Золото и другие тяжелые металлы содержатся в большем или меньшем количестве в минеральных массах, залегающих в недрах земли в расплавленном состоянии и содержащих водяные пары и различные газы. Когда эти массы поднимаются из недр, проникая в слои земной коры, близкие к поверхности, и начинают остывать и затвердевать, пары воды и газа, содержащие также соединения различных металлов в газообразном состоянии, постепенно

выделяются и устремляются вверх, где давление меньше. Эти выделения называют эманациями. Они проникают по трещине в толщи осадочных пород, которые лежат над расплавленной и остывающей массой, слагая поверхностные слои земной коры.

В трещинах отлагаются различные минералы, полученные из вынесенных парами и газами элементов. Одни из них переходят непосредственно из газообразного состояния в твердое, другие же попадают в растворенном виде в воду горячих источников, образующихся из паров воды, и постепенно осаждаются из раствора.

Так создаются жилы, заполняющие трещины и состоящие из кварца, который представляет собой кремнезем, бывший в горячей воде в растворенном состоянии, и из руды различных металлов, в том числе и золота. Эти жилы представляют один из видов рудных месторождений, из которых человек добывает необходимые ему металлы.

Наиболее распространенными породами, внедрившимися в земную кору из глубин, здесь затвердевшими и называемыми изверженными, являются разновидности гранита. Они состоят главным образом из кварца, разных полевых шпатов, черной слюды, а также (не всегда) роговой обманки и других более редких минералов. Поэтому с гранитами связано по своему происхождению и большинство рудных месторождений.

В Джаире с гранитом, образующим огромный массив Кожур-Тай на правом берегу Дарбуты, с которым познакомились Хун и Пао во время своих прогулок и теперь при бегстве с рудника, связаны золотоносные жилы Ван-Чжу-Ван-цзе. Они расположены непосредственно возле его окраины, тогда как жилы Чий Чу, находящиеся гораздо дальше на восток, связаны с каким-то массивом гранита, залегающим на некоторой глубине под поверхностью долины у подножия гор Кату. Процессы выветривания и размыва атмосферными осадками, расчле-

няющие земную поверхность и создающие все разнообразие ее форм, еще не успели вскрыть этот гранит под долиной Чий Чу, тогда как гранит массива Кожур-Тай, поднятый значительно выше, уже весь обнажен этими процессами от покрывавшей его прежде толщи осадочных пород и глубоко размыт.

Теперь мы можем объяснить читателю, почему в долине Чий Чу так много золотоносных жил, а в Ван-Чжу-Ван-цзе только одна.

Эманации, выделяющиеся из расплавленной и застывающей массы гранита, устремляются главным образом вверх и осаждаются в толще осадочных пород, образующей кровлю над плоской поверхностью массива изверженной породы. Гораздо меньше этих эманаций проникает в ту часть осадочных пород, которые лежат над крутыми боками массива, уходящими вглубь. Рудник Ван-Чжу-Ван-цзе расположен в породах над крутым боком массива Кожур-Тай. Толщи, когда-то залегавшие в его плоской кровле и содержавшие много золотоносных жил, давно уже начисто уничтожены процессами размыва вместе с этими жилами; уцелела только жила Ван-Чжу-Ван-цзе над его боком. В долине Чий Чу массив остался еще на глубине, и сохранилась его кровля осадочных пород с ее многочисленными жилами.

Лю Пи сказал мальчикам, что в породе Кожур-Тая, т. е. в граните, который они показывали ему, золотоносных жил не бывает. Это неверно. Когда застывает массив изверженной породы, его поверхностные слои разбиваются трещинами вследствие сокращения объема при переходе из расплавленного состояния в твердое. Эманации, продолжающиеся выделяться из глубины массива, могут отлагать в этих трещинах различные минералы. Поэтому и в самом гранитном массиве могут образоваться рудные жилы, между прочим, и золотоносные. Лю Пи только не случилось видеть таких жил.

В ХОТМАХ ИЗЪЕДЕННЫХ КАМНЕЙ

После ужина наши беглецы, утомленные хлопотливым днем и большим переходом, скоро улеглись спать вокруг костра, который нужно было поддерживать из-за холода сентябрьской ночи, а также во избежание нападения волков. Поэтому одному по очереди приходилось бодрствовать.

Первым дежурил Пао. Он сидел возле костра и разгонял сон, разламывая кустики, собранные в котловине, на отдельные прутья, которые подкладывал в огонь. Было совершенно темно и тихо. Слабый свет то вспыхивавшего, то угасавшего костра освещал только спящих, закутанных в одеяла, ближайšie кустики, торчавшие из почвы глыбы гранита и заросли камышей у воды. Холмы краев котловины чуть выступали горбами при вспышках огня. Ярko мерцали звезды на темном небе.

Тишину нарушало только потрескивание прутьев и по временам всхрапывание Мафу. Изредка вдали завывал волк, и Пао, клевавший носом в дремоте, вздрагивал и поспешно подбрасывал прутик в огонь. Но присутствие старших и ружье, которое стояло на сошках позади Мафу, успокаивало мальчика. Он хотел было прибегнуть к счету, как в памятную ночь на холме возле Чий Чу, но оказалось, что вблизи костра не было камешков, а находился только грубый песок, на который распадался при выветривании белый гранит дна котловины.

Тогда Пао придумал откладывать в сторону прутик после каждой сотни. Но счет нередко прерывался, и мальчик спал по несколько минут с очередным прутиком в руке, а костер превращался в кучку тлеющих углей, подернутых пеплом. Но в конце концов набралось много отложенных прутиков, и Пао решил, что пора разбудить Лю Пи. Последний, спавший всегда очень чутко, сменил мальчика, который моментально заснул, свернувшись калачиком под одеялом.

Лю Пи сначала побродил взад и вперед вблизи костра, чтобы разогнать сон, а затем занялся разборкой провианта в своей корзине, пересчитал все головки лука и чеснока, пучки сухой зелени, положил мешочки с гуамяню и пшеном и, наконец, долго и тщательно пересматривал золото, увязанное в нескольких тряпках, и выбрал из него кусочки кварца, попавшие при спешном толчении и промывке на дне шахты.

Мафу, дежуривший после полуночи, провел время за чисткой ружья и пересмотром запаса пуль; потом починил расшатавшиеся сошки, укрепив их ремешками, а в конце концов заснул сидя и закрыв спину одеялом так крепко, что если бы волки были поблизости, они смогли бы незаметно напасть на рудокопов, так как костер совершенно погас. Хун, продрогший поэтому под своим одеялом, проснулся, увидел, что огня нет, Мафу спит, а восток уже побелел, и сообразил, что его очередь караулить не только давно началась, но близка к концу; он разжег костер и занялся приготовлением завтрака, оставив Мафу спящим в сидячем положении с коварным намерением показать это Лю Пи.

Скоро звезды одна за другой стали меркнуть на посветлевшем небе, зарумянились легкие тучки, разбросанные веером на западе и предвещавшие ветреную погоду, и, наконец, над окраиной котловины блеснуло солнце и выкатилось красным шаром на гребень холмов, заливая теплыми лучами лагерь беглецов.

— Чай сварился, каша поспела, пора вставать! — провозгласил Хун, сдергивая одеяло с Пао.

Лю Пи приподнялся, протирая глаза, но Мафу продолжал спать.

— Посмотрите, как крепко караулит Мафу! — сказал Хун, помешивавший жидкую кашу в котелке.

— Здоров спать! — засмеялся Лю Пи, вылезая из-под одеяла.

— Он меня не разбудил, я сам проснулся, когда занялась заря и стало очень холодно, потому что огонь давно погас, — заявил Хун.

— Надежный караульный! Хорошо, что волки не бродили поблизости.

— А это что такое? — спросил Хун, указывая на нескольких крупных животных, которые спускались с холмов на северной окраине, направляясь, очевидно, к источнику. — Не дунганские ли лошади? Дунгане ночевали где-то по соседству!

— Сиди смирно! — прошептал Лю Пи. — Это куланы, дикие ослы. Может быть, они подойдут ближе. Какая досада, что Мафу спит, он мог бы подстрелить одного. Мясо у них жирное, вкусное.

Но куланы, очевидно, почуяли врагов, лагерь которых был скрыт от них зарослями камышей у воды, остановились в сотне шагов от источника, подняли головы и насторожили уши. Они были ростом с небольшую лошадь, желто-бурого цвета, с более светлой грудью, очень короткой черной гривой и ушами длиннее лошадиных.

Куланов называют дикими ослиами, хотя они похожи на домашнего мула, т. е. помесь лошади и осла. Вдоль спины у них тянется черная полоса, как у ослов, и хвост жидкий, похожий на ослиный, но уши значительно короче, чем у осла, а рост и общий облик ближе к лошадиному. Куланы бродят большими стадами в пустынных долинах Тибета, Цайдама и Западного Нань-Шаня, встречаются также, но реже, в Хамийской пустыне и Джунгарии. Вблизи Джаира они живут в рощах и зарослях по рекам Кийтын и Манас, откуда летом иногда забегают и на холмы Джаира, спасаясь от докучливых комаров и слепней, которых очень много в зарослях в теплое время.

— Эх, если бы мы могли поймать одного или двух, — вздохнул Хун. — Мы бы навьючили на них свои вещи и шли бы налегке.

Лю Пи подполз на четвереньках к Мафу и начал его расталкивать.

— Мафу, Мафу, — шептал он. — Очнись! Твое ружье заряжено, здесь близко стоят куланы!

Рудокоп хотел вскочить, но Лю Пи удержал его за плечо.

— Тише, тише, спугнешь.

Куланам, видимо, очень хотелось напиться и пожевать зеленых камышей. Они стали опять подходить, но медленно, с перерывами, насторожившись.

Очнувшийся Мафу повернул ружье в их сторону, насыпал пороху на полку и присел за сошками. Сквозь вершины камышей ему были видны только головы куланов, представлявшие на таком расстоянии неверную цель для его ружья. Застывшие в одном положении Лю Пи и мальчики следили за движениями животных. Последние окончательно остановились шагах в шестидесяти; жеребец-вожак нюхал воздух, раздувая ноздри, и в нетерпении бил копытом по дресве.

— Ближе не подойдут, убегут, — прошептал Мафу и нажал собачку.

Грянул выстрел. Все вскочили и увидели, что куланы неслись галопом к холмам; еще несколько секунд, и они были уже на склоне; слышался скрежет камня под ударами копыт и ржанье вожака.

Мафу побежал к тому месту, где они стояли, но мальчики опередили его. Внимательно осмотрев белую дресвяную почву, на которой кое-где виднелись следы куланов, Мафу сказал с огорчением:

— Промахнулся, надо быть! Крови нигде не видно.

— Плохо целился, сон еще висел в глазах! — злорадно заявил Хун. — Ты ведь проспал и свою очередь и мою.

— Отчего же ты не разбудил меня раньше, нахал?

— Разбудил бы, если бы знал, что придут куланы проведать нас. Остались мы теперь без мяса.

Вернулись в лагерь, где Лю Пи уже разлил кашу по чашкам; стали есть, обсуждая происшествия — крепкий сон рудокопа, отсутствие волков,

визит куланов. Мафу рассказал, что в песках к северу от Чучена, где он пас казенные табуны, живут не только куланы, но и настоящие дикие лошади с короткими ушами, длинной гривой и густым хвостом. Но охотиться на них очень трудно, они слишком осторожны, не дают подкрасться поближе.

Он говорил правду. В глубине песков Джунгарской пустыни водится дикая лошадь, открытая русским путешественником Пржевальским и получившая его имя. Охотники изредка ловят ее. В некоторых зоологических садах имеются экземпляры дикой лошади. Она среднего роста, чалой, внизу почти белой масти; голова большая, рыжеватая, конец морды белый; шерсть слегка волнистая, зимой довольно длинная; грива короткая, стоячая, темнобурого цвета; чолки нет. От кулана она отличается меньшей длиной ушей, более волосистым хвостом и отсутствием вдоль спины черной полосы, характерной для ослов. Живет небольшими табунами в 5—15 голов кобыл и молодняка во главе с вожаком-жеребцом.

После завтрака собрались в дальнейший путь по Кожур-Таю. Лю Пи осмотрел ямы на дне котловины, найденные мальчиками, и сказал, что в них, вероятно, добывали золотиносный песок.

— Только золота мало нашли, потому что скоро бросили. Ведь здесь десятка два ям нарыто, не больше, — заявил он. — Вот по речке Ангырты возле гор Кату таких ям много. Там, говорят, находили довольно много золота и песок промывали, вода близко. И все-таки оставили, когда нашли золото в жилах Чий Чу.

До полудня шли по холмам Кожур-Тая. Местами холмы сближались, и путникам часто приходилось подниматься на седловины и спускаться в котловины. Везде был тот же красный гранит, утесы которого часто имели прихотливые формы, напоминая то кучи толстых подушек, наложенных одна на другую, то неуклюжие столбы из больших глыб, то полуразрушенные, растрескавшиеся стенки. В глы-

бах часто виднелись малые и большие углубления в виде карманов, ниш и даже галерей, в которых ниши в глубине были соединены друг с другом, а спереди разделялись толстыми или тонкими столбиками. Увидев в одном месте галерею больших ниш, Хун воскликнул:

— Вот бы ночевать здесь! Мы растянулись бы под этими навесами, впереди развели огонь; было бы тепло, а волки не могли бы напасть на нас сзади.

— Дядя, кто выдолбил эти ямы в камнях? — спросил Пао. — Неужели рудокопы искали в них золото?

— Не слыхал я, чтобы в этом красном камне родилось золото, — ответил Лю Пи. — Уже первые рудокопы, пришедшие на Ван-Чжу-Ван-цзе, нашли такие ямы в холмах за речкой Дарбуты и удивлялись им.

— Калмыки, может быть, сделали их?

— Нет, калмыки никогда золотом не занимались.

— Может быть, это норы каких-нибудь зверей, лисиц или волков? — предположил Хун.

— Волки, лисицы, тарбаганы¹ роют норы в мягкой земле, — пояснил Мафу. — Камень — слишком твердый, когтями его не выскребешь. Хорошую кирку нужно, чтобы высечь такую нору.

— И укрыться зверь в ней не может, он весь на виду будет, — заметил Лю Пи. — Норы у лисиц и волков глубокие, размаха в два, не меньше.

— Я думаю, что бывают такие червяки, которые грызут камень, — сказал Мафу. — Я видел червяков, грызущих дерево, но только норки у них маленькие.

— Эти червяки едят дерево, — возразил Лю Пи, — а камень какой червяк станет есть!

В одном месте внимание мальчиков привлекла ниша огромной величины в громадной глыбе гранита, составлявшей вершину плоского холма; на дне ее могли усесться несколько человек; в тонком

¹ Тарбаган — сурок.

потолке ее уже была в одном месте довольно большая дыра, через которую солнечные лучи падали на заднюю стенку. Это было так интересно, что путники поднялись на холм и вошли в нишу, высота которой достигала роста человека.

— Вот бы сделать привал здесь! — воскликнул Хун.

— Да, почти что фанза, — заметил Мафу, — можно бы отдохнуть в тени, пока не спадет жара. Жаль только, воды у нас нет, чтобы сварить чай.

— Вода есть, — заявил Лю Пи. — Я налил на всякий случай нашу баклагу, потому что не знал, попадется ли еще ключ на холмах до вечера. На чай хватит.

— Как хорошо! Отдохнем, покушаем! — воскликнул Пао, сбрасывая корзину на дно ниши.

Его примеру последовали остальные. Старшие уселись выкурить трубочку, мальчики побежали собирать топливо. Скоро возле ниши в широкой трещине между глыбами гранита затрещал огонек, а котелок и чайник примостили над ним. Лю Пи достал муки и замесил крутое тесто для лапши. Хун нашел в соседней котловине несколько головок дикого лука. В похлебку прибавили сушеного мяса, купленного на руднике. Пообедавши, развернули одеяла и улеглись в тени, чтобы поспать часа два-три.

Образование ниш в граните осталось загадкой для наших путешественников, но мы можем разъяснить ее читателю. Углубления подобного рода встречаются особенно часто в гранитах, но бывают и в других породах — не слишком твердых песчаниках. Они образуются не только в пустыне, где очень многочисленны и характерны, но и в местностях с более влажным климатом, например, на западной окраине Алтая, в окрестностях Кисловодска на Кавказе, в Саксонской Швейцарии. На Алтае такие ниши наблюдаются в гранитах, а в остальных указанных местах — в грубых песчаниках.

Ниши создаются процессами выветривания, главным образом химического, но при этом существен-

ную роль играет и работа ветра. В какой-нибудь трещине породы собирается вода после дождя, а зимой набивается снег, который днем на пригреве тает. Зимние морозы, а также весенние и осенние ночные заморозки превращают воду в лед. Вследствие увеличения объема льда по сравнению с водой мало-помалу нарушается связь между отдельными зернами гранита и песчаника. Вода, всегда содержащая некоторое количество уголекислоты, растворяет известковый цемент, соединяющий зерна песчаника, и действует на полевые шпаты гранита, превращая их в глину.

Так постепенно гранит и песчаник разрушаются по стенкам трещины и превращаются в дресву, выдуваемую порывами ветра. Трещина расширяется, образуется впадина, в которой воды и снега накапливается больше, и процессы механического (разъединение зерен давлением льда и колебаниями температуры) и химического (воздействие воды) выветривания действуют сильнее. Впадина постепенно, точно язва, расширяется вглубь, в бока и особенно вверх, где влага в тени держится дольше и где удалению отделившихся друг от друга зерен помогает сила тяжести; они падают на дно впадины, откуда их выметает ветер.

Так эти впадины превращаются в большие и малые ниши. Соседние ниши вследствие разрушения боковых стенок в глубине соединяются, и получается галерея из нескольких ниш, разделенных у поверхности скалы более или менее толстыми столбиками, которые разрушаются медленнее. Величина ниш ограничена в граните горизонтальными или пологими трещинами между глыбами, а в песчаниках — плоскостями наслоения; в толстых пластах и глыбах образуются большие ниши, в тонких — маленькие.

Огромные ниши, подобные той, в которой наши рудокопы нашли место для отдыха, встречаются редко — в особенно крупных цельных глыбах гранита или в очень толстых пластах песчаника (возле Кисловодска). Процесс разъедания потолка ниши

в отдельно лежащей глыбе и в слое, образующем поверхность склона, может дойти до того, что в нем появляется отверстие. Постепенно оно расширяется, разъедается весь потолок, и ниша превращается в подобие кресла, ручки которого с течением времени понижаются. Этот процесс может уничтожить целый холм гранита или песчаника, от которого в конце концов останутся только днища самых нижних ниш с остатками ручек и спинок кресел в виде бугорков и грядок. Такие остатки автор видел возле колодцев Мин-шуй в Хамийской пустыне на месте одних холмов гранита, тогда как другие еще представляли собой ниши разной величины в разных стадиях разъедания.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ДОЛИНЕ ДАРБУТЫ

Рудокопы хорошо отдохнули в тени ниши в граните и часа в три пополудни продолжали путь по холмам Кожур-Тая, которые имели такой же характер, как и встреченные ими раньше. Но через десяток ли путники вышли на окраину массива. Справа от них продолжались красные холмы, а слева появились черные, состоявшие из осадочных пород песчаников и сланцев той же громадной свиты¹, которая выступала вокруг рудников Ван-Чжу-Ван-це и Чий Чу. Как и в окрестностях Чий Чу, эти холмы были плоские, округленные, усыпанные щебнем, почерневшим от загара, и напоминали огромные опрокинутые чугунные котлы. Мальчики сразу обратили внимание на это, и Хун воскликнул:

— Мы не пришли ли по ошибке на холмы Чий Чу и не наткнемся ли на дунган?

— Не бойся, парень! — успокоил его Лю Пи. — Я дорогу знаю. Место похоже на Чий Чу, но далеко от наших рудников. Вот там, — он показал на северо-

¹ Свита — ряд пластов или жил.

восток, --- видишь вдали горы Кату? А Чий Чу возле них. Действительно, на горизонте тянулась зубчатая гряда гор, в которой нетрудно было узнать хорошо знакомый Кату, а впереди них все пространство было заполнено черными холмами и грядами, похожими на морские волны.

— Среди этих черных холмов, недалеко от нас, лежит долина речки Дарбуты, — прибавил Лю Пи. — А от нее до Чий Чу почти день пути.

Немного дальше, на окраине Кожур-Тая, путники заметили холм очень странного вида. Он весь состоял из наваленных одна на другую черных глыб, большей частью правильной шарообразной формы. На некоторых из них можно было видеть, что поверхностный слой породы в один-два сантиметра толщиной был разбит трещинами. Куски его разной величины отделились от остальной массы, причем некоторые уже отвалились и лежали на земле.

— Эти камни, — словно яйца, с которых лупится скорлупа, — воскликнул Хун.

— Кто наворотил эти шары друг на друга? Уж не калмыки ли? — спросил Мафу.

Действительно, встреченная рудокопами куча напоминала сооружения, называемые «обо», которые монголы-ламаисты¹ воздвигают на перевалах и вершинах гор в честь небесных духов. Каждый проезжий считает долгом сделать свое приношение духам в виде камня, подобранного поблизости и положенного на кучу, которая таким образом с течением времени все увеличивается. Если нет камня, можно боткнуть палку или привязать к торчащим в куче палкам лоскуток, оторванный от одежды, или пучок волос, вырванный из гривы или хвоста коня. Но только это обо состояло из глыб, которых человек не смог бы поднять.

— Это место называется Шайтан-Обо, — пояснил Лю Пи. — Калмыки думают, что злой дух наворотил здесь камни, поэтому они такие черные. Тут поблизости есть маленький ключ.

¹ Ламаизм — разновидность буддизма, религиозного учения, распространенного в Азии.

— Где же? Не мешает напиться. Может быть, взять воды для ночлега? — спросил Мафу.

— Ночевать мы будем на речке Дарбуты, — сказал Лю Пи. — А напиться можно, до речки еще не близко.

Он направился к другому холму обычного вида, у подножия которого между глыбами гранита в маленькой впадине стояла вода. Ее трудно было заметить со стороны, так как вода небольшого ключа быстро уходила в дресву и возле нее росло только несколько пучков зеленой травы. Напившись, мальчики побежали к черному холму, вскарабкались по его шарам на вершину и уселись на венчавшей его глыбе.

— Эй вы, ребята! — воскликнул Лю Пи, заметивший это. — Слезайте долой. Калмыки говорят, нельзя лазить на Шайтан-Обо, злой дух рассердится и сделает человеку какую-нибудь пакость.

— И здесь злые духи шалят! — усмехнулся Мафу. — Везде они тебе мешают.

Мальчики уже спускались. Хун, вскочивший при спуске на один из шаров, вывел его из равновесия, и шар покатился по склону. Хун не удержался и полетел назад вверх ногами.

— Вот видишь! — воскликнул Лю Пи. — Хорошо, что он упал назад, а не вперед; шар раздавил бы его в лепешку.

Пао помог Хуну, завязшему со своей корзиной между глыбами, подняться. Мальчик изрядно ушибся, но подходя к старшим, смеялся.

— Калмыцкий шайтан хотел тебя задавить и оставить на своем обо, — сказал Мафу улыбаясь.

— И не успел, я слишком проворный! — ответил Хун.

Холм Шайтан-Обо может служить примером выветривания гранита другого характера, значительно отличающегося от красного гранита, слагающего главную массу Кожур-Тая; в нем больше темных минералов — черной слюды и роговой обманки, а полевые шпаты иного состава. При выветривании он распадается на крупные глыбы без образования

ниш, причем глыбы округляются благодаря процессу шелушения.

В зависимости от большего содержания темных минералов поверхность этого гранита нагревается сильнее, чем красного, так как светлые тела преимущественно отражают лучи солнца, а темные поглощают их. Поэтому поверхностный слой темного гранита подвергается более сильным колебаниям температуры и, наконец, отслаивается, отделяется трещиной от глубже лежащего слоя, начинает шелушиться.

Отделившийся слой при колебаниях температуры разбивается поперечными трещинками на куски (скорлупы), которые порывами ветра и силой тяжести сбрасываются на землю. Раньше всего выветриваются выдающиеся части глыбы — углы и ребра, чем обусловлено образование шаров; под влиянием шелушения они мало-помалу, очень медленно, уменьшаются в объеме.

Обилем темных минералов в этом граните объясняется и развитие в нем сплошного пустынного загара, так называемого лака пустыни; он состоит главным образом из окислов железа и марганца и особенно густо развивается на твердых, темных и мелкозернистых породах, богатых этими элементами. На светлых породах, где таких минералов мало, загар развивается отдельными светлобурыми и матовыми пятнами; это не блестящий лак, как на темных породах, а светлобурый и матовый. Железо и марганец, повидимому, извлекаются влагой (роса, дождь, тающий снег) в виде солей из глубины породы и на поверхности превращаются в окиси благодаря сильному нагреванию лучами солнца. На красном граните Кожур-Тая, бедном темными минералами, загар светлобурый, пятнами, а на темном граните Шайтан-Обо, богатом этими минералами, он сплошной и черный.

Солнце клонилось уже к закату, когда наши путники подошли по окраине Кожур-Тая к тому месту, где Лю Пи хотел повернуть на реку Дарбуты. Здесь пролегалла большая дорога из Чий Чу в Шихо, пере-

секавшая речку на броде Чапкан-Джол и уходившая затем по окраине Кожур-Тая на юг через последние гряды Джаира. На этой дороге можно было неожиданно встретиться с отрядом дунган, пробиравшимся после разграбления рудников обратно к оазисам подножия Тянь-Шаня. Поэтому Лю Пи не пошел по ней, а свернул в черные холмы на восток. Пройдя по ним около одной ли, путники увидели перед собой долину реки с ее рощами, зарослями кустов и камышей, полянами, поросшими пучками чия, круто спустились, подошли к реке и прежде всего утолили жажду чистой, холодной водой.

— Чапкан-Джол совсем близко, — сказал Лю Пи. — Вы подождите здесь, а я пойду к броду, посмотрю, все ли спокойно.

Сбросив свою корзину, он осторожно пробрался по рощам и зарослям к броду, где большая дорога пересекала реку по широкой прогалине; со стороны Чий Чу она выходила из широкого лога в горах, а к Кожур-Таю поднималась по короткому скалистому ущелью. На краю прогалины Лю Пи остановился и прислушался. Голоса, стук копыт, звяканье стремян приближающегося по дороге отряда можно было услышать издали. Но все было тихо; чуть журчала вода по камням, шелестели камыши и листья деревьев. Солнце уже скрылось за береговыми холмами.

Вернувшись к своим спутникам, Лю Пи повел их скорым шагом, чтобы миновать опасное место. И тут у брода они увидели страшную картину. Возле кустов лежал ничком человек, уткнувшийся головой и руками в воду; его синяя ватная кофта была изорвана и покрыта пятнами крови, черная косичка, словно змея, извивалась в струях пробежавшей воды. Мафу оттащил труп и повернул его лицом вверх. На лбу оказалась длинная рана, нанесенная саблей, омытая водой и бескровная. Мафу осмотрел одежду мертвеца, снял с него туфли и засунул их в свою корзину. Лю Пи укоризненно покачал головой и сказал:

— Напрасно взял у мертвого. Это приносит несчастье.

— Делать нечего, — объяснил Мафу. — Мои туфли износились, через два-три дня придется бросить, а других у меня нет.

— Кто это, дядя, дунганин или китаец? — спросил Пао.

— Рудокоп из Чий Чу, наверно. Дунгане нагнали его здесь, прикончили и отняли золото, если у него было.

— Тише! — воскликнул Мафу. — Кто-то едет по дороге.

Все замолкли и прислушались. Со стороны холмов левого берега доносились стук копыт, позвякивание стремян и голоса людей.

— Скорее в кусты! — скомандовал Лю Пи.

Все четверо побежали к зарослям за бродом и притаились среди камышей. Едва они успели спрятаться, как из ущелья выехал к речке отряд вооруженных дунган в синих, белых и черных кофтах, серых войлочных шапках, с ружьями или копьями за плечами. Тяжело хлопая крыльями, взлетели орлы, уже усевшиеся возле мертвеца у брода, а лошади передних всадников захрапели и попятились. Послышались возгласы, удары нагаек, и отряд, не обратив внимания на мертвого, заехал в воду и остановился поить лошадей. Хун, подползший ближе, насчитал около сорока человек.

— На Манас идут, — шепнул Лю Пи. — С рудниками покончили, теперь новой поживы ищут...

Напив лошадей, всадники рысью поехали дальше и скрылись.

— Нужно уходить отсюда скорее! — сказал Лю Пи. — От этих скрылись — другим в руки попадемся.

Двинулись дальше по тропе, бежавшей по опушкам роц или по зарослям чия, иногда поднимающейся на нижнюю часть склона долины, если рощи подступали к самому подножию. Но не успели путники отойти и сотни шагов от мертвеца, как в

густых кустах возле тропы услышали какой-то шорох; вершины кустов колебались, словно кто-то возился среди них. Оставив свою ношу, Мафу полез в чащу, и тотчас же оттуда раздался его голос:

— Идите сюда скорее с топором и с ножами, тут крупная дичь, которую нам послало само небо!

ПОКИНУТЫЙ ЛОЕ

Лю Пи и мальчики, оставив корзины на тропе, пробрались через колючие кусты шиповника и барбариса и увидели ишака, навьюченного вещами. Животное приветствовало людей оглушительным ревом.

— Тише ты! — крикнул Мафу и ударил ишака по морде.

Животное рванулось назад, но тотчас же остановилось: сбившийся на бок вьюк его крепко застрял в колючей чаще. Кроме того, от спутанных передних ног животного шла веревка к кусту у тропы. Чтобы освободить ишака, пришлось вырубить несколько кустов и обрубить ряд веток, вцепившихся своими шипами во вьюк. Ишака вывели на тропу. Лю Пи и Мафу принялись развязывать вьюк, чтобы поправить его. Возле кустов, где запутался ишак, они нашли сверток с одеялом и ватной кофтой.

— Я думаю, — заявил Мафу, — что хозяин этих вещей лежит вон там у брода и мы можем смело воспользоваться находкой.

— Ишак понесет и наши вещи. Теперь нам легче будет идти, — воскликнул Пао.

Лю Пи покачал головой.

— Мертвец у брода был простой рабочий, судя по его одежде, — сказал он. — А эти вещи слишком хорошие для рудокопа. Смотрите, какие это красивые бамбуковые корзины. Их делают в Южном Китае, и сюда их мог привезти только какой-нибудь чиновник или купец.

— Куда же он девался? Зачем бросил своего ишака? Нужно открыть корзины и посмотреть, что в них.

— Это мы сделаем вечером. А теперь надо скорее уходить отсюда, это опасное место.

Поправив вьюк и прибавив к нему самые тяжелые вещи из своих корзин, беглецы пошли дальше, не переставая перебрасываться догадками о хозяине ишака и его судьбе. К сумеркам отшагали несколько ли от брода. Лю Пи успокоился и решил выбрать место для ночлега. Впереди виднелась большая роща у самой реки в стороне от тропы.

— Смотри-ка, тут свежие следы еще двух ишаков, — воскликнул Мафу, указывая на мягкую пыльную почву прогалины перед рощей.

— Пожалуй, мы скоро найдем хозяина ишака и вещей, — заметил Лю Пи.

Словно подтверждая это, ишак, которого вел Мафу, вдруг остановился, поднял хвост и разразился протяжным ревом, на который из глубины рощи тотчас же ответил другой ишак.

Мафу на всякий случай начал снимать ружье, отпустив повод. Почувствовав свободу, животное двинулось вперед и помчалось рысью через заросли к роще. Мафу, Лю Пи и мальчики побежали за ним, но не могли догнать. Когда они вошли в рощу с ружьем и топором наготове, ишак стоял уже возле двух других, привязанных к дереву, и все трое чесали друг другу холки, словно обмениваясь приветствиями. Тут же из-за дерева выглядывал китаец, который при виде детей смело вышел навстречу пришельцам.

— Это наш лое! — воскликнул Лю Пи. — Добрый вечер, лое. Вот мы твоего ишака нашли и пригнали.

Надзиратель, радостно протягивая рудокопам обе руки, воскликнул:

— Где вы поймали моего ишака? И не видели ли моего работника? Он рано утром угнал ишака с вещами и скрылся. Я ждал его весь день, да так и не дождался.

— Не его ли это туфли, лое? — спросил Мафу, вынимая из корзины обувь, которую он снял с мертвого китайца у брода.

— Ну, конечно! Я отдал ему на дорогу пару своих туфель, потому что его изорвались, а новых в лавке уже не было. Вот по этому узору можно узнать, что их делали не в Синьцзяне, а в Кантоне, — сказал лое, указывая на белый цветок, вышитый на синей ткани туфли.

— Твой работник лежит мертвый у брода Чапкан-Джол. Я снял эти туфли с его ног, потому что мои худые, — сообщил Мафу. — Его, очевидно, убили дунгане.

— А ишака мы нашли недалеко от брода, он запутался в колючих кустах, — прибавил Лю Пи.

— Несчастный! — воскликнул надзиратель. — Справедливая судьба жестоко покарала его за кражу и за то, что он бросил меня, старика, одного в пустыне. Он надеялся, что меня съедят волки и никто не будет преследовать его за кражу. Вот он сделался жертвой дунган, а мне судьба послала вас. Куда вы пробираетесь?

— Вниз по Дарбуты, — ответил Лю Пи.

— Поедем дальше вместе, — предложил надзиратель. — Вы можете облегчить свою ношу, переложив все тяжелое на моих ишаков, а зато будете помогать мне выючить и пасти их.

— Хорошо, лое, — ответил Мафу.

— Ты справедливый человек, и мы тебя не оставим в беде, — прибавил Лю Пи.

Пришельцы сняли свои корзины, развьючили ишака и подошли к разложенному костру, на котором уже варился ужин. Мальчики набрали топлива на всю ночь.

Надзиратель был горожанин, неопытный в путешествиях, и не мог преследовать беглеца по его следам. Очутившись один в дикой местности, без ружья, не зная дорог и с запасом еды только недели на две, он пришел в отчаяние. Весь день лое ждал своего работника, надеялся, что тот вернется, что он пошел только искать сбежавшего ишака, ко-

торый, вероятно, побежал в свое стойло на руднике. Но когда солнце зашло, а работник все еще не появлялся, лое догадался в чем дело и решился переночевать в одиночестве. Ишаки за день достаточно наелись. Он привязал их к дереву и начал готовить себе ужин.

— Я представляю себе, как погиб мой работник, — сказал надзиратель. — Он скоро дошел до брода, привязал ишака поблизости и вышел на перекресток посмотреть, нет ли дунган. Может быть, он сам еще не решил, куда бежать, назад ли на рудник, или на Манас, или в Чий Чу, чтобы скрыться с золотом, которое спрятано в моей корзине на ишаке; это золото я взял с собой, чтобы сдать в казну в ближайшем городе. А у брода он сразу наткнулся на дунган. Они приняли его за рудокопа, бежавшего из Чий Чу, и прикончили, чтобы отнять золото, бывшее при нем, которое он добром отдать не захотел. Но просто чудом спасся мой ишак с вещами, оставшийся в кустах.

Надзиратель также принял участие в ночном дежурстве, так что на каждого пришлось меньше двух часов, и все могли выспаться. Ночь прошла спокойно, волков не было слышно. В горах на юге прошла гроза, но в долине шел небольшой дождик, от которого беглецы укрылись под деревьями.

На следующий день продолжали путь. Лое ехал на одном ишаке, а на двух других были навьючены вещи. Рудокопы шли с почти пустыми корзинами, что очень облегчало путешествие. Долина повернула на восток и стала более открытой. Хотя справа все время тянулись довольно высокие скалистые горы с дикими ущельями, но слева поднималась только плоская терраса. Взобравшись на нее, можно было видеть, что долину с этой стороны окаймляет широкая полоса каменистой пустыни, за которой на горизонте тянулись зубчатой стеной горы Кату. В долине попрежнему чередовались рощи, чащи кустов и зарослей, но воды в речке стало меньше, и русло местами скрывалось среди высоких камышей.

Во время обеденного привала Мафу застрелил в зарослях молодого кабана, мирно дремавшего в яме с водой. Это была приятная прибавка к провизии путников, так как позволяла разнообразить пшеничную кашу салом и мясом.

Еще два дня подвигались, не торопясь, вниз по долине, которая оставалась безлюдной; встречавшиеся кое-где киргизские зимовки еще были пусты. Речка местами совершенно исчезала, оставляя сухое русло, потом опять появлялась. Рощи тополей встречались реже, появились большие, искривленные кусты тамариска. На правом берегу продолжалась та же скалистая цепь, на левом — каменная пустыня, но в двух местах внесли разнообразие группы пестрых скалистых холмов с лабиринтом ложбин. Эти холмы, расположенные в самой долине Дарбуты недалеко друг от друга, называются Чокмак-Тас и Найза-Тас.

Ночевали в роще возле Чокмак-Таса, и мальчики имели возможность осмотреть его. В центре группы возвышался черный холм в виде конуса с такими гладкими боками, что Хун и Пао после нескольких попыток вскарабкаться на вершину должны были отказаться от этого. Вокруг него среди извилистых рытвин и ложбин поднимались утесы самых разнообразных форм и различного цвета — бурого, желтого, зеленого и красного. Одни напоминали яйцо, поставленное на тупой конец; другие представляли собой столбы из одной или нескольких глыб, наложенных друг на друга; третьи имели вид каменных грибов различной величины. Из кустов, росших по ложбинам, то и дело выскакивали зайцы, которых мальчики безуспешно пытались поймать или хотя бы убить брошенным камнем.

Вернувшись в лагерь, они были в таком возбуждении от виденного, что Лю Пи и Мафу пошли осмотреть холмы, а надзиратель принялся мастерить лук из прута тальника с тетивой из кишок кабана и стрелами из твердых прутьев джигды. Он кончил работу, в которой мальчики приняли

живое участие, уже при свете костра. Лю Пи и Мафу также были заинтересованы холмами; первый высказал предположение, что в них должно быть золото, второй — что гладкий конус состоит из железа. Он принес кусок очень тяжелой черной руды, которую удалось отковырнуть ножом на склоне конуса.

На рассвете надзиратель повел Хуна и Пао к холмам, чтобы показать им охоту на зайцев, которые вышли на лужайки в долине, где кормились зеленой травой и молодыми побегами тальника. Надзирателю удалось подстрелить двух, а Хуну — остроносую утку из небольшой стаи, плававшей в речке; зайцы были слишком проворны для неопытного стрелка. Когда охотники принесли свою добычу в лагерь и Мафу похвалил их, Пао спросил его:

— Почему ты сам не стреляешь зайцев своим ружьем? Их так много.

— Видишь ли, нахал, у меня зарядов мало, и их жаль тратить на такую мелкую дичь; если моя пуля попадет в зайца — она его разорвет на куски, есть нечего будет. Другое дело — кабан, хуан-янг, кулан.

Это была правда. Но Мафу не прибавил, что он умеет стрелять только в неподвижную цель.

В этот день беглецы около полудня дошли до глубокого ущелья Тар, где речка Дарбуты врезалась в большой гранитный массив. Но перед ним они миновали перекресток второй большой дороги, которая вела с рудников Дагун и Цзагун, самых восточных в Джаире, на Манас. Здесь путники наткнулись на жуткую картину: на площадке, среди кустов, клочья ваты, лохмотья одежды, рваные башмаки и соломенные сандалии валялись вперемежку с человеческими костями и черепами. В одном месте почва была усыпана крупинками золота. Очевидно, у кого-нибудь из беглецов в одежде было зашито золото, оставшееся незамеченным настигшими их дунганями, а когда волки растерзали его труп, оно просыпалось на землю.

— Соберите это золото, мальчики, — сказал надзиратель. — На Манасе мы, наверно, найдем семью кого-нибудь из погибших рудокопов и отдадим ей золото.

Пока Хун и Пао осторожно сгребали желтые крупинки вместе с пылью, Мафу, внимательно осматривавший площадку, нагнулся и поднял что-то с земли. Это было серебряное кольцо-печатка с красным камнем, на котором были выгравированы китайские иероглифы.

— Похоже, что это кольцо надзирателя с Чий Чу, — сказал Лю Пи. — У него было точно такое же на большом пальце левой руки.

Подошел надзиратель, заинтересованный находкой, осмотрел кольцо и спросил:

— А как звали вашего лое на Чий Чу?

— Чжун Ю ванг, кажется, — ответил Лю Пи.

— Да, здесь написано «Чжун Ю ванг», — сказал лое. — Очевидно, несчастный погиб, и все золото, которое он вез с собой, казенное и собственное, попало в руки дунган.

Покинув площадку, караван вскоре вступил в ущелье Тар. Врезываясь в твердый гранит, долина Дарбуты сразу сужалась; с обеих сторон круглыми уступами поднимались розовые утесы попережку с осыпями щебня и дресвы. В русле, сухом выше ущелья, появилась вода, и речка быстро текла по гальке, окаймленной узкой полосой тополей и редкими кустами. Утесы часто подступали к самой воде, и каравану приходилось брести прямо по речке.

Ущелье, круто повернув вправо, кончилось. Путники опять вышли в широкую долину, которая тянулась до горизонта между отвесными обрывами справа и пологими откосами террасы той же пустыни слева. Местность стала здесь более открытой, рощи тополей почти исчезли, и русло речки, большей частью сухое, окаймлялось только густыми кустами, а по остальному пространству широкого дна долины сравнительно редко встречались большие кусты и корявые деревья тамариска, между кото-

рыми извивалась дорога. Местность была совершенно безлюдна. В изобилии попадались только зайцы, за которыми молодые охотники гонялись усердно и не без успеха.

Два дня шли по этому коридору, укрываясь на ночь и в полдень среди кустов вблизи русла там, где в нем появлялась вода. Волков ночью не было слышно; они, очевидно, ушли на пиршество к рудникам; ишаков можно было отпустить пастись и на ночь, спутав им только ноги. Из-за этого чуть не случилась катастрофа. Хун во время своего дежурства услышал в русле, в котором вода была только в большой впадине под берегом, какую-то возню и топот. При свете луны он увидел, что один ишак лежит на земле и мотает головой, а другие беспокойно топчутся вблизи. Оказалось, что животное увязло до брюха. Чтобы спасти ишака, пришлось срубить несколько кустов, перекрыть ими трясину и вытаскивать его с помощью веревок и кольев.

Если бы Хун не обратил внимания на топот и хрип ишаков, не покинувших своего товарища в беде, путники утром были бы удивлены бесследным исчезновением одного из своих длинноухих, так как трясина совершенно засосала бы его. За свою бдительность Хун получил от надзирателя хороший монгольский нож в ножнах с кольцом, который можно было носить на поясе.

Еще день шли по речке, долина которой становилась все более бесплодной. Кусты и деревья росли только вдоль русла, образуя чащи там, где появлялась вода; вне этой узкой полосы широкое дно долины почти лишено было растительности; по правому берегу тянулись уже более низкие горы. Наконец, речка вышла из Джаира и повернула, уже в виде безводного русла, вдоль его подножия на юг.

Караван пошел на восток через ровную пустыню, усыпанную почерневшим щебнем и протянувшуюся на двенадцать километров до берега реки Дям. Эту реку, окаймленную большими рощами, можно было

увидеть, только подъехав совсем близко, так как ее долина врезалась в пустыню метров на сорок-пятьдесят.

Переночевав в том месте, где река прорывается через конец низкого кряжа Кара-Арат, караван пошел вниз по ее долине, которая окончилась в котловине Орху, составлявшей ближайшую цель путешествия. Здесь река делилась на два русла: одно шло на север, к озеру Улусту-нор, другое — на юг, к озеру Айрик-нор.

МЕРТВЫЙ ГОРОД ОРХУ

Котловина Орху между озерами, длиной в 20 и шириной в 3—5 километров, представляла собой большие и малые рощи тополей и заросли кустов, рассеянные среди обширных полей, поросших травой и бурьяном. Разбросанные по ней зимовки калмыков, очевидно, были еще пусты, так как нигде не замечалось признаков жизни: ни юрт, ни пасущихся животных. С запада котловину окаймляли такие же обрывы, как и долину реки Дям, из розово-желтых песчаников и глин; с востока к ней примыкала обширная площадь «Мертвого города».

Так как дунгане могли пожаловать в Орху или с запада — из Джаира, или с севера — вниз по Дяму, то путники нашли более удобным для себя остановиться на восточной окраине, поближе к Мертвому городу, чтобы при первой же тревоге укрыться среди развалин. Поэтому они пошли на восток к холмам, на которых уже виднелись поднимавшиеся ярусами стены, башни различной формы, острые шпицы, купола, занимавшие огромную площадь, сплошь покрывая столовую гору вдаль и спускаясь с нее по холмам и логом к котловине.

Путники с любопытством разглядывали эти развалины, среди которых не видно было ни клочка зелени, ни признаков жизни.

Путники с любопытством разглядывали эти развалины, среди которых не видно было ни клочка зелени, ни признаков жизни

— Кто жил здесь? Давно ли город покинут жителями? Почему это случилось? — спрашивали мальчики надзирателя.

— Вот придут калмыки на свои зимовки, — ответил он. — Они, наверно, знают больше, чем я. В китайской истории я ничего не читал об этом городе, вероятно, потому, что он существовал гораздо раньше того времени, когда власть Китая распространилась на эту страну.

Недалеко от окраины Мертвого города, в небольшой роще старых тополей, путешественники наткнулись на признаки зимовки в виде изгороди для мелкого скота и кучи кизняка; тут же был и колодец.

— Здесь мы и станем, — сказал Лю Пи. — Есть вода, есть топливо, есть корм для ишаков, больше нам ничего не нужно.

Пока взрослые развьючивали ишаков, мальчики, захватив котелки и веревку, подошли к колодцу. Он оказался глубиною около четырех метров, и на дне его стояла вода. Зачерпнув ее котелком, мальчики захотели напиться, но после первого же глотка Пао выплюнул воду.

Понесли котелок с водой взрослым. Попробовав ее, надзиратель сказал:

— Ишаки, может быть, будут ее пить. Но у людей от нее живот заболит, а чай будет совсем невкусный.

— Вода в колодцах загнивает, — заметил Мафу, — если ее долго не черпают. Тут зимовка, и с весны, когда калмыки ушли, никто водой не пользовался. Вот она и стала вонючей и соленой. Нужно ее вычерпать, колодец вычистить, и тогда пойдет хорошая вода.

В тени тополей было прохладно, и в ожидании обеда все расположились на земле вблизи костра. Ишаки дремали, опустив головы, терпеливо ожидая, чтобы их пустили на пастбище.

После обеда все направились к колодцу, вооружившись котелками, веревкой и маленьким заступом, бывшим у надзирателя. Пригнали и ишаков,

чтобы напоить их перед чисткой, но вода им тоже не понравилась, и они выпили только по котелку. Мафу разделся догола и по веревке спустился в колодец; он наполнял котелки, а Лю Пи и мальчики вытаскивали их наверх и выливали. Скоро вода стала мутной, а потом пошла жидкая, черная грязь, пахнувшая тухлыми яйцами. Ее вытащили котелков двадцать. В глубине оказалась маленькая деревянная колода для водопоя, которую калмыки на лето спустили в колодец, чтобы она не рассохлась. Мафу тщательно обскреб лопатой стенки и дно колодца и заявил, что работа кончена. Когда его вытащили, он был вымазан грязью с ног до головы и походил на негра; мальчики смеялись, глядя на него. Обмыться было нечем, но Мафу посидел на солнце, и грязь, высыхая, отваливалась корочками с тела.

Когда опять набралась вода, ее попробовали; она была уже гораздо лучше, и ишаки напились вволю. По совету Мафу ее снова вычерпали до дна.

— Теперь пойдет совсем хорошая, — заявил рудокоп.

В этих занятиях время прошло до вечера. Надзиратель, бродивший по окрестностям в поисках другого колодца на случай, если первый не удастся очистить, вернулся с известием, что в соседней роще живут старый калмык с женой, которые караулят маленькую пашню с ячменем, оберегая ее от кабанов, зайцев и фазанов. Калмыки ничего не знают о дунганах, за лето не видели ни одного человека, но через неделю ждут возвращения своих. Старики понемногу молотят снопы и намолотили уже два мешка зерна. Это известие обрадовало наших путников, так как они надеялись купить ячменя или муки, а по приходе калмыков иметь мясо и молоко. Поэтому путешественники не поскупились на пшено, бывшее уже на исходе, для вечерней каши.

Утром отправились в гости к калмыкам. Старики жили в маленькой юрте, насквозь продымленной и настолько ветхой, что кошмы стен и крыши во мно-

гих местах просвечивали. Гости застали их за молотьбой. Разложив несколько снопов на маленьком токе, калмыки, сидя на корточках, били колосья гибкими прутьями, часто прерывая работу, чтобы подремать на пригреве. По соседству паслась на веревке коза — единственный скот старой четы, скудно снабжавший их молоком, которое с чаем и изамбой (поджаренной ячменной мукой) составляло всю пищу отшельников. Юрта стояла на окраине небольшой пашни, кое-как вскопанной и засеянной. Вокруг нее стеной высился сильно разросшийся бурьян, а за ним виднелась большая роща, над которой, словно уединенный форт, поднималась столовая гора из тех же желто-розовых слоистых пород, что и обрывы вокруг котловины.

Старики обрадовались неожиданным гостям (ведь целое лето они провели только вдвоем со своей козой и собакой), повели их в юрту и попотчевали жиденьким чаем с молоком. Лое отдал им несколькими кусочками сахара-леденца, а Лю Пи — горсточкой табака, чем несказанно обрадовал калмыка, давно уже курившего какие-то сушеные листья. Вечером, когда солнце село и сумерки опустились на котловину, старик и старуха пришли к новым поселенцам с ответным визитом. Они явились к ужи-ну и разделили скромную еду путников, которая показалась им роскошной. Когда котел с кашей уступил место чайнику и все закурили трубки, старый калмык, по просьбе лое, рассказал о Мертвом городе.

— Давно, давно, может быть, тысячу лет тому назад или больше — кто их считал, эти годы, кто записывал! — в этом городе жили люди, и вера у них была иная. Так я слышал от стариков, когда был еще маленьким. Уйгурами, что ли, звали этот народ. И были они подвластны большому хану, который жил где-то под Алтаем, а здесь в городе управлял маленький хан. Жил он со своими близкими и разными начальниками на большой горе, что стоит на дальнем краю города, а под горой жили его подвластные и солдаты.

Здесь, внизу, земля ценная, и вся эта котловина, где теперь только тополи и кусты растут и наш скот пасется, в те времена была возделана; от края и до края тянулись поля и сады. Поэтому и построили город рядом, в пустыне, чтобы не занимать место, годное для посева. Большой город был тогда. И теперь его пешком за день не обойдешь, пожалуй, дня два или три ходить будешь. Жителей в нем было много, но жилось им нехорошо. От зари до зари они трудились на полях и в садах, а жены их ткали дома ковры и шелка с утра до вечера. Весь урожай и всю работу они сдавали хану, а от него получали только скудное пропитание. Они же носили на себе в ханскую крепость воду из реки, доставляли топливо с Дарбуты и из гор, пасли ханский скот и лошадей вокруг озер Айрик и Улусту, где были луга и камыши, а сами не смели держать даже козу, никогда не видели ни молока, ни мяса. Надзиратели и солдаты держали их в повиновении и подгоняли на работе.

Хлеб, сушеные плоды, ковры и шелка хан отправлял на верблюдах к большому хану и получал от него разные товары, драгоценности для своих жен, оружие для солдат. Так и жили многие годы; такой порядок был и у предков хана.

Но однажды случилась беда. В горах, откуда течет река Дям, в конце лета, когда урожай с полей и садов еще не был собран, выпало много снега, а потом стало опять тепло, и он сразу растаял. Пришла большая вода и затопила всю долину, занесла поля песком и камнем, повалила деревья. Почти весь урожай пропал, и людям грозил голод.

И вот надумал хан: чтобы прокормить только здоровых рабочих людей, — всех лишних уничтожить; стариков и старух перебить, молодых женщин и девушек продать в рабство соседям, а на выручку купить хлеба для оставшихся и для сдачи большому хану.

Стали солдаты забирать женщин и детей в крепость, чтобы отправлять их караванами, стали прикармливать стариков и старух. И по всему городу

пошел плач, и люди потеряли голову. Смирные земледельцы взбунтовались, вооружились лопатами, мотыгами и, защищая своих близких, перебили надзирателей, солдат и осадили ханскую крепость. А в крепости воды своей нет, только приносная из реки, которую наливали в большие сосуды.

Когда вода кончилась, хан увидел, что дело плохо. Собрал оставшихся солдат, навьючил драгоценности на верблюдов, поджег все запасы хлеба в складах и ночью, прорвавшись через осаду, ушел со своими женами на Алтай к большому хану. Рабы разгромили крепость, но хлеба не нашли, и зимой в городе начался голод: кто умер, кто бежал. А то, говорят еще, большая буря случилась, и жилища всех оставшихся в городе людей песком засыпало, и все они, обессиленные голодом, погибли. Так рассказывают люди, правда ли, нет ли — не знаю.

Старик замолчал и смотрел на огонь, словно видел перед собою картину гибели города. Молчали и слушатели, подавленные его рассказом о событиях, похожих на то, что было теперь: восставшие осаждали и грабили города, опустошали страну, и людям грозил голод. . .

Потрескивали сучья тополей в костре, бросая красноватый свет на смуглые задумчивые лица, на шероховатые стволы тополей, на трех дремавших ишаков, равнодушных к людским тревогам. Во мраке ночи тихо шелестели листья. По временам кричала сплюшка.

— Так с тех пор уже много веков пустует этот город, — заговорил опять калмык, очнувшись от раздумья. — Долго пустовала и долина, заросла рощами, кустами, не оставалось и следа прежних полей и садов. А потом с великим Чингиз-ханом пришли наши предки и поселились здесь — место для наших зимовок хорошее, теплое. Только воды в реке стало меньше. Прежде, говорят, по всей долине текла вода канавками по пашням и садам, а теперь с половины лета и в самой речке только ямы с водой остаются. . .

— А вы свой хлеб разве не поливаете? — спросил Лю Пи.

— Весной два раза полили, — ответил калмык. — Весной вода из речки сюда доходит. А потом хлеб уже растет кое-как и без полива.

— А волков здесь много водится? — любопытствовал Хун.

— Водятся, мальчик, водятся. Где волков нет? Где хуан-янг, там и волк, они друг друга стерегут. Живут они в городе, в развалинах прячутся, а по ночам и сюда забегают. Мы свою козу и собаку ночью в юрте держим, а то бы их давно съели. И вы за ишаками посматривайте, ночью привязывайте возле себя.

Калмыки поднялись и стали прощаться.

— Тихо теперь здесь, совсем тихо, — сказал старик, удаляясь. — А вот скоро наши придут, тогда шумно и весело будет.

Но рассказ старика о Мертвом городе это лишь легенда, передаваемая у калмыков из рода в род с разными прибавлениями. В действительности в нем нет развалин зданий, построенных руками человека, и никто никогда здесь не жил. Все разнообразие форм Мертвого города — замки, башни, стены, улицы и переулки, шпицы, столбы, памятники, часовни, гробницы — создано природными силами: выветриванием и размывом.

Весь город сложен из мягких песчаников, переслаивающихся с песчаными глинами зеленоватых, розовых и желтоватых цветов, которые легко размываются водой и развеиваются ветром. В этих мягких породах много твердых конкреций, т. е. стяжений, богатых известью, извлеченной грунтовой водой из пород и сосредоточенной вокруг определенных центров, которые стягивали к себе растворы. Эти конкреции имеют очень разнообразную форму и величину; одни из них представляют собой шары, похожие на пушечные ядра, другие яйце- или клубневидны, третьи состоят из многих клубней, спаянных друг с другом. Благодаря своей твердости они выступают при выветривании окружающей породы,

образуя карнизы, вершины шпигцев, столбы и т. д. Шаровидные конкреции, выдающиеся в стенах, очень напоминают старинные пушечные ядра, застрявшие при бомбардировке. В этих породах иногда встречаются также прожилки белого прозрачного гипса, которые выпадают из выветривающихся обрывов, дробятся на куски и создают иллюзию осколков оконного стекла.

Эти песчаники и глины залегают толщей в несколько сот метров. Они образовались очень давно, несколько миллионов лет тому назад, в виде осадков на дне огромного озера. Вот почему в глинах иногда попадаются отпечатки пресноводных раковин и окатанные косточки земноводных животных. Возможно, что многие конкреции в песчаниках включают остатки организмов, населявших озеро: раковины, косточки, даже скелеты, которые и вызвали стяжение к ним растворов, содержавших известь; внутри конкреций вообще нередко находят такие остатки.

Это озеро давно уже исчезло, и толщу его осадков постепенно размывали дожди, врезали в нее сеть рытвин, логов и оврагов, расчленившую осадки на крупные и мелкие части. В настоящий период климат Джунгарии очень сухой, дожди редки; но расчленению толщи, образованию новых башен, стен, столбов и прочих форм помогают ветры, дующие здесь часто и достигающие силы бурь. Они сдувают со стен песчинки и пылинки, отделившиеся от пластов благодаря процессам выветривания, о которых мы говорили, описывая образование ниш в граните. Этим рыхлым материалом засыпаны все улицы и переулки Мертвого города, и нога вязнет в нем до щиколотки.

Мертвый город Орху — замечательный пример созданных силами природы красивых форм. Он поражает их разнообразием и сходством с человеческими сооружениями. Автор, открывший это место во время геологических исследований, так и назвал его «эоловым городом», т. е. городом, созданным эоловыми, воздушными силами.

БАЛМЫКИ ПРИШЛИ

В ожидании прихода калмыков с баранами беглецам пришлось добывать пищу охотой, чтобы растянуть небольшие остатки муки и пшена на более продолжительное время. Мальчишки бродили с луком и стрелами в рощах и зарослях, и им почти каждый день удавалось добыть неосторожного зайца или зазевавшегося фазана; но на пять человек это было немного. Мафу берег свои заряды для более крупной дичи, но она не выходила в котловину. Мальчишки уговорили его сходить с ними в Мертвый город, где можно было встретить антилоп.

От роши с колодцем, где стояли беглецы, Мертвый город был отделен довольно широкой полосой камышей, занимавшей впадину, которую весной затопляла вода из реки, вздутой таянием снега в горах. За ней сразу начинались плоские холмы с рыхлой почвой, в которую глубоко погружались ноги. Вскоре показались и первые развалины — полуразрушенные башни, одни низкие и широкие, другие высокие и узкие, и многочисленные стены глинобитных фанз, разбросанные то густо, то редко среди голых площадей с той же рыхлой почвой. Местами попадались впадины-солончаки с зеленеющими кустиками солянок, тамариска и хармыка.¹ В одном месте путешественники заметили группу облупившихся памятников, похожих на надмогильные, напоминавших лежащих львов, саркофаги и урны. Потом началась широкая улица, окаймленная довольно высокими стенами больших зданий, чередовавшихся с башнями. Местами в изобилии валялись осколки какого-то твердого вещества, то бесцветного и прозрачного, то мутнобелого. Трудно

¹ Хармык — куст с очень длинными, но тонкими ветвями, мелкими листочками и сладко-солеными ягодами, которые любят верблюды. Хармык растет на плоских кучах песка, покрывая их своими стелющимися ветвями.

поверить, что все это создано природой, а не человеком.

— Я думаю, — сказал Мафу, подняв и рассматривая какой-то осколок, — что это стекло.

— А что такое стекло? — спросили мальчики, никогда не видевшие стекла, неизвестного в глуши Китая.

— Это твердая и совсем прозрачная бумага, которую умеют делать ян-гуйце.¹ Ее вставляют в окна, и тогда в комнатах светло и тепло. Такую бумагу нельзя проткнуть пальцем или кончиком языка, как нашу, и сквозь нее все видно.

Хун и Пао взяли по куску стекла, чтобы показать Лю Пи.

Охотники пошли дальше, а город все время тянулся справа и слева, то поднимаясь на холмы, то опускаясь в широкие долины. Местами расстилались большие пустыри, представлявшие голую пустыню, песчаную или усыпанную галькой, или солончаки с кустиками и буграми наносного песка. Башни разнообразных форм чередовались со стенами, небольшими зданиями, похожими на часовни, огромными изваяниями каких-то чудовищных животных, острыми шпицами и обелисками. Все это было разрушено, обвалилось, облупилось. Мальчики, никогда не видевшие такого большого города, с удивлением разглядывали сооружения.

Наконец, дошли до обширной голой и ровной площади, за которой поднималась «крепость хана» — высокая, со множеством выступов, карнизов, башен, спускавшихся ярусами сверху донизу. Крепость с этой стороны казалась неприступной твердыней.

— Хан, видно, боялся своих рабов, — сказал Хун, — и построил свой дворец совсем отдельно.

Голая площадь у подножия вся была усеяна осколками камня разных цветов — зеленого, красного, белого, желтого, — гладкими наощупь и блестящими под лучами солнца. Мальчикам они по-

¹ Ян-гуйце — «заморские черти», как в Китае часто называли европейцев.

нравились, и они стали набирать целые горсти этих осколков.

-- Это, верно, кусочки ханской посуды, которую перебили рабы, когда грабили крепость, — сказал Пао. На всем пути по городу охотники не встретили ни одного живого существа, если не считать нескольких ящериц и жуков на солончаке. Все было мертво и пусто; могильная тишина царила среди этих бесчисленных сооружений.

На обратном пути с одного из холмов Мафу показал детям видневшиеся впереди вершины деревьев оазиса. На спуске они наткнулись на свои же следы и пошли по ним. На повороте Мафу заметил впереди трех антилоп, медленно переходивших через широкую улицу, направляясь на север. Он остановил своих спутников, повел их обходом наперерез животным в соседнюю улицу, где все трое притаились за песчаным бугром, увенчанным жидкими кустами. Рудокоп приготовил ружье, нацелившись через кусты. Немного погодя из промежутка между зданиями вышли уже пять антилоп и стали пересекать улицу, уверенные в своей безопасности, так как летом, когда калмыки были в горах, никто, кроме волков, не тревожил животных. Они были в полусотне шагов от охотников и остановились полизать соль на солончаковой площадке. Неожиданно грянул выстрел. Одна из антилоп пошатнулась, отскочила в сторону и упала; остальные стремглав, большими прыжками, понеслись дальше и скрылись среди развалин.

Мафу и дети побежали к добыче. Животное еще дышало, лежа на боку и раскинув ноги; на рыхлой почве виднелось пятно крови. •

Удалив, хотя и с сожалением, желудок, кишки и брюшину антилопы, которые ведь тоже представляли пищу, Мафу взвалил тушу на плечо. Хотя ноша была тяжела и рудокоп обливался потом, но перспектива нескольких вкусных обедов и ужинов заставляла его бодро шагать вперед. К роще пришли уже в сумерки и обрадовали Лю Пи и надзирателя неожиданной прибавкой к ужину.

Прошло несколько спокойных и теплых осенних дней. Однажды под вечер Лю Пи, поивший ишаков у колодца, от которого видно было устье долины Дяма, заметил, что там появились какие-то люди.

«Уж не дунгане ли?» — с тревогой подумал он.

Скоро можно было различить верблюдов с вьюками, крупный и мелкий скот. На конях с обеих сторон гарцовали всадники с копьями.

— Это калмыки идут на зимовку, — сказал Мафу, влезший на дерево, чтобы лучше видеть.

Выйдя в котловину, караваны стали распадаться; одни уходили налево, другие направо, распределяясь по своим угодьям. К роще, где жили пришельцы, направились только два верблюда. На одном из них была навьючена юрта, на другом сидели две женщины с маленькими детьми. Старуха, ехавшая верхом на корове, гнала несколько голов рогатого скота и десятка три овец и коз. Мужчины и подростки скакали по сторонам, оберегая табунок лошадей. Заметив у рощи людей, наездники остановили свой караван, поскакали вперед и, не доезжая рощи, приготовили копыя и окликнули:

— Что за люди? Кто занял нашу зимовку?

Переговоры продолжались минут пять, в течение которых калмыки все выспросили, рассмотрели и, признав пришельцев неопасными, решились подъехать; они соскочили с коней и подошли.

— Амур сайн бейна! ¹ — сказал старший.

— Амур сайн, амур сайн! — ответил Мафу.

Калмыки тотчас же присоединились к костру беглецов, достали трубки и завели разговор о грозных событиях последнего времени.

— Мы опасаемся, что дунгане заглянут и сюда, — сказал один, имевший на своей черной круглой шляпе с загнутыми вверх полями и красной кистью медную шишку, указывавшую его звание маленького чиновника. — С Джаира все кочевники ушли на Куйтун, подальше от войны. Наши летовки — на горах Уркашара, и мы решили вернуться сначала сюда и выждать.

¹ Монгольское приветствие.

Скоро можно было различить верблюдов с вьюками

— И разузнать, где дунгане и куда еще собираются итги, — прибавил второй.

— Завтра пошлем разведку в Чумпацзы и на Кобук, — сказал третий. — После разграбления рудников, как сказывают люди, дунгане разделились. Одна часть ушла на Кобук, другая на Манас грабить китайцев, а третья осталась в Чумпацзы.

— Совсем разорили весь край, — продолжал первый. — Пожалуй, ни одной китайской заимки не осталось, весь народ разбежался, два города сожгли.

— Худо будет теперь, хлеба не стало, а сеять некому; придется и нам эту зиму жить без хлеба, как жили наши деды, пока китайцы не пришли сюда.

— А кому мы будем продавать шерсть, шкуры, баранов, лошадей?

— Вот дунгане лишнее отберут, и тогда продавать нечего будет, — успокоил калмыков Мафу.

— Пусть попробуют! Мы им накладем! — грозился младший калмык.

Пока мужчины разговаривали, женщины развьючили верблюдов и начали ставить юрту на окраине рощи: монгол не любит жить в тени, ему нужно солнце и простор. Раздвинули и поставили кругом решетчатые бока, водрузили верхний конус и привязали его жерди к решетке; покрыли войлоком бока и крышу. Меньше чем в полчаса юрта была готова. Женщины развели в ней огонь и стали варить чай; тогда и беседовавшие мужчины отправились к себе.

Эта ночь была не так спокойна, как прошлые. Отовсюду доносились лай собак, мычание и блеяние скота, рев верблюдов, людские голоса, песни. Котловина ожила.

Прошло еще два дня, в течение которых беглецы постоянно принимали гостей-калмыков, приезжавших с разных сторон поговорить, сообщить и узнать новости. Надзиратель сторговал у них жирного барана, чтобы отплатить рудокопам, которые

до сих пор снабжали его мясом из охотничьей добычи.

К вечеру вернулись разведчики, посланные в Чумпацзы, и принесли весть о том, что дунгане собираются итти в Орху; у них кончился запас скога, взятого на займах, и они рассчитывают поживиться у калмыков. Разведчики подкрались к самому лагерю дунган и подслушали их разговоры. Отряд состоит из сотни с лишним всадников.

Эта весть немедленно разнеслась по котловине. Взад и вперед скакали калмыки, собирались кучками и совещались. Молодежь была настроена воинственно и хотела отбить непрошенных гостей оружием, но старшие решили откочевать на юг в пески за озером Айрик в надежде, что туда дунгане не решатся итти и, не найдя в Орху никакой поживы, уйдут на Манас. Тогда можно будет вернуться на зимовки.

Беглецы вечером тоже обсуждали, как им быть, — итти ли с калмыками или укрыться в Мертвом городе.

— Здравствуйте, приятели, кушали — не кушали? — раздалось вдруг приветствие, и из темноты к огню подошли какие-то незнакомые люди.

Мафу бросился к ружью, Лю Пи и лое вскочили, рассматривая с недоверием пришельцев, которые были вооружены вилами, топорами и дубинами.

— Не бойтесь, приятели, мы не дунгане! — успокоил рудокопов один из пришельцев. — Мы беглецы из Кобука, нас двенадцать человек с женами и детьми. Мы едва спаслись от дунган, два дня шли через пустыню. Пустите нас ночевать здесь, дайте воды, мы с утра не пили, не ели.

— Положите ваше оружие на землю и тогда подходите, — разрешил Лю Пи.

Пришельцы исполнили приказ и ушли назад в темноту. Вскоре они вернулись с целым караваном из десяти ишаков, на которых был навьючен разный скарб, сидели женщины и дети. С ними были корова, две козы, две собаки.

— Вот мы теперь здесь все свои, китайцы, — заявил один из них.

— Располагайтесь в роще, места всем хватит, и вода близко, — пригласил Лю Пи.

— Только знайте, что завтра к полудню сюда придут дунгане из Чумпацзы, и мы сами уйдем отсюда, — предупредил Мафу.

— Завтра — что судьба даст, а сейчас нам нужно поесть и отдохнуть.

Выбрав место по соседству, пришельцы развьючились; мальчик показал им колодец. Наши беглецы помогли им начерпать воды, уделили топлива из своего запаса.

Запылал второй костер, забурлили котлы и чайники, усталые люди разлеглись вокруг них. Некоторые мужчины подсели к рудокопам и сообщили, что на Кобук дунгане нагрянули неожиданно. Они пришли по подгорной дороге из Дурбульджина, всего только полсотни конных. Китайцев на Кобуке живет больше сотни мужчин, но заимки очень разбросаны — в пяти, в десяти ли одна от другой, и в каждой людей немного. Дунгане и начали грабить их по очереди.

— Наши заимки на краю пустыни, в низовьях речки, и мы успели спастись. Увидели дым, услышали выстрелы, крики, догадались, наскоро собрались и ушли, — рассказывал один.

— Мало кто спасся с Кобука, — прибавил другой, — разве ушли на ту сторону или на солончаки в низовьях. А мы никого не видели.

— Мы шли сюда два дня, надеясь, что найдем здесь воду, корм и калмыков. Ночевали без воды в пустыне, топлива нехватило, ночью у нас волки задавили одного ишака, — сказал третий. — А куда идти теперь, куда бежать дальше?

Эта ночь была беспокойна. У пришельцев плакали маленькие дети, по всему оазису лаяли и выли собаки, словно предчувствуя надвигающуюся беду, мычали коровы, блеяли овцы, ревели верблюды, перекликались люди. Тревога охватила зимовки мирных кочевников.

В МЕРТВОМ ГОРОДЕ

Калмыки с утра стали собираться к перекочевке на юг, и мимо рощи один за другим потянулись обитатели северной части оазиса со всем своим скарбом и скотом, женами и детьми. Мерно покачиваясь, проходили верблюды, поднимая пыль с бурьяна, бежали лошади, тесной гурьбой семенили овцы и козы, взад и вперед скакали верховые. На высоком уступе между низовьем реки Дям и котловиной, с которого видна была и пустыня на западе, и долина реки, и спуск с гор Кара-Арат, был выставлен дозор; увидев издали дунган, он должен был подать весть всем замешкавшимся и подгонять отсталых.

Рассчитывая на это, рудокопы и китайцы, которым уходить в развалины было недалеко, не торопились с отъездом, чтобы дать своим животным время подкормиться поплотнее перед предстоящим постом, а сами собирали дрова, нарезали камыш, женщины варили обед. Мафу с утра ушел в Мертвый город, чтобы выбрать подходящее укромное место для убежища.

Перед полуднем снялись и ушли калмыки, стоявшие у рощи. У рудокопов и китайцев все было готово, камыш и топливо связаны в вязанки, все фляги наполнены водой, животные напоены досыта, люди пообедали. Мафу вернулся с известием, что нашел хорошее убежище.

Вскоре после обеда дозорные на уступе замахали и стали поспешно спускаться. Тотчас же тронулся в путь и караван наших беглецов. Мафу повел его сначала по полосе камышей вдоль оазиса, а потом повернул его в выходившее из города сухое русло, густо усыпанное мелкой галькой, на которой животные не оставляли следов, могущих привести дунган к убежищу. Только пройдя два или три ли вглубь города, караван повернул в сторону, пересек несколько улиц с развалинами и подошел к месту,

выбранному Мафу. Это был кривой тупик между высокими стенами, защищавшими от ветра и солнца. Выход из него на большую улицу почти загораживали развалины башни, оставившей узкий проход, который легко было оборонять от врагов и оберегать от волков. В тупике хватало места и для людей и для животных.

Беглецы одобрили выбор и расположились в новом убежище; следы, которые вели к нему через улицу, по рыхлой почве, тщательно затерли. Был отдан строгий приказ не шуметь и не разводить огня до наступления ночи, так как первый день казался наиболее опасным. Дунгане, не найдя никого в Орху, могли послать разъезды по окрестностям для поисков. Шум или дым привлекли бы их внимание. Поэтому, выставив двух караульных у входа, все легли спать в тени; сытые животные также дремали, спустив головы.

До сумерек время прошло в полной тишине, караульные слышали несколько выстрелов, донесшихся из оазиса: дунгане, вероятно, охотились на какую-нибудь дичь или отбившийся у калмыков скот. Когда стемнело, развели огонь и стали варить ужию и чай. Костер бросал красные отблески на голые глинистые стены, из которых местами выдавались какие-то странные выступы, то шарообразные, словно ядра, засевающие при стрельбе, то напоминавшие головы фантастических животных, то казавшиеся костями замурованных людей. У подножия расположились кобукские китайцы; женщины, растегнувшись, кормили младенцев; дети постарше чинно сидели, устремив черные глазки в огонь. Ближе к выходу ишаки тесной группой жевали камыш, и над их серыми спинами выдавалась черная спина коровы. Рядом, свернувшись клубком, спали собаки. Кучками лежали вещи, вязанки камыша и дров.

Ночь прошла спокойно. У входа сменялись караульные, оберегавшие лагерь от волков; звери были по-соседству и подходили совсем близко; их отгоняли палкой и головнями из костра. Когда

солнце поднялось над «крепостью хана», видневшейся на востоке позади ближайших холмов, один из кобукских китайцев спросил Лю Пи:

— Не пора ли послать разведчика в Орху? Он заодно принес бы нам воды. Дунгане, наверно, уже ушли.

— Ты очень торопишься, — вмешался Мафу. — Объехать и осмотреть всю котловину они вчера не могли. Наверно, останутся еще денек и будут рыскать. Да и коням отдохнуть нужно.

— У нас воды нехватит до вечера, — настаивал китаец, — дети очень много пьют.

— Тише, тише! — заговорил подбежавший караульный. — По улице в нашу сторону едут два всадника.

— Далеко? — спросил Мафу.

— Чуть видны.

— Всем притаиться, ни звука! — скомандовал лое. — Авось не заметят, проедут мимо.

— Что делать? — слышались встревоженные голоса.

— А если случайно заглянут?

— Тогда нужно покончить с ними! — заявил Мафу, — иначе они ускачут и приведут всю шайку. Двое с вилами пусть спрячутся возле башни, я приготавливаю ружье, еще двое с топорами должны быть наготове. Женщин и детей — совсем назад, вглубь, ишаков — впереди них, чтобы не мешали нам. Лошадей не бить — они нам пригодятся. Людей на вилы — и долой с коня!

— Рысью едут, уже не так далеко, — сообщил караульный, — с ружьями.

— За хуан-янгами поехали. Ну, все по местам! — скомандовал Мафу.

Женщины и дети сгруппировались в глубине тупика; впереди них поставили ишаков и корову, очистив у входа всю площадь для бойцов. Мафу установил на сошки ружье, направив его на вход на высоту груди всадника, насыпал на полку свежего пороха и присел рядом. Два китаец с вилами и два с топорами притаились за развалинами башни, осталь-

ные немного поодаль, кто с дубинкой, кто с заступом, Лю Пи со своим топором. Караульному велели отползти вглубь, как только всадники подъедут совсем близко.

В тревожном ожидании проходили минуты. Вот уже послышались голоса, и караульный прошмыгнул мимо засады вглубь. Все притаились, с бьющимся сердцем устремив глаза на вход. Но всадники проехали мимо, не заглянув в тупик. Опасность миновала. Однако за охотниками, искавшими антилоп, могли последовать разведчики, осматривающие город в надежде, что в нем калмыки спрятались вместе со скотом. Поэтому караул у входа в тупик был оставлен, а беглецам лое запретил разводить огонь и шуметь.

Проходили часы, солнце поднялось высоко, и между голыми стенами стало душно. Дети плакали и просили воды, чтобы запить сухой хлеб, которым пообедали. Им пришлось отдать последнюю. Около полудня оба всадника рысью проехали обратно. Караульный, выглянувший вслед им, заметил, что у одного за седлом привязана антилопа. Услышав это, Мафу, томившийся от безделья, воскликнул:

— Пойду-ка и я на охоту. Мясо у нас кончилось.

— Смотри, на разъезд дунган наткнешься! — сказал Лю Пи.

— В жару они не поедут, отдыхают теперь. А если встречу одного-двух — я с ними справлюсь. Только надо бы взять ишака, тащить хуан-янга на своих плечах тяжело, придется оставить волкам часть мяса.

Один из кобукских китайцев предложил Мафу своего ишака.

— Только ты сам иди со мной, — заявил рудок. — Когда я стану скрадывать хуан-янга, ишака кто-нибудь должен держать, иначе он убежит. Привязать его здесь в городе не к чему, по улицам часто даже маленького кустика нет.

Китаец Си вооружился топором, Мафу взял ружье, и оба отправились по той же улице, по которой

вернулись дунгане. Они бродили часа два по пустынному городу, останавливаясь на перекрестках.

Наконец, Мафу заметил в тени круглой башни группу отдыхавших антилоп. При виде людей они вскочили, но остались на месте. Мафу велел Си спрятаться за ишаком и не двигаться, чтобы не пугать дичь, не привлекать ее внимание, а сам отполз назад, повернул в боковую улицу и подобрался к той же башне с другой стороны против ветра на верный выстрел. Антилопы все еще стояли, разглядывая ишака, дремавшего с опущенной головой. Мафу примостился позади остатков стены, направил ружье через отверстие в ней и выстрелил. Одна антилопа рухнула, другие скрылись, проскакав мимо ишака.

В этот раз не пришлось свежевать дичь и оставлять что-нибудь. Антилопу взвалили целиком на ишака и кратчайшим путем пошли к лагерю. Недалеко от места охоты они вышли на широкую площадь. По ней тянулись грядки низких холмов, цвет которых на общем желтом фоне пустыни резко бросался в глаза. Склоны холмов были усыпаны кусочками черного камня, а по гребню тянулась сплошная полоса такого же камня, который уходил жилой вглубь. Таких жил здесь встречалось много, одни в ладонь, другие больше локтя¹ в толщину.

— Это похоже на земляной уголь, — сказал Си, осмотрев кусочки камня. — В Темиртаме, возле Джаира, наши китайцы добывают такой уголь в шахтах.

— Если это уголь, он должен гореть, — сообразил Мафу. — Нам в убежище топливо нужно, дрова кончаются, а это место близко от нас. Я наберу на пробу.

Рудокоп наломал из жилы целую кучу черного камня, оказавшегося очень хрупким и легким, завернул его в кофту и взвалил на плечо.

Солнце уже склонилось к закату, когда путники добрались до убежища. Их долгое отсутствие начало

¹ Локоть — старинная линейная мера, около 0,5 метра.

тревожить беглецов, хотя поблизости все было спокойно. Изредка слышны были отдаленные выстрелы в котловине, доказывающие, что дунгане еще не ушли; один выстрел, раздавшийся среди развалин, напугал Лю Пи. В убежище чувствовался недостаток воды, которой животным не давали. Коровы от жажды мычала, и это тревожило китайцев: она могла выдать врагам убежище.

— Если покажутся опять дунгане поблизости, придется ее зарезать, — решил Лю Пи.

Спустился вечер. Красное, без лучей, солнце скрылось в пыльной дали, и ночью или на утро можно было ждать бури.

— Если задует хый-фын вечером, мы ночью пойдем к колодцу за водой, — заявил Лю Пи. — Дунгане будут спать, завернувшись с головой, и ничего не услышат.

Стемнело. Зажгли костер и, когда он разгорелся, наложили в него куски черного камня. Он скоро начал плавиться и горел огромным, сильно коптившим пламенем. Часов в десять вечера поднялся ветер. Стоявшая низко ущербная луна почти скрылась за пыльной завесой. Стены убежища защищали беглецов от бури, но над их головами в воздухе проносились тучи пыли, сыпавшейся и в тупик. Ветер так стонал, выл, плакал на все лады среди башен и стен, что всем стало жутко.

— Ну-ка, ребята, собирайтесь за водой! — сказал Лю Пи. — Я возьму с собой только Пао, Хуна и одного из кобукских. Мальчикам легче подползти к колодцу и набрать воды в флаги.

ХУН В ПЛЕНУ

Скоро три мальчика и Лю Пи, вооружившийся на всякий случай ружьем, пустились в путь с корзинами за плечами. Они пересекли улицу, вышли на сухое русло, где было легче идти, чем по рыхлой почве в развалинах, и направились к оазису, борясь

на каждом шагу с бурей, которая налетала порывами и засыпала глаза пылью.

Луна скрылась в тучах, было совершенно темно, и Лю Пи, шедший впереди, едва различал серую почву русла. Часто приходилось останавливаться и поворачиваться спиной к ветру, чтобы передохнуть и прочистить глаза, нос и рот. Поэтому путь до котловины занял целый час. Наконец, добрались до камышей и остановились, чтобы прислушаться. В котловине нигде не было видно огней, только ветер гудел в рощах, покрывая все другие звуки.

По окраине камышей осторожно прошли до знакомой рощи с колодцем и здесь, присев в камышевых зарослях, послали Хуна на разведку. Глаза привыкли уже к темноте, да и пыли в котловине было гораздо меньше; поэтому в серой мгле удавалось различать очертания деревьев. Хун медленно пополз к колодцу и вернулся с сообщением, что в роще нет никого, но дальше, среди котловины, виден маленький огонек, а возле него сидят люди и стоят лошади.

Хун и Пао спокойно пошли к колодцу с двумя флягами, котелком и веревкой. Они проворно стали черпать воду и наливать ее в фляги. Когда первая наполнилась, Пао понес ее в камыши, а Хун налил вторую; она была полна, когда Пао вернулся с третьей, пустой. Так были налиты все четыре фляги, причем последнюю нес сам Хун. Но, сдав ее сидевшим в камышах, он спохватился, что забыл взять котелок и веревку. Пришлось идти еще раз. На обратном пути он немного сбился, взяв вправо по роще, и вдруг почувствовал, что его кто-то схватил за ногу и грубый голос крикнул:

— Эге, попался, вор! Ты чего тут шатаешься ночью?

Хун стал вырываться, но его держали крепко, и тот же голос крикнул:

— Эй, вы, сони, засветите огонь, я поймал чужого, разведчика или вора.

Немедленно с земли поднялось несколько темных силуэтов, послышался скрежет стали о камень, загорелся трут и вспыхнул огонек в заготовленной кучке мелкого хвороста. При свете его Хун увидел, что попал в дунганский караул, расположившийся на окраине котловины. Тут было человек десять, но из-за бури они все лежали, укрывшись с головой, и караулили не очень усердно. Дунгане разглядывали Хуна с любопытством.

— Ты откуда, мальчик? — спросил державший его за ногу.

— Я калмык, — догадался ответить Хун.

— Куда ушли калмыки?

— Далеко, в пески Кобэ, от вас бежали.

— А ты почему остался?

— Меня забыли, я ходил по рощам, заблудился, а все в это время ушли.

— Отчего ты не пошел вслед своим? Дорогу, небось, знаешь?

— Я видел, как вы приехали, испугался и спрятался в камыши. Сутки высидал, не евши, не пивши и вот пошел к колодцу за водой. Видишь, котелок и веревка у меня.

— А не хотел, кстати, обокрасть нас? — засмеялся державший Хуна.

— Отпустите меня, хорошие люди, я хочу пить, очень хочу, — просил Хун.

— Врет он, негодяй, — вмешался другой дунганин. — Сразу видно, что врёт. Говорит, гулял по рощам. А откуда у него котелок и веревка? Что он, с ними все время гулял, что ли? Такой запасливый! Нет, он украл их у наших.

— Ничего я не украл! — возмутился Хун.

— Если это твои вещи, то, значит, тебя не забыли, как ты рассказываешь. Твои родные спрятались где-нибудь поблизости в холмах и послали тебя к колодцу за водой, вот что.

— Пожалуй, это так, — согласился первый.

— Его отпускать нельзя, — продолжал второй. — Мы от него узнаем, где спрятались калмыки со своими стадами.

— Ничего я не знаю! Ничего не могу сказать. Они ушли, меня забыли, — твердил Хун.

— Ну, завтра мы тебя настеегаем нагайками хорошенько, тогда ты вспомнишь, откуда пришел. Всю шкуру спустим с тебя, а узнаем!

— Нужно связать ему руки и ноги, чтобы не удрал в темноте. Давай-ка веревку!

— Вот он сам и веревку держит для себя! — засмеялся кто-то.

Хун сделал отчаянную попытку вырваться, но его быстро свалили на землю, связали ноги, а руки туго притянули к спине. Хун подумал было позвать на помощь Лю Пи с ружьем, но сообразил, что дунган много; схватка приведет только к гибели рудокопа и других мальчиков и к открытию убежища. Он решил выждать удобный случай к бегству, пользуясь бурей, темнотой и сном дунган. Так как похолодало, а Хун был босой и в летних штанах и куртке, то дунганин, легший возле него, прикрыл его краем своего ватного халата.

Хун лежал с открытыми глазами и ломал себе голову, как ему освободиться. Дунгане курили трубки и разговаривали.

— Отчего вы так поздно вернулись с охоты? — спросил чей-то голос.

— Очень далеко заехали, — ответил другой. — Я подкрался к хуан-янгам, подстрелил одного. Мы погнались за ним, гнали, гнали по следам. Так и не догнали.

— А Янг и Чжан до сих пор не вернулись с охоты, — сказал другой, — наверно заблудились.

Дунгане поговорили еще немного, но постепенно сон одолел их; огонек догорел и погас, в роще стало темно.

Лю Пи и оба мальчика, сидевшие в камышах в ожидании возвращения Хуна шагах в тридцати от дунган, слышали шум, голоса, увидели огонек и людей и догадались, что бедный мальчик попал в руки врагов. Лю Пи взялся было за ружье, но стрелять он умел плохо и понял, что стычка кончится не в его пользу.

«Хун — мальчик ловкий, он сам улизнет, ночь еще длинна», — подумал он и, взвалив себе на спину вторую корзину, назначенную для Хуна, поспешно ретировался со своими спутниками подальше в камыши, опасаясь, как бы дунгане не вздумали пошарить вокруг своей стоянки после поимки ночного гостя. Помедлив еще немного и видя, что огонь продолжает гореть и люди бодрствуют, он решил идти в убежище и посоветоваться с Мафу, как освободить пленника.

Обратный путь оказался не легче. Ветер повернул и дул не в спину, а в бок, попрежнему засыпая глаза песком и пылью, сдуваемыми с развалин; дорога шла в гору, а за плечами был довольно большой груз. Наконец, прошагав вверх по руслу, вышли на улицу и увидели прямо против себя среди серой мглы темную массу, над которой висел красноватый отблеск: это костер в убежище освещал пыль, наполнявшую воздух. Тотчас же их окликнули караульные.

Свежая вода оживила всех. Сейчас же налили чайники и поставили на огонь. Но когда Лю Пи рассказал, что эта вода стоила свободы Хуну, лица у всех вытянулись, и многие подумали, что мальчик едва ли вернется. Особенно огорчился лое, успевший полюбить бойкого и смышленного подростка.

— Нужно освободить его до утра, — сказал он. — Нас тут девять мужчин, мы имеем три ружья, три топора, двое вил, две сабли. Если мы перед рассветом нападём на сонных десять дунган, — их человек десять только, говоришь ты, — мы их можем одолеть.

— Но по-соседству их гораздо больше, и остальные прибегут на помощь. Без шума ведь дело не обойдется. Нет, лое, твоё предложение не годится, мы только зря погибнем, а его не спасем, — заявил Лю Пи.

— Если Хун не вернется через час, — сказал Мафу, — я пойду прямо к ним, выдам себя за

одного из них. В темноте они не разберут. Высмотрю где Хун, и мы вместе удерем, когда они опять заснут.

Чайники вскипели. Мафу напился чаю и подкрепился еще шашлыком. Полночь, вероятно, уже миновала, но так как звезд не было видно, то определить время никто не мог. Хун не являлся. Мафу взял ружье и отправился. Лю Пи проводил его до русла и сообщил сколько шагов насчитал Пао до камышей.

— Да пошлет тебе небо удачу! — пожелал он ему при расставании.

Хый-фын завывал попрежнему, и его порывы чуть не валили с ног. Мафу надвинул шапку на глаза, и шел ощупью по руслу, считая шаги, по временам останавливаясь и поворачиваясь спиной к ветру, чтобы отдышаться. Но вот под ногами зашуршали камыши; рудокоп осмотрелся и увидел впереди рощу, чуть выделяющуюся в серой мгле. Он пошел прямо к ней и, достигнув первых деревьев, начал кричать попережку с дунганскими ругательствами.

— Где вы тут попрятались, шайтан бы вас взял, заснули что ли, караульные!

Вскоре из темноты послышался сонный голос:

— Эй, кто там идет? — и одновременно Мафу услышал поблизости испуганный храп лошадей, а в нескольких шагах дальше споткнулся о чье-то тело и выругался еще раз.

— На самой дороге лег, другого места не нашел!

Потревоженный тоже выругался и сонным голосом спросил:

— Это кто, Чжан и Янг? С добычей? Где так долго пропадали?

— Заблудились в этих проклятых развалинах, очень далеко заехали, песок глубокий, кони пристали. Янг еще идет, его конь совсем замотался.

— Добыли что-нибудь по крайней мере? — спросил другой голос.

- Одного хуан-янга привез.
- Хорошо, завтра шашлык будет.
- Недурно бы сейчас, да ветер не даст жарить.

Во время этого разговора Мафу присел вблизи собеседника, достал трубку, высек огонь, закурил и при слабых вспышках табака старался рассмотреть расположение спавших людей и узнать, где сидит Хун.

— А мы тут калмычонка поймали, — продолжал дунганин, зевнув. — Завтра будем его сечь, чтобы он сказал, где спрятались калмыки.

— Вот как! — сказал Мафу. — Я днем в развалинах тоже наткнулся на одного, хотел подстрелить, да он успел спрятаться. Не этот ли самый? Где он?

— Он лежит возле десятника связанный. Завтра увидишь.

Хун, все время не спавший, сразу узнал голос Мафу, но не верил своим ушам. На всякий случай, чтобы показать, где он лежит, он сказал громко и жалобно:

— Добрые люди, дайте поесть, я уже больше суток голодаю!

Дунганин фыркнул, а Мафу проговорил:

— Подожди до утра, мальчик! Мы тебя так накормим нагайками, что ты станешь совсем красный.¹

Теперь Хун не сомневался, что Мафу пришел за ним, и успокоился.

Мафу громко зевнул и сказал:

— Поспать нужно, очень я устал. Полночь, наверно, миновала.

— Спи, спи! — проворчал дунганин. — В такую погоду никто не станет тревожить нас.

Рудокон осторожно шагнул через несколько спящих и опустился возле Хуна. Рядом десятник храпел глубоко и равномерно. Мафу растянулся на земле, и тотчас же его рука стала ощупывать мальчика, чтобы найти узлы его пут. Медленно и осторожно

¹ По-китайски красный — «хун».

они были развязаны, руки и ноги распутаны. Покончив с этим, он притянул к себе голову Хуна и шепнул ему на ухо:

— Полежи смирно, пока руки и ноги не отойдут, у нас времени много. Пусть все опять заснут.

Кровь, приливавшая теперь в онемевшие, туго стянутые члены Хуна, сильно колола тело, и мальчик закусил губы, чтобы не стонать. Только через полчаса боль утихла, и он почувствовал, что может владеть своими руками и ногами. Он ждал теперь дальнейших указаний от Мафу — и вдруг услышал над самым своим ухом хорошо знакомый ему храп рудокопа.

«Ой, ой, Мафу заснул», — подумал Хун в ужасе. Он знал по опыту, что разбудить уснувшего рудокопа очень трудно.

«Что же делать? — тревожился мальчик. — Если я начну его тормошить, он станет громко ругаться сквозь сон, как всегда, и разбудит других. А не трогать — он проспит до утра, и мы оба пропали».

Он нашел руку Мафу и стал ее гладить, щеко-тать, но это не помогало. Рудокоп спал богатырским сном.

Чтобы самому не заснуть, Хун, вспомнив ночь на холмах вдвоем с Пао, начал считать до пятидесяти и опять до пятидесяти, загибая каждый раз по одному пальцу. Он не знал, что однообразный счет — одно из средств от бессонницы. А он достаточно намаялся за последние часы, молодость взяла свое, и Хун, загнув только пять пальцев, крепко заснул.

Прошел час, другой, третий. Буря бушевала по-прежнему, но в роще между стволами толстых тополей чувствовалась не так сильно. То громче при сильных порывах, то слабее шумели их вершины; сухие ветки и полужасохшие листья по временам срывались и падали на спящих, укрывшихся с головой от пыли, которую мело по земле. Близился уже рассвет; серая мгла ночи стала чуть светлее.

ОГНЕННЫЙ СМЕРЧ

И вот Хуну приснилось, что он опять в шахте, стоит возле Мафу, который долбит жилу и ругается. Из-под кайлы сыплются огромные искры, брызжут кусочки кварца, словно град. Вот отскочила огромная глыба и катится прямо на его ноги. Хун вскрикнул от ужаса, чувствуя, что не может сдвинуться с места, .. и проснулся. Он поднял голову, в недоумении оглянулся.. и вспомнил, что с ним произошло.

«Я тоже заснул, — подумал он, — хорошо, что еще темно. Но теперь нужно будить Мафу».

Он стал шекотать руку рудокопа, потом полез к его лицу и хотел зажать ему нос: давно испытанное крайнее средство. В это время его ухо, лежавшее на земле, уловило глухой гул, словно топот многих скачущих лошадей.

«Что это? — подумал мальчик. — Новая шайка едет сюда, или кони дунган сорвались и удрали?»

Топот усиливался, и вдруг, несмотря на гул ветра в листве, воздух задрожал от протяжного многоголосого рева. Вслед за ним послышались дикие крики и беспорядочные выстрелы.

— Эй, эй, на коней, хой-хой, на коней, живее, на нас напали! — раздался окрик возле Хуна.

В роще началась суматоха. Сонные люди вскакивали, толкая друг друга, наступая на лежащих. Хун приподнялся. С него сдернули халат: это десятник одевался, ругаясь. На соседнем лугу уже шел бой; на расположившуюся там часть главного отряда дунган наскочила какая-то конница, рубила и колола сонных, застигнутых врасплох людей. Дикие крики, ржание и храп лошадей покрывали голоса бури. Кто-то ткнул сапогом Мафу и крикнул:

— Поднимайся же, соня, шайтан ленивый, скорее на коня!

Мафу, наконец, проснулся и приподнялся, дико озираясь кругом.

— Мафу, очнись, нам спастись надо! На дунган кто-то напал, они все побежали к коням, очнись же, очнись! — говорил Хун, теребя его за одежду.

Рудокоп сразу пришел в себя, вскочил, схватил за руку Хуна, в другую руку ружье и побежал к камышам.

— Эй, куда тебя понесло? Коня направо! — раздался чей-то голос.

Но беглецы, перебежав через рощу, кинулись в камыши и притаились среди них.

Калмыки через разведчиков узнали, что дунган всего около полусотни, и решили напасть и перебить их. Сотня всадников, вооруженных копьями, саблями, ружьями, тихо подъехала к лагерю дунган и, как только стало светать, атаковала их конным строем, быстро окружив и отделив от привязанных вблизи коней. Дунгане отчаянно защищались, но половина сразу же выбыла из строя, а остальные, сомкнувшись в кучу, отбивались от нападающих. В это время человек десять дунган, ночевавших в роще, подоспели на лошадях на помощь, и битва стала ожесточеннее. Теперь падали и калмыки.

Но бой скоро решился не в пользу дунган, и уцелевшие пустились в бегство, кто пешком, кто на коне, преследуемые калмыками. Уйти удалось очень немногим, скрывшимся в соседней роще. Один пеший беглец нырнул в камыши вблизи того места, где спрятались Мафу и Хун. В преследовавшем его всаднике они узнали калмыка и поняли в чем дело. Калмык у них на глазах заколол дунганина.

В это время на севере, совсем близко и в нескольких местах сразу, появились огненные языки. Дунгане, чтобы остановить преследование и отомстить калмыкам, зажгли траву и бурьян. Почти вся растительность уже посохла, даже листья на деревьях свернулись от жары. Огонь, раздуваемый бурей, понесся ураганом на юг по котловине.

Началась паника. Спешившиеся калмыки, которые на поляне приканчивали раненых дунган и со-

бирали оружие, вскочили на коней, подняли своих раненых и, окружив дунганских лошадей, помчались в карьер на юг, подгоняемые огнем. По зарослям бурьяна лились потоки пламени, клубы черного дыма извивались в воздухе, снопами летели искры, горящие ветки. Огненные шары падали на землю и зажигали бурьян; впереди общей линии огня то тут, то там сразу вспыхивало пламя.

Огонь охватил и рощу. Языки его, пожирая листву, взбегали по тополям до вершины, и в несколько минут вся роща представляла собой гигантский факел. Красные бичи извивались среди клубов дыма и снопов искр. Треск и вой пламени покрывал гул ветра. Потом огонь, спалив листву, падал, оставляя позади оголенные, дымящиеся скелеты деревьев, на которых в разных местах тлели и сыпали искры сухие сучья и ветки. Воздух, наполненный пылью и дымом, прорезался в разных направлениях красноватыми снопами света и точно сам раскалился и пылал.

Мафу и Хун сразу поняли, что не миновать огня и полузасохшим камышам, в которых они укрылись. Они бросились бегом к окраине Мертвого города, взобрались на ближайший холм и здесь присели, переводя дух и наблюдая ужасную картину степного пожара. Беглецы ушли во-время; едва они взобрались на холм, как загорелись камыши, и меньше чем через две минуты вся полоса, отделявшая рощу от города, представляла собой огненную реку; жар чувствовался даже на холме. Роща, где они провели тревожную ночь, также пылала. Еще минут пять — и все пожарище передвинулось стеной на юг, оставляя после себя голые, черные, дымящиеся площади, где в разных местах догорали толстые кусты и валежник. От того мгновения, когда Хун услышал топот лошадей, до момента, когда пожарище пронеслось на юг, прошло менее получаса. Стало уже совершенно светло, и буря начала ослабевать.

— Пропали все калмыцкие зимовки, — сказал Мафу, следя за удалявшейся стеной огня. — Теперь

...едва они взобрались на холм, как загорелись камыши

до весны, когда пойдет свежая трава, калмыкам здесь не жить, корма даже для козы не осталось.

— Нам тоже здесь не жить: у нас ведь ишаки, — прибавил Хун.

— Да, придется уходить куда-нибудь. Но сегодня мы можем спокойно пригнать сюда своих животных на водопой.

Огонь был уже далеко на юге, когда Хун и Мафу спустился с холма и направились вглубь города. В убежище они застали всех в сильной тревоге. Долгое отсутствие Мафу обеспокоило беглецов; потом они услышали стрельбу, увидели страшный огонь и дым над котловиной и не могли понять, что там случилось.

Отдохнув, Мафу вместе с Лю Пи и всеми взрослыми кобукскими китайцами погнали животных на водопой. Когда они были уже на половине пути, позади них вдруг послышались топот и ржание.

— Дунгане! — закричал Си и бросился в сторону, а за ним и остальные китайцы, чтобы укрыться в развалинах.

Мафу остался у ишаков. Он только-что успел приготовить ружье, как из-за поворота показалась лошадь без всадника. Она весело заржала и, подбежав к Мафу, остановилась.

— Эй, вы, трусы! Вернитесь назад! — крикнул Мафу, смеясь.

Один за другим беглецы стали выходить из-за развалины.

— Это дунганская лошадь! — сказал Лю Пи. — Она нам пригодится.

Миновали камыши, представлявшие теперь черную впадину с остатками стеблей, с которых ветер сдувал пепел; уныло стояли тополи, голые, обгорелые. Куда ни глянь, кругом все было черно и мертво, а вдали, на юге, еще поднимались клубы дыма.

В роще валялись разные вещи, оставленные дунганцами в суматохе: кисеты, мешочки с мукой и просом, несколько шапок. Пока поили животных, Мафу, Лю Пи и Си сходили к месту боя. Здесь лежали трупы дунган в обгорелой одежде с обожжен-

ными волосами и почерневшими лицами; валялись сабли, ружья, пороховницы, мешочки с пулями, сломанные копья калмыков, котелки, чайники. Черной массой высилась мертвая лошадь с опаленной шерстью; между сморщенными губами ее зловеще скалились белые зубы. Среди мертвых находились два калмыка, которых их соотечественники, очевидно, не успели подобрать из-за надвинувшегося пожара.

При виде лошади Си просиял:

— Вот и мясо, на несколько дней хватит!

— Только нужно его теперь же забрать, иначе волки нам мало что оставят, — предупредил Лю Пи.

Вообще поживы было много. На месте, где ночевали дунгане, лежали мешки с мукой и просом; они обгорели сверху и лопнули; желтые и белые струйки сползли на землю.

Беглецы привели животных и собрали все, что могло пригодиться, сняв с мертвых одежду и обувь. Для муки и проса нужны были новые мешки взамен сгоревших, и их делали из штанов дунган; такой двойной мешок прекрасно ложился на спину ишака.

Вскоре весь караван был нагружен такими вьюками. Мертвую лошадь разрубили на части и также навьючили. Взяли ружья, сабли, пороховницы, мешки с пулями, трубки, кисеты с табаком, котелки, чайники. Не трогали только трупы калмыков, чтобы не оскорбить их соотечественников, которые могли приехать на место боя.

Тяжело нагруженный караван вернулся в убежище лишь к обеду. До вечера все были заняты пересмотром и дележом собранного имущества, а женщины — очисткой муки и проса, загрязненных золой и обгоревшей тканью.

Вечером решали, что делать дальше. Кобукские китайцы не хотели удаляться от своего местожительства, надеясь, что дунгане скоро уйдут с Кобука и они смогут вернуться в свои фанзы и к своим полям. Они решили перекочевать в северную часть котловины, ближе к озеру Улусту, оставшуюся по ту сторону пожара и уцелевшую; там был

и корм для животных и вода. Но рудокопам это не улыбалось. Лю Пи хотел пробраться к своей семье в Манас, надзиратель мечтал об Урумчи, где он мог сдать казенное золото, а Мафу желал попасть в город, где можно было бы продать золото, купить домик и жениться. Поэтому на следующий день беглецы, сдружившиеся за несколько дней, пережитых вместе среди тревог и опасностей, разделились; кобукцы пошли на север, рудокопы — на юг. У последних теперь, кроме трех ишаков, была лошадь, на которой они ехали по очереди; все взрослые получили ружья, Хун — пистолет, а Пао — саблю. В случае нападения нескольких человек караван не был уже беззащитен. Пополнились также запасы табака, соли, муки и крупы.

Целый день караван шел по пожарищу, уничтожившему зеленый оазис Орху; почерневшие остатки роц чередовались с выгоревшими дотла полянами и зарослями кустов, представлявшими теперь черную щетину. Сильно пахло гарью; каждый порыв ветра вздымал и крутил в воздухе столбы пепла, обуглившихся стеблей и листьев. Кое-где дымились, догорая, стволы сухих или упавших деревьев. Местами попадались трупы опаленных полевых мышей, мелких птиц, ворон, а также фазанов и зайцев, которых набрали больше десятка.

К вечеру через ворота — суженную котловину Орху — вышли к озеру Айрик-Нор; пожар прекратился, не доходя до озера, за недостатком горючего, так как дно котловины представляло собой солончак с редкими кустами тамариска и вязкой почвой. Этот солончак окаймлял озеро, отделяясь от него широкой полосой зеленых камышей. Манили к себе зеркало воды и зеленый корм, но подступиться к ним оказалось невозможным. Мафу поехал было вперед, но через сотню шагов его лошадь начала вязнуть, и ему пришлось слезть, чтобы животное могло выбраться из вязкой грязи солончака.

Остановились возле сухого русла Дяма, где еще сохранились от огня отдельные площадки камыша. Чтобы добыть воду, начали копать яму в русле.

Мафу и Лю Пи чередовались в этой работе, пока мальчишки бродили по окрестности, собирая скудное топливо, а лое караулил животных. Внезапно послышался топот, и десяток вооруженных калмыков окружили лагерь.

— Сдавайтесь, разбойники! — крикнул предводитель, размахивая саблей. — Вы сожгли наши зимовки, и мы должны отвести вас к нашему хану; он расправится с вами как следует.

— Амур сайн бейна! — произнес Мафу, вылезая из ямы, монгольское приветствие. — Разве не видите, что мы не разбойники, а китайцы, и сами от дунган спасаемся? Мы стояли в Орху вместе с вами, когда пришли дунгане, а потом спрятались в Мертвом городе.

— Верно, это рудокопы, — воскликнул один из калмыков, узнавший Мафу.

Калмыки подъехали ближе, спешили и подсели к беглецам. Завязалась беседа.

— Там, на месте боя, двое ваших лежат, — сказал лое, — вы их похороните?

— Зачем? — удивился предводитель калмыков. — Мы своих мертвецов не хороним, как вы, а выносим их в степь и оставляем лежать. Таков у нас обычай. Душе не нужна мертвая оболочка, пусть тело ест, кто хочет. Душа сейчас же после смерти человека переходит в новорожденного младенца. Только святых людей, лам, хоронят, чтобы их оболочку не осквернили звери.

— Нельзя ли к озеру подойти, чтобы воды взять? — спросил Лю Пи.

Калмыки засмеялись.

— Видно, вы степи не знаете! В этом озере вода теперь соленая, даже верблюдов пить не станет. Только весной, когда в Дяме течет много воды, а из озера она стекает дальше в Телли-Нор, ее можно пить, — ответил один.

— Воду в русле вы найдете, — сказал предводитель. — До пояса опуститесь, вода ключом пойдет.

Калмыки, наговорившись, вскочили на коней и умчались на запад, огибая грязный солончак.

ОТШЕЛЬНИК ЧЕРНЫХ ХОЛМОВ

Оставив впадину озера, беглецы шли два дня по пустыне, среди которой попадались небольшие оазисы в низких местах или вокруг ключей. На второй день, миновав полосу рощ и зарослей, они подошли к берегу большого озера Айран-куль, в которое впадает река Манас. Это озеро было пресное, и в нем водилось много мелкой рыбы. Густые камыши покрывали его берега и заходили далеко в мелкую воду, образуя зеленые полуострова и даже острова, не доступные для человека, но служившие убежищем бесчисленным стаям водяной птицы при ее перелетах на юг. Повсюду плавали, крикая на разные лады, различные породы уток, гоготали гуси, носились стаи куликов, турухтанов, чибисов, дупелей, бекасов, оглашая воздух своими криками. После безмолвия пустыни богатая жизнь на берегах озера поражала беглецов.

— Вот начался наш Манасский край, — сказал Лю Пи. — Теперь воды, корма и топлива всегда будет много. Только бы нам не напороться невзначай на какую-нибудь шайку! Ночью уже не придется разводить огонь, на него худой человек как раз и набежит.

— Как же без огня? — спросил лое. — Волки могут съесть наших животных. Тут, говорят, даже тигры водятся.

На ночь устроились на берегу маленького залива, на чистом месте среди камышей. Хуну снились тигры, и он вскрикивал и просил дать ему ружье. Но все было спокойно.

Следующий день шли то вдоль окраины камышей, то по глинистым площадям с мелкими кустами, то поднимались на пустынную террасу, окаймлявшую низину реки, если камыши подступали к ее подножию. С террасы видно было с одной стороны зеленое море камышей, среди которого скрывалось русло реки, с другой — невысокие и голые горы южной

цепи Джаира. К вечеру Лю Пи, ехавший впереди, свернул в сторону этих гор.

— Куда ты повел нас? — поинтересовался лое. — Нам пора бы свернуть ближе к реке для ночлега.

— На реке есть только одно чистое место, где можно ночевать, — ответил Лю Пи. — Это брод Тас-Уткель. Он лежит на большой дороге с рудников на Манас. Другого брода вблизи нет, и все дороги к нему сходятся. Поэтому ночевать возле него опасно.

Миновав ряд оврагов, врезанных в террасу, караван спустился в широкую, плоскую долину, которую с реки не было видно. Среди нее тянулись длинной цепью странные плоские холмы, местами совсем черные, местами желтые, местами зеленые от мелких кустов и камыша. С севера долину окаймляли откосы террасы, голые, усыпанные галькой. Лю Пи проехал между двумя из этих холмов к откосу и привел караван к маленькой фанзе, затерявшейся среди кустов.

— Вот здесь будем ночевать, — заявил он.

— А где же вода? — спросил Мафу.

— Вот там на холме, — засмеялся Лю Пи, указывая на вершину ближайшего холма.

— Если бы я не знал, что ты добрый человек, — сказал лое, — я бы подумал, что ты издеваешься над нами.

— А вот пойдем наверх, сами увидите, — сказал Лю Пи.

Животных привязали к кустам на чистой площадке у фанзы, и все взобрались на холм. Его склон поднимался неровными уступами из какого-то матово-черного камня, которые словно образовали лестницу среди желтой глины, тянувшейся рядом в виде откоса. Не доходя вершины холма, Лю Пи свернул с лестницы в сторону, но мальчики, не отстававшие от него, не последовали его примеру. Вдруг Хун, а за ним и Пао, вскрикнули — к одной из ступеней они оба прилипли.

— Ой, это какой-то черный клей! — сказал подошедший к ним Мафу.

Подхватив Хуна, а затем и Пао, подмышки, он и лое отодрали их ноги от липкой ступени и стали с любопытством рассматривать ее, трогая пальцами черную массу. Лю Пи стоял уже на вершине и хотел.

— Идите же сюда! — крикнул он. — Здесь тоже есть на что посмотреть!

Поднявшись на плоскую вершину холма, все четверо подошли к Лю Пи, который стоял на краю небольшого бассейна, наполненного водой; на ее поверхности плавали пленки какой-то черной густой жидкости.

— Вот вам и вода! — сказал Лю Пи.

— Неужели такую воду можно пить? — удивился Пао.

Мафу привыкший во время своей скитальческой жизни пить воду гораздо более противного вида, нагнулся, осторожно зачерпнул пригоршню, стараясь, чтобы в нее не попала черная жидкость, поднес ко рту и хлебнул.

— Пахнет дегтем, но не соленая, пить можно, — сказал он.

В это время на неглубоком дне бассейна забурлило, и на поверхность воды поднялся ряд пузырей, которые лопнули, а на месте их осталась тонкая черная пленка.

— Но скажи же, Лю Пи, что это такое? — спросил надзиратель.

— Это каменное масло, которое идет из земли вместе с водой, — ответил рудокоп. — К нему мальчики и прилипли; но когда оно загустеет, то делается твердым, как камень. Весь этот холм состоит из него и из песка, который принесен ветром.

— Весь этот холм из масла! — воскликнул Хун с изумлением.

— Да, целиком, как и другие холмы, которые вы видите по обе стороны. Все они выросли здесь в течение многих тысяч лет. Каждый раз, когда со дна ямы идут пузыри, они выносят немного масла. Оно накапливается здесь в воде, потом стекает

через край, течет вниз и мало-помалу густеет и твердеет.

— Это масло вроде дегтя? — спросил Мафу.

— Да, им мажут оси у телег, сбрую, даже раны на спинах у лошадей и ишаков. Его привозили и на рудники, чтобы смазывать ось мельницы.

— Вот оно что! — воскликнул надзиратель. — А я думал, что лавочник привозил мне деготь. Но кто же собирает его здесь?

— Прежде здесь летом всегда жил китаец, который каждый день ходил по холмам, собирал ложкой в ведро масло, набежавшее за сутки, и сливал его в бочку у фанзы. Раз или два в месяц приезжал лавочник с рудников или из Дурбульджина и увозил масло.

— Если оно вроде дегтя, то должно гореть? — спросил Мафу.

— Да, оно горит, — ответил Лю Пи. — И этот черный камень тоже хорошо горит.

— А не был ли тот земляной воск, который я нашел в Мертвом городе, тоже из каменного масла? — догадался Мафу.¹

— Может быть, — ответил Лю Пи. — Но только там ни воды, ни жидкого масла ты не видел, а воск лежал жилой в земле, словно кварц с золотом.

Путники принесли флягу, котелок, чайник, чашку, наполнили их водой и спустились с холма.

Расположились недалеко от фанзы, возле которой, действительно, стояла большая бочка с каменным маслом. Мальчики обмакнули в него сухие прутья, которые они набрали, и положили их в костер. Масло прекрасно горело, но давало сильную копоть, поэтому рудокопы решили употреблять его только для ночного костра, но не для варки пищи.

¹ Рудокоп высказал верную мысль: в Мертвом городе он видел жилы асфальта, а здесь путешественники встретили выходы густой нефти, которая на воздухе постепенно твердеет и превращается в кир, т. е. тот же асфальт, но несколько другого вида.

Фанза казалась нежилой; дверь в нее была полуоткрыта. Возвращаясь с охапкой кустов, Пао взглянул внутрь и тотчас закричал:

— Ой, в фанзе мертвый человек!

На крошечном кане в глубине фанзы лежал китаец, прикрытый рваным халатом. Но когда Мафу и Лю Пи подошли к нему, он открыл глаза и зашевелил губами. Он был страшно худ, кожа да кости, глаза ввалились, сморщенные губы потрескались.

Лю Пи наклонился к нему и с трудом расслышал хриплый шопот:

— Воды, воды!

Принесли чашку воды и, приподняв несчастного, дали ему напиток.

— Дайте мне поесть, — прошептал китаец. — Я две недели уж ничего не ел. . .

— Скоро поспеет пшенная каша, — сказал Лю Пи, — мы принесем тебе, потерпи немного.

Оставив больного в фанзе, все вернулись к огню.

— Это, наверно, и есть сборщик масла, — сказал Лю Пи.

Больного опять напоили и кормили несколько раз небольшими порциями; в промежутках между приемами пищи он крепко спал. Лагерь перенесли на ночь к дверям фанзы, и дежурный продолжал время от времени давать ему воду или жидкую пищу. Ночью горело несколько костров из каменного масла.

К утру больной настолько окреп, что мог уже встать и разделить завтрак путников. Он рассказал им следующее:

— Я тут живу уже с весны, собираю масло. Каждые полмесяца за ним приезжали и привозили мне муки, пшена. Но уже больше месяца никто не приезжает. У меня еда кончилась, но я думал, вот вот приедут, каждый день ждал; пил только воду. Потом начал слабеть, перестал собирать масло, все лежал и два раза в день выходил попить воды. Но и это стало трудно, едва ноги двигались. Вчера я уже совсем не мог встать, думал,

что умру. А за маслом так никто и не приезжал.

— Теперь масло долго никому не понадобится, и тебе здесь делать нечего, — заметил лое.

— Мы возьмем тебя с собою, — сказал Лю Пи. — Мы пробираемся в Манас, а там какая-нибудь работа найдется.

Чунг (так звали китайца) поклонился Лю Пи до земли и сказал:

— Пойду с вами, куда хотите, только дайте мне еще день отдохнуть.

Рудокопы согласились остаться на день; хотя корм был небогатый, а вода имела плохой вкус, зато уединенность места позволяла дать отдых животным и людям, не опасаясь нападения врагов.

Рудокопы обошли все холмы, на вершинах которых выделялось каменное масло. Их было семь, и на каждом они нашли яму с водой и пленкой жидкого масла. Несколько дальше на восток выселись еще три холма, и на одном из них, по указанию Чунга, нашли яму с более чистой водой, которой он пользовался, пока мог ходить.

Холмы, которые посетили наши путешественники у южного подножия Джаира, представляли собой месторождение нефти. Она поднималась здесь вместе с водой и газом по трещинам из более глубоких слоев, где залегала в большом количестве, заполняя все промежутки между зернами рыхлых песчаников. На воздухе нефть теряет свои наиболее летучие составные части, окисляется, густеет и, наконец, твердеет, превращается в кир. Так в течение многих веков из маленьких струек нефти, вытекавших на поверхность земли, выросли большие холмы, в которых к густевшей нефти примешивались наносимые ветрами песок и пыль.

Нефть образуется в мелких морях и морских лагунах (заливах) из водорослей и планктона, т. е. очень мелких морских растений и животных, плавающих в поверхностных слоях воды. Отмирая, они накапливаются большими массами на дне водоемов, где их перекрывают песок и ил, выносимые реками

в море. Подобно тому как на суше в болотах из мхов, отмерших кустов, упавших деревьев постепенно образуется торф, а позже (когда болото затопляется морем или озером, которые покрывают торф слоями песка и ила) из него получают пласты каменного угля, так и на дне морей из накоплений морских растений и животных со временем образуется нефть. Ее всегда сопровождает соленая вода, пропитывающая песок и ил, а также газы, выделяющиеся при образовании нефти. Эти газы своим давлением выталкивают нефть и воду на поверхность, если имеются трещины, проникающие сверху до нефтеносных слоев.

Жилы твердого асфальта, которые путешественники видели в Мертвом городе, также образовались очень давно из густой нефти, поднимавшейся по трещинам на поверхность и постепенно заполнявшей их. Вероятно, и над этими трещинами прежде возвышались холмы из кира с выходами нефти, воды и газа. Но когда трещины совершенно заполнились, выходы были закрыты, рост холмов прекратился, а самые холмы уничтожены процессами выветривания и размыва. Остались только жилы асфальта, заполняющие трещины. В Мертвом городе таких жил около двенадцати, и они хорошо видны благодаря черному цвету асфальта, выделяющемуся среди желтых и розоватых песчаников и глин. Некоторые из них имеют около метра толщины, другие только 10—30 сантиметров. Песчаники, пересекаемые этими жилами, пропитались нефтью во время ее выделения, отвердели («закированы», как говорят) и лучше сопротивляются выветриванию. Поэтому они и образуют гряды холмов, на гребнях которых выходят жилы асфальта.

Таким образом, пустынный хребет Джаир богат не только золотом, но и нефтью, а также углем, залегающим пластами у его северного подножия.

На следующий день отправились дальше. Мафу уступил Чунгу свою лошадь, а сам шел пешком. Пришлось вернуться несколько километров назад

к броду через Манас, который оказался нешироким, но довольно глубоким, так что вещи перевозили на лошади, чтобы не подмочить выюки.

За рекой началась местность другого характера: чередовались рощи тополей и джигды, заросли кустов, песчаные бугры, поросшие тамариском, и поляны; попадались сухие русла, заросшие камышом, весной затопляемые рекой. Чтобы не наткнуться невзначай на дунган, приняли меры предосторожности: Лю Пи и Мафу шли шагах в пятистах впереди каравана. Под вечер вдруг послышался топот. Тревога, впрочем, оказалась напрасной, так как пробежало только несколько лошадей, повидимому, одичавших.

На ночлег свернули с большой дороги в сторону реки, которая была заметна издали по кайме высоких деревьев. Остановились в роще, отделенной от воды полосой камышей. Уже смеркалось, и потому прежде всего занялись сбором топлива на ночь. Потом рудокопы стали развьючивать животных, мальчики разводили огонь, а Чунг с чайником и котелком пошел к реке за водой. Едва он успел скрыться в камышах, как оттуда раздался отчаянный крик, затем сильный плеск... и все стихло.

Бросив животных, побежали к реке. Через камыши шла узкая тропа, которая делала изгиб и затем, расширившись, упиралась в воду. Река, еще освещенная отсветом неба, быстро катилась, шевеля камыши, росшие в воде. Темной стеной стояли деревья и кусты противоположного берега. По одну сторону тропы в камышах лежал на боку котелок, по другую — чайник, а Чунг исчез бесследно. Берег не был обрывист, и, даже споткнувшись и упав в воду, легко было удержаться за камыши.

— Чунг, Чунг, Чунг, где ты? — закричал Мафу во все горло.

Все трое стояли в полном недоумении. На призыв никто не отзывался. Оглянувшись кругом, Лю Пи заметил, что слева, не доходя берега, в стене камыша чернела брешь, узкий темный коридор между высокими стеблями.

Мафу, наломав сухих стеблей, высек огонь, зажег их и при свете огня стал рассматривать следы на тропе. Почти у воды, на влажной почве все увидели отпечаток лапы, величиной с небольшую тарелку, глубоко вдавшийся в ил. След был совершенно свежий, так как из ила еще выступала каплями и скоплялась в углублении вода.

Все трое поняли без слов, что случилось с несчастным, и с ужасом смотрели на зловещий след, пока не догорел пучок стеблей. Потом, подобрав посуду и набрав воды, они вернулись к месту стоянки, где в сгустившихся сумерках под сводом деревьев уже горел костер. Мальчики встретили их вопросом:

— Где же Чунг? Что случилось?

— Тигр унес Чунга, — ответил Лю Пи.

— Так идем скорее спасти его! — воскликнул Хун.

— Пока мы найдем зверя ночью в камышах — от человека мало что останется, — сказал Мафу с досадой.

— Неужели ничего нельзя сделать? — сказал Хун со слезами в голосе.

Пао смотрел на взрослых глазами, расширенными от ужаса.

— Ночью и без собаки ничего нельзя сделать. Даже если бы тигр унес тебя, я бы не пошел отбивать. Вот завтра мы его попробуем выследить, он будет сытый и сонный.

— Бедный, бедный Чунг! И зачем только мы взяли его с собой? Там в своей фанзе он был бы жив, — сказал Пао.

— Спасли его от голода, чтобы отдать на ужин тигру, — прибавил Хун.

— Но ведь нам нужно напоить животных на ночь, — заявил Хун.

— Как же быть?

— Мы пойдем с огнем, тогда он не тронет, — ответил Мафу.

Печальный и молчаливый ужин был в этот вечер у рудокопов. Даже Мафу лишился своего хорошего

аппетита. Взоры всех невольно обращались к зловещей стене камышей у реки; так и казалось, что вот-вот раздвинутся сухие стебли и появится страшная морда людоеда. При каждом шорохе от упавшей с дерева сухой ветки или от порыва ветерка в вершинах мальчики вздрагивали. Ночь была теплая, небо заволокло, по временам накрапывал дождь, и капли стучали по подсыхавшей листве тополей. Костер бросал красные отблески на толстые стволы, обступавшие площадку, а в промежутках между ними стеной стоял мрак, жуткий и непроницаемый.

После ужина все пятеро, вооружившись факелами, повели животных к реке. Мальчики с трепетом всматривались в темный коридор в камышах, по которому тигр унес злополучного отшельника.

Нарезали камыша, развели два костра с разных сторон, привязали животных к деревьям и сами улеглись в промежутке между огнями, а с двух других сторон протянули веревки и повесили на них седла, потники, тряпки, ветки, чтобы эти необычные для безлюдных мест предметы пугали ночных хищников. Мальчиков избавили от дежурства, опасаясь, что они поднимут ложную тревогу из-за пустяков и перепугают всех. Ночь, однако, прошла спокойно. Кричала сплюшка, чуть слышно журчала река, шелестели камыши, изредка накрапывал дождь. Лошади и ишаки с хрустом жевали корм; по временам лошадь переставала есть и, наострив уши, вслушивалась в ночные звуки, а затем, вздохнув, продолжала жевать.

В ОСАДНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Когда совсем рассвело, Лю Пи, Мафу и Хун, упросивший старших взять его с собою, отправились выслеживать тигра. Они пошли по тропе в камышах, по которой зверь унес Чунга. Вскоре нашли один башмак отшельника, потом другой.

Тропа извивалась по камышам вдоль реки и, наконец, отклонилась в сторону, где начались густые колючие кусты барбариса, шиповника, боярышника, джигды. Здесь между стеной камыша и большой развесистой джигдой было укромное убежище, в котором тигр ужинал: валялись окровавленные лохмотья синей бязи, клочья ваты, обглоданные и изгрызанные кости; в нескольких местах почва была темнобурая, напитавшаяся кровью. Но самого зверя не нашли: на рассвете он, вероятно, унес остатки своего пиршества в более отдаленное место.

Искать его без собаки по чащам и зарослям было безнадежно, тем более что он мог переплыть на другой берег, где за узкой полосой деревьев растилась огромная камыши с озерами и болотами. Пришлось вернуться назад ни с чем, к большому огорчению Хуна.

Еще три дня шли наши беглецы по такой же местности. Опасаясь тигров, они не решались пускать животных на ночь пастись; поэтому приходилось останавливаться днем на более долгое время, чтобы лошадь и ишаки успели покормиться. На второй день стали попадаться отдельные фанзы, а вокруг них возделанные и уже сжатые участки полей. Но людей не было, жилища пустовали, некоторые носили следы разрушения. Очевидно, здесь прошли дунгане, и земледельцы бежали при их приближении. Местами попадались свежеебглоданные скелеты лошадей и быков, а также клочья одежды и кости людей. Вблизи фанз бродили одичавшие собаки и кошки, прятаясь при приближении каравана. Они, вероятно, наравне с волками питались падалью и трупами своих бывших хозяев.

Беглецы останавливались на ночлег в брошенных фанзах, выбирая те, которые стояли подальше от большой дороги. Осень вступала уже в свои права, перепадали дожди, ночи стали сырые и холодные, и под крышей было теплее и суше, тем более что вблизи фанз находились остатки соломы для животных и запасы топлива, а огонек в фанзе не мог быть

виден с большой дороги и привлечь незваных гостей. Все заимки (фермы) этой местности имели вид небольших крепостей. Двор был огорожен глинобитной стеной метра в четыре вышины с крепкими воротами, а жилая фанза и навесы или хлевы для скота всегда располагались внутри двора, где находился и колодец. Заперев на ночь ворота, можно было спать спокойно, не боясь неожиданного нападения двуногих или четвероногих хищников.

Вдоль реки, как и ранее, тянулись рощи, камыши, заросли кустов. Подальше от нее растительность редела; там начиналась сухая степь с колючкой, полынью, чием и отдельными рощами тополей или купами кустов. Опасаясь встречи с тигром, Мафу боялся бродить по зарослям вблизи реки и предпочитал ходить на охоту по степи; здесь попадались только зайцы, фазаны, тогда как в камышах можно было подстрелить и кабана. Но зайцы и фазаны были слишком проворны для кремневого ружья, и Мафу часто возвращался с пустыми руками. Между тем запасы муки и крупы таяли.

На третий день остановились пораньше в брошенной фанзе, недалеко от дороги, чтобы посвятить больше времени охоте. Мафу отправился с Хуном на восток к видневшимся в этой стороне большим пескам. На окраине их они заметили антилоп; им удалось подкрасться на выстрел и уложить одну. На обратном пути пришлось пересечь сухое русло, заросшее камышами; пробираясь через них, Мафу, шедший впереди с тяжелой ношей, вдруг воскликнул:

— Ой, меня кто-то укусил в ногу!

— Змея, змея! — воскликнул Хун, заметивший, как небольшая змея, на которую рудокоп, очевидно, наступил, обвилась вокруг ноги.

Прежде чем он успел выхватить нож из-за пояса, змея скрылась в камыше. До фанзы было уже недалеко, и охотники поспешили домой, чтобы прижечь рану. Но это не помогло, и к ночи вся икра покрас-

нела и распухла. К утру у больного начался сильный жар и озноб, Мафу метался и бредил, нога распухла и походила на бревно. Пришлось отложить отъезд. Лое и Лю Пи очень встревожились, так как не знали, чем и как помочь товарищу.

Бред и жар продолжались несколько дней, Мафу ничего не ел и просил только воды, часто лежал без сознания. Фанза была недалеко от большой дороги, и пришлось принять меры предосторожности. С утра Лю Пи и один из мальчиков выгоняли лошадь и ишаков на пастбище, подальше от дороги, и пасли их до обеда. Лое сидел при больном, а оставшийся мальчик должен был сторожить, сидя на ограде заимки, с которой дорога видна была в обе стороны, чтобы предупредить о приближении подозрительных людей.

На случай такого посещения постарались придать фанзе нежилой вид; передняя комната оставалась пустой, с открытой дверью; жили в задней комнате, имевшей вход только из-под навеса для скотины и служившей владельцу фермы для хранения зерна и орудий. Она была полутемная, с маленьким окошечком под крышей, служившим и для выхода дыма при варке пищи. Больной лежал на земле, на подстилке из соломы. Дверь в комнату была прочная и запиралась на засов изнутри. К обеду возвращались пастухи и уже оставались дома, а лое с другим мальчиком отправлялись на пастбище до сумерек. Это делалось для того, чтобы в случае наезда дунган в хлеву не было животных и ферма казалась брошенной. В сумерки пригоняли скотину, запирали ворота и сами укрывались в комнате. Так проходили дни.

Через неделю Мафу пришел в себя, жар прекратился, опухоль опала, но больной был еще слишком слаб для путешествия. В это утро караулил Хун, и незадолго до полудня он заметил на большой дороге отряд вооруженных всадников, человек десять. Убедившись, что они свернули к фанзе, он кубарем скатился с ограды и предупредил лое и Мафу. Они заперли дверь и притаились. Всадники заехали во

двор и спешились. Двое заглянули в переднюю фанзу, затем в хлев.

— Никого нет, — сказал один.

— А сегодня люди были здесь, — ответил другой, — брали воду из колодца, в колоде налито, земля мокрая.

— Нет, фанза пуста, кан покрыт пылью и холодный. Здесь давно никто не живет, — ответил первый.

— А кто брал воду?

— Заезжали наши с дороги поить лошадей, как мы.

Мафу и лое на всякий случай приготовили ружья, опасаясь, что дунгане начнут ломиться в убежище. Слышен был скрип журавля, плеск воды; двое доставали воду, остальные зашли в фанзу, расположились на кане, курили и болтали.

— А не остаться ли нам здесь ночевать? — слышался вопрос. — Вода хорошая, кан исправный, дрова на дворе есть.

— Я бы не прочь, ответил другой. — Да что скажет старший?

— Вот было бы несчастье, — шепнул лое Хуну, — скоро обед, вернутся наши пастухи со скотиной и попадут в лапы разбойников.

Все трое с трепетом ждали решения вопроса, подумывая, как бы предупредить товарищей. Мафу посмотрел на окошечко под крышей, соображая, сможет ли Хун вылезть через него, проползти по крыше до ограды, чтобы выйти навстречу пастухам. Заметить его могли бы только тогда, когда он стал бы перелезать через ограду. Риск большой, но другого исхода не было.

В это время в фанзу вошел старший и сказал:

— Ну, покурили! Пора на коней.

— А вот тут думают, не лучше ли переночевать здесь? — слышался голос.

— В полдень стать на ночлег! — рассердился старший. — Впереди тоже фанзы найдутся.

— Ну что же, ехать, так ехать!

Разговор прекратился. Через несколько минут

послышался топот коней, и все стихло. Осторожно приоткрыв дверь, Хун выглянул — на дворе никого не было. Он сейчас же взобрался на свой наблюдательный пост и увидел удаляющийся отряд.

Через четверть часа явились пастухи, к счастью, в этот день немного запоздавшие. Им сейчас же рассказали, какой опасности они избежали.

— Мы узнали, — сказал лое, — что дунгане отступают перед китайским войском и калмыками.

— Поэтому и сегодня, и завтра может повториться наезд к нам, — заметил Мафу, — и пастухи должны, возвращаясь домой, посылать разведчика вперед, чтобы убедиться, что никого нет во дворе.

— Теперь нам нельзя идти дальше на юг, пока дунгане не пойдут обратно, — заявил лое. — Не лучше ли перекочевать на несколько дней к пескам подалее от дороги?

— Там нет воды, — сказал Мафу.

— Вчера я заметил у самых песков еще одну заимку, — заявил Лю Пи. — В ней, может быть, есть колодец.

— Это было бы хорошо. Пусть Хун сегодня осмотрит ее, и, если там есть вода и ограда в исправности, мы можем завтра перекочевать, — предложил Мафу.

Наскоро пообедав, лое и Хун угнали животных, а Пао полез на наблюдательный пост. Через полчаса он прибежал с известием, что снова видны дунгане, человек пять-шесть. Опять беглецам пришлось запереться в убежище.

Пришельцы заехали во двор, остановились у колодца и стали поить лошадей. Один из них, в поисках какой-нибудь поживы, зашел под навес и увидел запертую дверь. Он попробовал открыть ее, — она не поддавалась.

— Эй, — крикнул он остальным, — тут какой-нибудь склад запертый, должно быть, хлеб или хоть солома осталась.

— Ну, посмотри, — ответили ему. — Нашим коням пригодится.

Укрывшиеся, услышав это, сначала растерялись, но Лю Пи быстро смекнул, что сделать.

— Заткнем скорее окно, чтобы стало темно, а потом откроем засов и спрячемся за дверь. Он войдет и увидит, что здесь пусто.

Пао схватил одно из одеял. Лю Пи подсадил его к окну, — и в фанзе сразу стало темно. Затем все трое спрятались в углу за дверью и осторожно отодвинули засов. Дунганин в это время, не найдя дверной ручки, налег плечом, чтобы высадить дверь. Она сразу поддалась, и он кубарем покатился на пол.

— У, чорт! — выругался он, поднимаясь, — я думал, она заперта. Темно!

— И ничего нет, кроме пучка старой соломы, — прибавил он, пошарив в глубине и наткнувшись на солому, на которой раньше лежал Мафу.

Он сгреб ее в охапку и вышел на двор.

— Только это нашел? — раздался возглас у колодца. — Стоило стараться!

— Если бы было больше, мы бы, пожалуй, остались ночевать, — сказал другой.

Притаившись за дверью, рудокопы опять слышали разговор о наступлении китайских войск, о неудачных для дунган стычках с ними.

— Нам нужно убежать на Кобук, тогда солдаты не пойдут через пустыню, — сказал один из приезжих.

Тревожное ожидание кончилось, дунгане вскочили на коней и ускакали.

Немного погодя прибежал запыхавшийся Хун.

— Я осмотрел заимку у песков, — заявил он, — она совсем исправна и колодец есть. Лое говорит, что можно было бы сейчас перекочевать, если хотите.

— Конечно! — обрадовался Лю Пи. — Сейчас опять были дунгане, а к ночи, наверно, приедут еще и уже останутся на ночлег.

Через четверть часа все четверо покинули заимку, спасавшую их целую неделю от осенних холодов и дождей и давшую Мафу возможность

перенести болезнь. Теперь он шел, опираясь на Лю Пи, а мальчики гнали навьюченных ишаков. Пришлось пройти пять-шесть ли по полянам, рощам и кустам, которые совершенно скрывали новое убежище, отделяя его от большой дороги. По пути захватили лое, пасшего остальных животных, и Мафу мог взобраться на лошадь, так как уже устал.

Ферма на окраине песков имела обычный вид, но только двор и фанза были небольших размеров. В одном углу двора находилась отдельная загородка, внутри которой земля была густо усыпана овечьим пометом. Владелец фермы, очевидно, занимался разведением баранов. Фанза оказалась тесной, но уютной. Провалившись целую неделю на холодной земле, беглецы обрадовались исправному кану, который на ночь можно было топить овечьим пометом, дающим сильный жар и мало дыма. Для животных нашелся крытый навес в углу между фанзой и оградой. Ворота из ивовых прутьев с целой стеной колючих ветвей на гребне (очевидно, для защиты от волков) оказались достаточно прочными. Ночь великолепно провели на теплом кане.

Теперь не приходилось отгонять животных подалее на пастбище: они находили корм по соседству, а с дороги их не могли заметить. Среди ближайших песчаных холмов повсюду во впадинах росли мелкая трава, песчаный овсец, верблюжья колючка, которыми лакомились ишаки.

— Вот только охотиться несколько дней нельзя, — заявил Мафу. — С большой дороги могут услышать выстрелы и приехать к нам.

— У мальчиков есть луки и стрелы, — напомнил лое. — Они могут вспомнить свою удачную охоту в Дарбуты.

— Лук и стрелы остались на той заимке, я совсем забыл о них, — сказал Хун.

— Завтра утром мы сбегает туда и принесем их, — предложил Пао.

ПОДЗЕМНЫЙ СКЛАД

Рано утром мальчики побежали на первую заимку за своим охотничьим вооружением. Когда ограда была уже в виду, из ворот выехал большой отряд всадников, очевидно, ночевавших там. Хун и Пао быстро нырнули в кусты и выждали некоторое время, потом осторожно подкрались к воротам и заглянули во двор. Но внутри не было никого. Ночлежники оставили ясные следы своего пребывания: обе двери в фанзу и чулан исчезли, очевидно, изрубленные на дрова. В чулане на полу еще тлела куча углей, показывая, что ночевали и здесь.

— Хорошо, что мы вчера ушли отсюда, — сказал Пао. — Они бы нас всех убили.

Едва успел Пао сказать это, как послышались топот, звяканье стремян, и в воротах появилось несколько всадников. Мальчики стояли в фанзе у дверей и едва успели отскочить в сторону.

— Вот мы и попались, — прошептал Пао в ужасе.

Хун окинул взглядом фанзу, ища места, чтобы укрыться. Взор его упал на черневшее топочное отверстие под каном.

— Лезь скорее туда, а я за тобой!

Пао полез в топку, Хун вслед за ним.

Было так тесно, что лезли боком, кроме того, дунгане ночью топили, и топка еще не совсем остыла.

— Ой, я задыхаюсь, — пищал Пао, забравшийся за поворот дымового хода, головой вперед.

— Тсс... — прошептал Хун, поджавший ноги в самой топке.

В фанзу вошли два человека и уселись на краю кана; ноги одного из них приходились вблизи головы Хуна.

— Дай-ка табаку, — послышался голос, — покурим, здесь спокойно. Сегодня очень ветрено, и из трубки выдувает.

— На, бери! А тут, видно, кто-то ночевал, кан еще теплый.

— Наши, должно быть; у колодца и на дворе много конского помета.

Вошел третий и тоже присел покурить.

— Мой конь совсем устал, — заявил он. — Не знаю, дотянет ли до вечера. А нового раздобыть нельзя, все китайцы скрылись.

— В этом самом дворе, — сказал первый, — я двух китайцев прикончил и хотел бросить в колодец, да старший запретил: может быть, и нам еще вода понадобится, сказал.

— А теперь нам головы рубят, и наше дело проиграно, должно быть.

— Кто знает? Вот подойдут наши из Кульджи, опять будем наступать. Китайских войск, говорят, немного.

— Эй, эй, на коней! — раздался окрик со двора.

Дунгане вышли, послышалась возня у колодца, топот. Потом все затихло. Хун вылез из топки и выглянул на двор.

— Пао, вылезай, уехали!

Но Пао не откликнулся.

— Скорее, Пао! Заснул ты там, что ли!

Не получая ответа, Хун полез в топку, схватил ноги Пао и с трудом вытащил его на пол фанзы; мальчик, весь перепачканный, лежал без движения. Хун начал поднимать его за руки, щекотать подошвы, дуть в лицо, дергать за уши — ничего не помогало.

— Что такое? Он задохся, что ли, в топке? Вот беда! — проговорил растерявшийся мальчик.

Он повторил свои попытки привести Пао в чувство, и опять без успеха. Тогда он схватил Пао на руки и потащил к колодцу. В колоде было много воды, и Хун начал поливать целыми пригоршнями лицо и голову мальчика. Через некоторое время тот глубоко вздохнул, открыл глаза и пробормотал:

— Что ты со мной делаешь? Я весь мокрый.

— Ну, очнулся! Ты в топке начал умирать. Вставай, нам нужно бежать отсюда, не то опять придется лезть под кан.

Когда Пао совсем пришел в себя, Хун побежал в хлев, достал запрятанные под ясли лук и стрелы и вернулся. Пао встал с трудом, и Хуну пришлось вести его под руку.

Дотащившись до нового убежища, мальчики рассказали о своем приключении и подслушанных разговорах дунган. Лое объяснил им, что в глубине топки, наверно, остался угар, от которого Пао и потерял сознание.

Весть о близости китайских войск, подслушанная мальчиками, заставила снова поднять вопрос о продолжении путешествия на юг.

— Я хорошо знаю наших солдат, — сказал Лю Пи. — Они не так жестоки, как дунгане, но попасться им в руки тоже не хорошо: своих же китайцев грабят, отнимают лошадей, берут муку, хлеб, требуют табаку, денег.

— Хорошие защитники! — возмутился Пао.

— А ты забыл нашу пословицу; из хорошего железа не делают гвоздей, из хороших людей не делают солдат, — сказал лое.¹

— Наш солдат — полунищий, полуголодный, лентяй, который на войне норовит удрать из боя, а в мирное время почти ничего не делает. Я тоже думаю, что нам с войском лучше не встречаться. Они отнимут у нас лошадь и ишаков, а если пороятся в вещах и найдут золото, так, пожалуй, убьют или в тюрьму отведут, скажут, что мы украли его на рудниках.

К вечеру мальчики принесли зайца, которого подстерегли в котловине среди песков, спрятавшись на гребне бархана и выждав в течение получаса, пока зверек не вышел из кустов на чистое место. После антилопы, добытой Мафу перед болезнью и давно съеденной, беглецы уже не видели

¹ Эта пословица характеризовала солдат императорского Китая, которые вербовались из бездельников, лентяев и разных неудачников.

мяса, и шашлык из зайца с приправой из дикого лука, собранного в песках, показался им очень вкусным.

После ужина Лю Пи вышел проведать животных и дать им немного корма. Ночь была темная и бурная; тяжелые тучи неслись по небу, накрапывал дождь, но изредка на несколько секунд показывалась молодая луна. В один из таких просветов Лю Пи, возвращавшийся уже к фанзе, заметил в одном из углов двора что-то темное, притаившееся.

— Уж не волк ли забрался сюда? — подумал он и, выхватив толстый сук из кучи топлива, направился к подозрительному углу. Но едва он сделал несколько шагов, как темная масса выпрямилась, с проворством кошки полезла прямо на ограду и исчезла за ней прежде чем Лю Пи успел подбежать.

— Как будто это был человек! — проворчал рудокоп. — Но как же мог он влезть на гладкую высокую стену?

Вернувшись в фанзу, он рассказал о виденном.

— Какой-нибудь бездомный китаец, беглец вроде нас, забрался во двор, — предположил лое. — Надеялся на ночлег. Ты в это время вышел во двор, вот ему и пришлось спрятаться.

— Или дунганин, отставший от своих и потерявший коня, — заявил Мафу.

Утром осмотрели тот угол двора, где Лю Пи видел подозрительную тень. В ограде оказались небольшие выемки, по которым при известной ловкости можно было влезть наверх, что Пао и Хун проделали немедленно. На противоположной стороне снаружи также были подобные же выемки.

Этот угол отделялся от двора загородкой из жердочек, и на земле густо лежал овечий помет. На нем Мафу заметил следы человека. В одном месте помет, очевидно, разгребали. Под ним оказалась рыхлая почва. Попробовали покопать, и на небольшой глубине обнаружили деревянную площадку, закрывавшую вход в подземелье с какими-то

мешками. Спустили на веревке Хуна. Подземелье имело форму кувшина с узким горлом; в нем были сложены лопаты, кетмени, топоры, грабли, несколько мешков с просом, два мешка с мукой, какой-то мягкий узел, корзина с луком и запертый замочком сундучок.

— Все это принадлежит хозяину фермы, — сказал лое. — Он спрятал свои запасы от дунган, а сам бежал с семьей и, если жив, вернется. Верно, он и приходил сюда проведать, цело ли его добро.

— Возьмем из склада немного муки и пшена, а хозяину положим золото по хорошей цене за эти припасы, — предложил Лю Пи.

Лое подсчитал, сколько должны стоить припасы по ценам лавочников на рудниках, затем пошел в фанзу отвешивать золото. Хуну бросили мешки, и он наполнил их мукой и пшеном. Лое принес золото, завязанное в тряпочку, которую Хун привязал к замочку сундучка. Затем мешки и мальчика вытащили из подземелья, закрыли дверь и тщательно засыпали ее землей и пометом.

ПАО И ХУН В ПЕСКАХ

Через несколько дней мальчики, тщетно потратив утро на преследование зайцев и фазанов по зарослям вблизи фермы, после обеда отправились в пески, так как лое, пасший там ишаков, сказал им, что видел много зайцев. Но они не давали застать себя врасплох. При приближении охотников заяц, сидевший где-нибудь под кустиком, неожиданно выскакивал и, прежде чем мальчики успевали пустить стрелу, перемахивал через песчаный холм в следующую котловину, где повторялась та же история. Иногда зайцы выскакивали по два и по три, разбегаясь в разные стороны. Охотники разгорячились при виде такого обилия дичи и, поднимаясь с холма на холм, пересекая котловины, отошли далеко от фермы, потеряв ориентацию.

Наконец, Хуну удалось пустить стрелу в зайца, присевшего из любопытства на гребне холма.

— Вот у нас и ужин! — воскликнул мальчик с торжеством, поднимая добычу за уши.

Он забросил зайца на плечо, и оба охотника двинулись в путь, но через несколько шагов остановились в нерешительности.

— Куда нам нужно итти? — спросил Пао. — Со всех сторон одни и те же песчаные холмики.

— Нужно итти на запад, — ответил Хун. — Пески тянутся на восток от нашего жилища, утром солнце восходит из-за них.

— А где запад? Солнца уже не видно.

Действительно, солнце, светившее довольно ярко в начале охоты, исчезло в какой-то серой мгле.

Мальчики взбежали на вершину холма и стали осматриваться. В этот день воздух с утра был уже пыльный, и теперь даль совсем скрылась. Потонули в пыли и темные рощи Манаса, которые должны были быть видны на горизонте; исчез, конечно, и высокий хребет Тянь-Шаня, видимый вдали только после дождей, очищавших воздух. Вблизи со всех сторон поднимались однообразные желтые песчаные холмы, на гребне которых только кое-где темнели пучок травы или кустик. Котловины с более густой растительностью остались позади, скрытые холмами.

— Ничего не видно, кроме песка, Хун! — воскликнул с отчаянием Пао. — Мы опять заблудились, как тогда на охоте возле Чий Чу.

У Хуна тоже защемило сердце при виде унылой песчаной пустыни, но он храбрился и сказал, смеясь:

— Помнишь, как лое рассказывал нам, что если человек заблудится, то стоит только поймать палочника — знаешь, это странное тоненькое насекомое, похожее на веточку или соломинку, — и он лапкой покажет, куда нужно итти. Они должны тут водиться, я на-днях видел одного. Поищем тут внизу, где растет трава.

Мальчики сбежали в котловину, где им удалось поймать палочника, желтого, как стебель чия, на котором он сидел. Осторожно держа его в руке, они поднялись опять на вершину холма, и здесь Хун приоткрыл руку. Готовясь к прыжку, насекомое повернулось и подняло передние лапки в одну сторону.

— Вот туда надо идти! — воскликнул Хун и посмотрел вдаль.

А там, сквозь мглу, чуть было видно на небольшой высоте над горизонтом какое-то светлое пятно.

— Видишь, видишь, там солнце! Палочник показал верно. Мы спасены!

Выпустив насекомое, мальчики пустились в путь скорым шагом; им приходилось то спускаться в котловины, то подниматься на холмы, и после долгой беготни за зайцами это вскоре утомило их. Пробежав с полчаса, они остановились для отдыха на одном из холмов и уселись лицом к путеводному светлomu пятну. Хун был занят разглядыванием своего зайца, но Пао смотрел на пятно и обратил внимание на то, что оно стало светлее и как будто стояло выше, чем раньше.

— Слушай, Хун! — воскликнул он с тревогой. — Мне кажется, что это солнце не заходит, а поднимается. Между тем теперь не утро, а вечер.

— Какой вздор! — рассердился Хун. — Тебе это только показалось.

Он вскочил и побежал дальше, Пао за ним. Но теперь и Хун стал следить за светлым пятном и через четверть часа убедился, что оно, действительно, поднимается выше. Он еще не верил себе и продолжал идти, хотя медленно и с остановками.

Прошло четверть часа, и из-за серой завесы выплыл тусклый ущербный лик луны.

— Хун, — воскликнул Пао, — теперь ты видишь? Это не солнце, а луна, и твой глупый палочник только спутал нас.

— Вижу, — ответил Хун сердито, — но теперь я и сам знаю, куда нам нужно идти.

Он круто повернул и пошел назад, почти победил, так что Пао едва поспевал за ним.

Пока мальчишки шли на восток, поднявшийся ветер дул им в спину, теперь же он дул в лицо и быстро усиливался: начинался хый-фын. На высоте холмов против него было уже трудно идти, и мальчишки останавливались в каждой котловине, чтобы передохнуть.

Уйдя на восток, они перебрались в совершенно бесплодную песчаную пустыню, где не только на холмах, но и в котловинах не было никакой растительности. Холмы превратились в настоящие барханы — песчаные волны с пологим наветренным и крутым подветренным склоном, на последнем песок был совершенно рыхлый и осыпался под ногами, пока они с трудом поднимались вверх.

Когда они шли на восток, то поднимались по пологим наветренным склонам, на которых песок был уплотнен, так что ноги почти не оставляли следов, а катиться вниз по крутым подветренным склонам вместе с теплым песком им доставляло даже удовольствие. Теперь же, с трудом карабкаясь вверх по этим рыхлым откосам, они встречались на гребне и пологом склоне с напором бури, которая несла мелкий песок, засыпая глаза, рот и уши. Губы быстро обсохли, на зубах скрипели песчинки, глаза начинали болеть. С острого гребня барханов ветер срывал струйки песка; барханы задымились, мгла стала желтой и сумерки начали сгущаться. Повернувшись на одной из остановок спиной к ветру, путники заметили, что исчезла в желтой мгле и луна.

Чем дальше, тем медленнее шли они. Каждый подъем на крутой склон бархана продолжался минут пять, а на гребне они отвоевывали каждый шаг, нагнувшись вперед и борясь с ветром. Быстро темнело, а старые следы уже совершенно замело.

— Нет, мы не дойдем сегодня до фермы! — заявил, наконец, Хун, остановившись в котловине. — Мы еще не дошли до места, где поймали этого проклятого палочника. Видишь, нигде нет

*...барханы задымились, мела стала желтой и сумерки
начали сгущаться*

ни кустов, ни травы. Только промучились даром все это время.

— Что же нам делать? — прошептал Пао, еле ворочая языком.

— Дождемся утра, отдохнем.

— Но мы замерзнем, ветер холодный, а топлива нет. И я страшно хочу пить.

— Зароемся в песок, он еще теплый, и будем спать.

— А волки?

— В такую бурю волки не станут рыскать, да и не найдут нас, если мы зароемся.

Мальчики быстро зарылись в песок на дне котловины, где ветер налетал только порывами сбоку. Они легли рядом, лицом в сторону ветра, надвинув свои войлочные шапочки на глаза, а на грудь поверх песка положили зайца, который защищал их лица от песчинок и давал возможность свободно дышать. От ходьбы они сильно согрелись, песок был еще совсем теплый, только давил им ноги и живот, где они нагромодили его кучей. Пао быстро заснул. Хун сначала боролся со сном, но усталость взяла свое. В песке было тепло и мягко, ветер как будто ослабевал. Стало совершенно темно, и Хун тоже заснул.

ПОСЛЕДНИЕ ШАГИ

На ферме в этот вечер тоже было приключение. Когда солнце скрылось во мгле, Лю Пи сразу понял, что будет хый-фын, и пошел искать лое, пасшего животных по соседству. Мафу проводил большую часть дня на кане, поправляясь после болезни. Загнав животных под навес, Лю Пи занялся приготовлением ужина, пока еще не стемнело, так как освещать фанзу им было нечем, кроме огня, горевшего под каном.

— Что-то наши ребята замешкались, — заметил Лю Пи, поставив котелок на огонь и принявшись за

приготовление теста для лапши. — Надо бы сходить на вершину холма, посмотреть, не идут ли. Скоро хый-фын налетит.

Лое пошел на разведку и взобрался на ближайший высокий холм, чтобы обозреть окрестности. Мальчиков он не увидел, но сам в синей курме хорошо выделялся на желтом фоне песков. Собираясь спуститься, он вдруг заметил двух всадников, ехавших по направлению к ферме. На них нетрудно было различить дунганские шапки и ружья за спиной.

Лое стремглав помчался вниз и едва успел закрыть ворота и заложить их толстой жердью, служившей прочным запором, как подъехали всадники. Их головы виднелись над стеной колючки, которая венчала плетень ворот. Лое успел присесть у ограды и не был виден дунганам.

— Эй, ты, китайская морда! — закричал один из них. — Открывай сейчас ворота!

Мафу и Лю Пи в это время находились в фанзе, дверь которой была открыта и обращена прямо к воротам.

— Ну, скорее, черепашины яйца, поворачивайтесь, встречайте гостей! — сердились всадники.

Мафу приготовил ружье, поставил его на сошки в глубине фанзы и насыпал свежего пороху на полку.

— Если они начнут ломиться, я буду стрелять, — заявил он.

— А если их много? — спросил Лю Пи.

— Поди, скажи им, что у нас нет ни корма, ни воды, а вот возле дороги другая ферма, где все почуют.

Лю Пи вышел на порог и крикнул дунганам:

— Идите в соседнюю фанзу, у нас нет ничего!

— Врешь, черепашьё яйцо! Открывай ворота!

— Скажи, что будем стрелять, если они начнут лезть, — раздался из фанзы приказ Мафу.

— Уезжайте дальше! — крикнул Лю Пи. — Я не один, здесь солдаты, и они будут стрелять!

В ответ дунгане рассмеялись, выхватили сабли и начали рубить колючки, мешавшие им перелезть через ворота. Но после первых же взмахов из фанзы грянул выстрел, и один из всадников с простреленной головой склонился на луку седла, выронив саблю. Второй, испустив проклятие, схватил повод лошади товарища и ускакал.

Лое поднялся ни жив, ни мертв, подбежал к воротам, открыл их и выглянул. Всадники уже скрывались за поворотом дороги вдоль песков. Вернувшись, лое сообщил, что дунгане уехали, один, видно, тяжело ранен, лежит на седле, и второй все время его поддерживал на скаку.

— И хый-фын начинается, — прибавил он.

— А детей все еще нет! — обеспокоился Лю Пи. — Уж не заблудились ли они? Посмотрите тут за огнем, положите лапшу, когда вода закипит. Я пойду на холм.

Через четверть часа он вернулся.

— Никого не видно, ни детей, ни дунган, а хый-фын разыгрывается не на шутку, все следы заметет, так что искать по следам нельзя будет.

После ужина, когда уже совершенно стемнело, Лю Пи вышел на караул. Буря бушевала во-всю, кругом шумели деревья; только привыкнув к темноте и стоя под защитой фанзы, можно было различить гребень ограды на фоне ночи. Его сменил лое, потом Мафу.

После полуночи, когда караулил опять Лю Пи, ветер почти затих, и пошел снег. Это обеспокоило Лю Пи.

— Мальчики в легкой одежде и ушли босиком. Того и гляди, замерзнут.

* * *

Между тем Пао и Хун спокойно спали в теплом песке до полуночи. Потом хлопья снега, падавшие им на лица и таявшие, разбудили их; но влага освежила пересохшие глотки, и оба, раскрыв рты, жадно ловили снежинки. Утолив жажду, они зарылись глубже и опять уснули.

За ночь песок намок и остыл под снегом, а на рассвете замерз. Пао, стуча зубами от холода, проснулся первый.

— Хун, Хун! — закричал он. — Вставай, нужно бежать, иначе мы замерзнем.

Закоченевшие дети с трудом высвободились из-под песка и начали прыгать и махать руками, чтобы согреться. Кругом все побелело. На чистом небе уже розовели мелкие барашки туч. На юге, вдали, темной стеной тянулся Тянь-Шань, а острые белоснежные вершины его, обращенные на восток, горели алым цветом. Дети невольно любовались этой величественной картиной и смотрели, как все ярче пылали горы, как яснее выступали глубокие темные ущелья между крутыми отрогами, на которых зеленели леса. На севере плоской волнистой массой белел Джайр: там ночью тоже выпал снег.

Вот на востоке показалось солнце, и белые склоны барханов заискрились мелкими блестками так, что стало больно глазам. Солнце сразу начало греть, и мальчики, взобравшиеся на гребень бархана, подставляли ему то спину, то грудь, поворачиваясь и перепрыгивая с ноги на ногу, потому что босиком в снегу было холодно. Снег лежал на целых два пальца.

— Теперь мы найдем дорогу! — радовался Хун. — Там солнце, тут горы, а вот и рощи видны.

Когда солнце поднялось немного выше и начало освещать котловины, мальчики, подобрав замерзшего зайца, может быть, спасшего им жизнь, пошли на запад. Они все время шли туда, куда падала их тень, и поэтому постепенно уклонялись на северо-запад. Скоро в котловинах появились отдельные кусты, потом целые группы их и трава, барханы превратились в бугры, тоже поросшие кое-где кустами и травкой. Снег под лучами солнца быстро исчезал, становилось тепло.

Пройдя ли три-четыре, мальчики вдруг увидели в котловине среди кустов и травы десятка два пасшихся баранов и коз. Едва дети пришли в себя от изумления, как на них с лаем бросилась большая

черная собака, и Хуну пришлось отбивать зайцем ее яростные нападения.

На выручку им из-за соседнего бугра появился китаец; он отозвал собаку и спросил:

— Откуда вы взялись, мальчуганы? Куда идете? Кто вы такие?

Хун и Пао объяснили, что заблудились и идут на ферму возле песков.

— А давно ли ваши поселились на этой ферме?

— Дней пять живем там, ждем, пока не уйдут дунгане, чтобы итти дальше, к Манасу, — сказал Хун.

— В городе живут мои родители, — прибавил Пао.

— Может быть, и живут, если дунгане их пощадили, — заметил китаец.

— А до фермы еще далеко? — спросил Хун. — Не знаешь ли, как туда пройти?

— Как не знать! Ферма-то моя. Я от дунган ушел в пески, а теперь, пожалуй, можно вернуться. Ну, пойдем ко мне, я вас покормлю, молоко найдется и еще что-нибудь, — прибавил китаец.

Он повел мальчиков через несколько бугров, за которыми оказалась большая котловина. В ней стояла плохонькая калмыцкая юрта, в которой и жил по-калмыцки, без мебели и кана, китаец с женой и двумя детьми. В юрте горел огонек и варилась просяная каша на козьем молоке. Но она еще не была готова, и хозяйка угостила мальчиков чашкой молока и мучными лепешками, жареными на сале.

За едой мальчики рассказали хозяевам все свои приключения, начиная от бегства с рудника. Китаец жил уже полтора месяца в песках, не видя людей, и жадно слушал новости, а его дети смотрели, разинув рты, на редких гостей, которые пережили столько приключений.

Во время разговоров поспела каша, все поели, и потом хозяин, послав жену сторожить овец, повел мальчиков к ферме, которая была в одном километре прямо на юг от убежища в песках. При-

На выручку им из-за соседнего бугра появился китаец; он отозвал собаку и спросил:

— Откуда вы взялись, мальчуганы? Куда идете? Кто вы такие?

Хун и Пао объяснили, что заблудились и идут на ферму возле песков.

— А давно ли ваши поселились на этой ферме?

— Дней пять живем там, ждем, пока не уйдут дунгане, чтобы идти дальше, к Манасу, — сказал Хун.

— В городе живут мои родители, — прибавил Пао.

— Может быть, и живут, если дунгане их пошадил, — заметил китаец.

— А до фермы еще далеко? — спросил Хун. — Не знаешь ли, как туда пройти?

— Как не знать! Ферма-то моя. Я от дунган ушел в пески, а теперь, пожалуй, можно вернуться. Ну, пойдем ко мне, я вас покормлю, молоко найдется и еще что-нибудь, — прибавил китаец.

Он повел мальчиков через несколько бугров, за которыми оказалась большая котловина. В ней стояла плохонькая калмыцкая юрта, в которой и жил по-калмыцки, без мебели и кана, китаец с женой и двумя детьми. В юрте горел огонек и варилась просыная каша на козьем молоке. Но она еще не была готова, и хозяйка угостила мальчиков чашкой молока и мучными лепешками, жаренными на сале.

За едой мальчики рассказали хозяевам все свои приключения, начиная от бегства с рудника. Китаец жил уже полтора месяца в песках, не видя людей, и жадно слушал новости, а его дети смотрели, разинув рты, на редких гостей, которые пережили столько приключений.

Во время разговоров поспела каша, все поели, и потом хозяин, послав жену сторожить овец, повел мальчиков к ферме, которая была в одном километре прямо на юг от убежища в песках. При-

242

ближаясь к ней, они увидели на вершине бугра фигуру лое, который размахивал руками, словно ветряная мельница: это он подавал сигналы Лю Пи, бродившему по пескам в поисках потерявшихся детей.

Китаец с удовольствием увидел, что его ферма в порядке. Рудокопам пришлось признаться, что они нашли его склад и взяли из него припасы. Ночной посетитель был, конечно, он сам; он пришел, чтобы взять себе муки, не подозревая, что в фанзе уже поселились люди, а когда он увидел приближавшегося к нему человека, то испугался и убежал, приняв его за дунганина.

Беглецы провели еще три дня на ферме и посетили китайца в его убежище, чтобы купить у него барана. Собравшись, наконец, в дальнейший путь, они подарили ему одно из ружей с зарядами и расстались друзьями.

* * *

Еще целую неделю шли беглецы на юг, пробираясь по рошам и брошенным фермам, частью разоренным, держась в стороне от большой дороги. Без особых приключений они добрались, наконец, до города Манас, у подножия Тянь-Шаня, уже очищенного от дунган, но сильно пострадавшего. Китайское население, не ушедшее заблаговременно в горы на юге и в леса на севере, погибло, в том числе и родители Пао. Семья Лю Пи спаслась в горах и теперь вернулась. Беглецы поселились все вместе, кроме лое, уехавшего в Урумчи сдавать казенное золото, но потом возвратившегося к рудокопам, с которыми он сдружился за время скитаний в пустыне.

В компании с ними он открыл постоянный двор. Хун и Пао, конечно, тоже остались у них.

Но еще ряд лет жизнь была беспокойной: мятежи то затихали, то снова разгорались, и два раза всем приходилось убегать от дунган в горы и, вернувшись, восстанавливать разрушенные постройки. Добыча золота в Джаире заглохла совершенно,

243

потому что шайки дунган еще долго укрывались в этих горах, и на рудниках было опасно жить. Многие рудокопы погибли, остальные разошлись по всей стране и занялись другими делами.

Развалины рудничных поселков видны и теперь рядом с брошенными шахтами, в которых живут волки и лисицы. Но золотоносные жилы еще не выработаны, и со временем возникнет новая жизнь на старых пепелищах, снова застучат кирки в глубине шахт, добывая кварц с драгоценным металлом, но только работать, вероятно, будут новыми, более совершенными методами, и на развалинах примитивных фанз вырастут гораздо лучшие поселки. Джунгарская пустыня пока хранит в своих недрах золото для будущих поколений.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие.....	3
В китайской шахте.....	8
Рудоносы.....	12
Золотоносная пустыня.....	19
Хый-фын.....	23
Подземные духи.....	27
Неожиданная пожива.....	32
На золотой мельнице.....	39
Жадный надзиратель.....	47
Счастье Лю Пи.....	53
Ночной гость.....	60
Охота на архаров.....	66
В погонс за воров.....	76
Костер в чаще.....	83
Обыск.....	90
Замыслы Хуна.....	98
Пао и Хун на охоте.....	103
Тревожная ночь.....	110
Куда идти?.....	115
Перселение.....	121
Рудник Ван-Чжу-Ван-цзе.....	129
Калмыки бегут от дунган.....	132
Рудокоп провеняет песок.....	136
Мафу в разведке.....	141
Куда бсжать?.....	144

245

Как образуются золотоносные жилы.....	149
В холмах изъеденных камней.....	152
Приключения в долине Дарбуты.....	160
Покинутый лес.....	166

Мертвый город Орху.....	174
Калмыки пришли.....	183
В Мертвом городе.....	191
Хун в плену.....	196
Огненный смерч.....	204
Отшельник черных холмов.....	212
В осадном положении.....	221
Подземный склад.....	229
Пао и Хун в песках.....	233
Последние шаги.....	238

OCR Давид Титиевский, сентябрь 2021 г., Хайфа

Цена 7 р. 75 к.